

Елена
МИХАЙЛОВА
Настоящий
Детектив

Новинка

Кто убийца,
миссис Норидж?

Annotation

Благопристойные английские поместья напоминают глубокие озера с темной водой. Что скрывается там, за невозмутимой гладью? Твердое надежное дно или коварные омуты, мелкие безобидные рыбешки или страшные зубастые чудовища? Твердость духа, незыблемые принципы и типично английское чувство юмора помогают Эмме Норидж блестяще разрешать загадки, которые подбрасывает ей жизнь. Берегитесь, господа – гувернантка выведет вас на чистую воду! Это сборник потрясающих рассказов, посвященных расследованию английской гувернантки Эммы Норидж.

- [Елена Михалкова](#)
 - [Восемь принципов миссис Норидж](#)
 - [Роб Хэмиш, трус](#)
 - [Перчатки Глории Кэдиш](#)
 - [Призрак поместья Эштонвилл](#)
 - [Дело о мертвой собаке](#)
 - [Кто убийца, миссис Норидж?](#)
-

Елена Михалкова

Кто убийца, миссис Норидж?

Восемь принципов миссис Норидж

Эдвард Кендел откинулся на спинку кресла, сложил руки на животе и с любопытством взглянул на гувернантку.

– Ну-с, миссис Норидж, расскажите немного о себе.

Перед ним сидела высокая сухопарая женщина лет сорока с очень прямой спиной. Твердый подбородок выдается вперед, губы плотно сжаты, вид бесстрастный. «Суровая дама», – одобрительно подумал мистер Кендел. Возможно, Люси правильно сделала, что наняла ее.

– Я имею в виду не биографию, – уточнил он. – О чем-нибудь важном для вас.

Гувернантка ненадолго задумалась.

– Я бы сказала, сэр, у меня есть принципы.

– Принципы? Что ж, отлично! Рад это слышать. В наше время не так-то просто встретить человека с принципами. Не то чтобы я хочу сказать, будто все вокруг беспринципны, но людям не хватает твердых этических правил!

Миссис Норидж, не моргнув глазом, выслушала эту пылкую речь.

Слегка успокоившись, Эдвард Кендел придвинул к себе чашку с чаем.

– Так что же с вашими принципами?

– Их восемь, сэр.

– Любопытно, любопытно!

– Во-первых, выпивать на ночь стакан теплого молока. Во-вторых, съесть утром яблоко. В-третьих, каждый день читать хотя бы одну главу из книги. В-четвертых, никуда не ходить на голодный желудок...

Мистер Кендел смотрел на Эмму Норидж со все возрастающим изумлением и наконец не выдержал:

– Послушайте, но разве... Простите, я хотел сказать – какие же это принципы? Это обычные правила!

– Правила, которые соблюдаются неукоснительно, становятся принципами, – спокойно возразила гувернантка.

Мистер Кендел так разволновался, что выпил залпом полчашки горячего чая.

– Но принципы – это нечто значительно большее, чем молоко! Например, альтруизм. Вам знакомо бескорыстное служение ближнему?

– Я предпочитаю служить ближнему за строго оговоренную плату, – сухо сообщила миссис Норидж.

– Ох, боже мой... Ну хорошо, а стремление содействовать всеобщему благу? «Что ни сделаю, все на пользу обществу!» – продекламировал он. – Разве не прекрасно?

– Не вижу, чем это существенно отличается от моего ежеутреннего яблока.

Мистер Кендел поперхнулся чаем.

Гувернантка сочувственно посмотрела на него и сочла нужным развернуть свою мысль:

– Я регулярно покупаю фрукты, следовательно, этот принцип стимулирует развитие сельского хозяйства. А съедая утром яблоко, я сохраняю собственное здоровье, что, несомненно, наилучшим образом отзывается на системе нашего здравоохранения. Ведь оно долго еще не будет иметь со мной дела.

Мистер Кендел издал звук, похожий на кваканье. И некоторое время молча сидел, таращась на нее.

Миссис Норидж вежливо ждала, пока он найдет новые аргументы. Но поскольку минуты шли, а мистер Кендел по-прежнему походил на жабу, оглушенную камнем, она хладнокровно осведомилась:

– Так когда я могу приступить к работе, сэр?

Две недели спустя

– Поридж! Миссис Поридж! Поридж! Миссис Поридж!

Роза, Милисент и Норман влетели в столовую, толкая друг друга и хохоча.

– Дети, дети! – остановила их мать. – Не смейте называть миссис Норидж овсянкой!

– Но она похожа на овсянку!

– Такая же пресная!

– Такая же холодная!

– И от нее невозможно избавиться, – пропищала младшая девочка.

– А вы хотели бы от нее избавиться? – удивилась Люси Кендел.

– Не-е-ет! – хором выкрикнули все трое.

– Пусть и дальше мучает нас примерами, – великодушно добавил мальчик.

Люси наклонилась к мужу:

– Я же говорила, – шепнула она ему на ухо. – Она их околдовала. Даже Норман бегает за ней по пятам.

Не отрываясь от утренней газеты, Эдвард фыркнул:

– Не понимаю, чем это объяснить. Она невозможная чудачка! Что бы ни случилось, лишь хмыкает в ответ. И чопорна, как королева. В ее присутствии меня вечно тянет выпрямиться и втянуть живот.

– Тебе бы это не помешало, – с улыбкой сказала миссис Кендел и поднялась навстречу вошедшей гувернантке. – Доброе утро, миссис Норидж!

За завтраком мистер Кендел начал читать почту и вдруг издал леденящий душу стон.

– В чем дело, дорогой? – встревожилась Люси.

– Полли Парсонс пишет, что собирается приехать на мое сорокалетие! – простонал Эдвард.

– Твоя тетюшка Полли? Но это же замечательно! Ты сам говорил мне, что двадцать лет ее не видел.

– И с радостью не видел бы еще столько же. Как вспомню ее пенсне, кривые зубы и неизменного английского бульдога возле юбки, так мурашки бегут по коже. А эти вечные проповеди! Она даже путешествовать отправилась лишь затем, чтобы нести всем свет истины.

– Где она сейчас?

– В Индии, – уныло ответил Эдвард. – Вернее, мчится оттуда в Англию на всех парах. Как будто мало мне будет визита братца.

Миссис Норидж удивилась:

– У вас есть брат, мистер Кендел?

Дети захихикали.

– Норман! Милисент! – строго призвала их к порядку гувернантка.

Эдвард махнул рукой:

– Наши отношения ни для кого не секрет. Отец включил в завещание пункт, по которому я могу выделять Дэвиду содержание, если посчитаю нужным. Но при условии, что он будет являться за деньгами лично. Отец надеялся, что таким образом я смогу контролировать его. Если бы не этот пункт, я бы вряд ли удостоился счастья видеть своего непутевого брата.

– Эдвард! – укоризненно воскликнула миссис Кендел и с улыбкой обратилась к гувернантке: – Не слушайте его. Дэвид, конечно, шалопай, но они с Эдвардом любят друг друга. Я бы сказала, Дэвид из тех людей, которые полезут через забор, даже если рядом есть калитка.

– Шалопаем можно быть в двенадцать лет, – проворчал ее муж. – А в тридцать пять это уже неприлично. Но ничего, на этот раз у меня для него кое-что приготовлено.

Люси Кендел покачала головой:

– Ты не уговоришь его жениться на Дороти.

– Это мы еще посмотрим!

Норман вскочил и обежал вокруг стола:

– Дядя Дэвид будет учить меня стрелять из лука!

Он повис на шее отца:

– Папа, а покажи свои ружья!

– И мне, и мне! – поддержала Милисент.

Эдвард нахмурился:

– Ну что за глупости?

– Но миссис Норидж не видела твою коллекцию, папочка!

– В самом деле? Разве я не показывал вам мои ружья, миссис Норидж?

– Увы, нет, сэр.

С самым равнодушным видом, который он только мог на себя напустить, мистер Кендел спросил:

– Не хотите ли взглянуть?

– С удовольствием.

Люси Кендел сдержала улыбку.

В своем кабинете мистер Кендел отдернул штору на стене, и за ней обнаружилась узкая металлическая дверь с кодовым замком.

– Обратите внимание – последнее слово техники, – похвастался он. – Комбинация цифр известна только мне.

Эдвард быстро нажал несколько кнопок, замок щелкнул, и дверь распахнулась.

– Прошу вас, миссис Норидж.

Дети, войдя в оружейную, благоговейно притихли. На стенах в застекленных шкафах висели ружья – начищенные, сверкающие благородной сталью. Мистер Кендел с гордостью обвел рукой свою сокровищницу:

– Я хочу собрать коллекцию ружей из всех стран, где их только производят.

Он открыл стеклянную дверцу.

– Вот эти два – из Германии. Великолепные образцы!

– А это, мистер Кендел? – спросила гувернантка, указывая на узкий ствол со странными значками на ложе.

– Японское. Купил его по случаю для коллекции. Таких существует всего пять штук, они сделаны известным мастером.

– Должно быть, это большая ценность, сэр?

– О, вовсе нет. Японцы не большие специалисты в оружейном деле.

Удивительный народ: даже к ружью они ухитрились приложить многостраничную инструкцию – на своем языке, разумеется. Вы можете себе представить – руководство по использованию ружья!

Недоуменно качая головой, Эдвард Кендел повесил оружие на место.

– А вот эта красавица не чета той поделке. Кремниевое турецкое ружье! Взгляните, миссис Норидж, не стесняйтесь! А вот аркебуза: золоченая мушка, резная ореховая ложа с граненым прикладом, костяная резьба... Смотрите, как подогнаны пластинки.

– Это, кажется, сцены из охоты богини Дианы, – заметила миссис Норидж, приглядевшись к резьбе.

– Возможно, – согласился Эдвард, не проявив особого интереса. – Колесцовый прижимной замок – вот что любопытно! Видите ли, в аркебузах подобного типа...

Миссис Норидж вздохнула про себя и отдалась на волю провидения.

Провидение, однако, было к ней благосклонно: каких-то десять минут спустя мистера Кендела позвали.

– Я расскажу вам об этом в другой раз, – пообещал он, с видимой неохотой прервав свою речь.

– Надеюсь на это, сэр, – солгала миссис Норидж, не моргнув глазом.

Две недели спустя гость, которого так страшился мистер Кендел, пересек порог его дома.

– Почему меня никто не встречает? – скандальным тоном спросила тощая сутулая дама, окинув гостиную возмущенным взглядом.

На носу дамы криво сидело пенсне, на подбородке торчали две бородавки, возле ног пристроился хмурый белый бульдог. В одной руке дама сжимала дорожную сумку, в другой – томик Библии.

– Тетушка Полли! – с фальшивым воодушевлением воскликнул Эдвард, спеша ей навстречу. – Бог мой, какая радость!

Мисс Парсонс гневно уставилась на него.

– Я полагала, твоя семья выстроится у дверей, чтобы приветствовать меня. Какой недружелюбный прием!

– Но тетя Полли! Мы не знали, когда вас ждать.

– Это тебя не оправдывает, – отрезала пожилая дама. – Я вижу, ты все так же бестолков. Твоему отцу следовало лишиться наследства не только твоего младшего брата, но и тебя. И передать его кому-то, кто мог бы распорядиться деньгами с умом и добродетелью!

Она горделиво повела подбородком, так что сразу становилось ясно, кто этот умный и добродетельный человек. Затем сунула племяннику

сумку, вручила поводок и двинулась в глубь дома, недовольно бормоча.

Люси Кендел подошла к мужу.

– Кажется, я понимаю, почему тетушка редко приезжала к вам с Дэвидом, – тихо сказала она, провожая взглядом сутулую фигуру.

– Отец ее терпеть не мог, несмотря на то что она его двоюродная сестра и единственная родственница. Когда мне было чуть меньше двадцати, она уехала из Англии, и все вздохнули с облегчением.

Подбежавшая Милисент прильнула к матери.

– Надолго к нам тетушка Полли?

– Полагаю, на неделю, милая. Как раз до папиного дня рождения.

– А завтра прибудет твой любимый дядя Дэвид, – напомнил Эдвард.

Но когда миссис Норидж с Милисент отошли, девочка сказала, насупившись:

– Я вовсе не люблю дядю Дэвида. Он хоть и веселый, но злой.

Веселый и злой Дэвид оказался обаятельным загорелым мужчиной с белоснежными зубами, часто обнажающимися в улыбке. Эдвард Кендел был широкоплеч и основателен, Дэвид – тонок и высок. Миссис Норидж поняла, почему Люси заступалась за него: такие мужчины, как Дэвид, для нее всего лишь озорные мальчишки.

Но проказы мальчишек не всегда бывают безобидны.

Гувернантка мало говорила, но много подмечала. Из фраз, которыми обменивались мистер и миссис Кендел, она поняла, что в юности Дэвид не питал особого уважения к закону. Подделанные чеки отца, взломанные ящики, карточные долги, беспорядочные связи с женщинами... Разъяренный мистер Кендел-старший в конце концов наказал беспутного младшего сына.

Но в свои тридцать пять лет Дэвид по-прежнему был весел и беззаботен. Последние полгода он путешествовал по Италии на деньги брата и, по убеждению Эдварда, впустую прожигал жизнь.

Чтобы наставить Дэвида на путь истинный, старший брат задумал женить его. Но найти подходящую супругу для человека, лишенного наследства, оказалось не так-то просто. Четыре месяца матримониальных исследований – и Эдвард наконец обнаружил среди девиц, засидевшихся в невестах, такую, которую не отпугивало прошлое младшего Кендела.

– Персиваль Уокер? – в ужасе воскликнул Дэвид. – Ты пригласил священника?!

– Священника и его сестру, – уточнил Эдвард. – Дороти Уокер –

отличная партия.

– Ты забыл добавить – для самца трески.

Эдвард побагровел, но сдержался. Сосчитав про себя до десяти, он сказал:

– Она милая неглупая девушка. И у нее много других достоинств.

– Например, умение многозначительно молчать целыми часами и возводить очи к небу с таким видом, будто она села на булавку, но вынуждена терпеть. Перестань, Эдвард! Я отлично помню Дороти. Она бледная снулая рыбина, и ее братец точно такой же. Если хочешь, держи их в своем садке, но не думай, что и я буду барахтаться с ними.

– Черт возьми, ты будешь делать то, что я тебе скажу! – вспыхнул Эдвард. – Я не прошу тебя немедленно бежать с Дороти под венец. Но ты можешь присмотреться к ней? Поговорить? Неужели это так много?

Несколько секунд Дэвид смотрел на него жестким пристальным взглядом. Затем внезапно сдался:

– Хорошо, если ты этого хочешь.

И вышел из комнаты.

Эдвард мысленно поздравил себя с успешным завершением непростого разговора. Но в глубине души ему было не по себе. Судя по тому, как быстро Дэвид пошел на попятную, он что-то задумал.

А все, задуманное Дэвидом, было чревато серьезными неприятностями для остальных членов семьи.

– Гастон, моя крошка! – ворковала тетушка Полли, присев на корточки перед бульдогом и пичкая его печеньем. – Ну-ну, моя детка, не отворачивайся от мамочки!

На морде бульдога были написаны тоска и отвращение.

– Тетушка Полли, он не хочет! – сказал Норман.

– Мисс Парсонс лучше знает, что нужно ее собаке! – тут же вмешалась Дороти Уокер.

– Благодарю вас, милая, – любезно сказала пожилая дама. – Вы совершенно правы: я лучше знаю.

Но тут бедный Гастон, потеряв терпение, вскочил и бросился наутек.

– Ловите его! – закудаhtала тетушка Полли. – Ловите!

Священник с сестрой, медлительные и неловкие, одновременно вскочили, кинулись за псом и столкнулись в дверном проеме. В них врезалась тетушка, и пока все трое бились в дверях, бульдог во всю прыть улепетывал к калитке.

Норман прыснул, и даже Люси Кендел не смогла сдержать смех.

– Этот пес постоянно от нее удирает, – раздраженно сказал Эдвард. – И вообще он крайне неприятное животное. Вчера я обнаружил его разлегшимся на моих домашних туфлях. Кажется, скоро он будет расхаживать по дому в моей пижаме!

После долгой суеты беглеца изловили и торжественно привели обратно. Запыхавшейся и хромающей мисс Парсонс сестра священника заботливо подложила подушку под ноги.

– О, благодарю вас, милая! Я растянула связки пару недель назад, и травма до сих пор дает себя знать.

– Должно быть, это случилось в том поезде? – сочувственно спросила Дороти. – Я читала, что в Индии состав сошел с рельсов. Вы ехали в нем, мисс Парсонс?

– Да, пересекала материк с юга на север, – кивнула тетушка Полли. – К счастью, мой вагон накренился, но не упал. Можно было бы сказать, что я отделалась легким испугом, но это было бы неправдой: я ни капли не испугалась.

Священник взял со стола газету и развернул ее.

– Здесь пишут, что состав рухнул с насыпи. Сообщают о сорока погибших и двух сотнях раненых! Вам очень повезло, мисс Парсонс.

– Эти газетчики вечно преувеличивают. Невозможно читать их нелепые выдумки! Позвольте-ка газету... Вот, пожалуйста: ограбления, убийства, кражи! Уверена, половины этого не происходило на самом деле. А фотография мошенника в разделе происшествий! У людей не бывает таких выпуклых лбов, рыбьих глаз и обвисших до шеи усов. Это портрет сома, а не человека.

– Ограбления? – переспросил Дэвид, не обращая внимания на портрет, который тетушка совала ему под нос. – Можно взглянуть? Смотри-ка, Эдвард!

И он зачитал вслух:

– «Этот месяц ознаменовался серией необычных краж, жертвами которых стали известные коллекционеры оружия. Злоумышленники проникали в оружейные комнаты, вскрывали сейфы, но что именно было похищено и на какую сумму, не сообщается. Преступники пока не найдены, но полиция прилагает все силы...» И так далее.

– Эдвард, на твоём месте я была бы осторожна, – заметила тетушка Полли.

– Если кто-то и представляет угрозу для его замков, то лишь я, – со смехом отозвался Дэвид. – Помню, в детстве ни одна закрытая дверь не была для меня препятствием.

Но, поймав предостерегающий взгляд Эдварда, он осекся.

– В самом деле, мистер Кендел, – встревожилась Дороти. – Вы уверены, что ваша коллекция хорошо охраняется?

– Совершенно, дорогая мисс Уокер. Новейший кодовый замок и код из шести цифр защищает ее от любого взлома.

Он победоносно оглядел окружающих и подытожил:

– Мои ружья в полной безопасности!

Перед тем, как лечь спать, миссис Норидж по своему обыкновению взяла книгу. Но пять минут спустя поймала себя на том, что строки, которые она только что прочла, улетучились из головы.

Гувернантка отложила книгу, сняла очки и задумалась.

Что-то шло не так.

Эмма Норидж всегда прислушивалась к своему внутреннему голосу. А сейчас он тихо, но настойчиво предупреждал, что грядет нечто плохое.

Эмма припомнила, что происходило сегодня. Самой серьезной неприятностью был испорченный обед, а за ним и ужин. Кухарка безбожно пересолила и то и другое, а когда Люси Кендел спустилась на кухню, чтобы выяснить причину, вместо ответа горько разрыдалась. На все расспросы хозяйки она отвечала слезами, просила прощения и клялась, что это больше не повторится.

Кухарка работала в семье Кенделов больше тридцати лет. Было бы странно подозревать ее в чем-нибудь.

И главное – в чем?

Миссис Норидж с досадой побарабанила пальцами по столу. Неужели та глупая газетная статья подействовала на нее?

Так ничего и не придумав, Эмма потушила лампу и легла спать, очень недовольная собой.

Когда часы в большой зале пробили полночь, она проснулась от их глуховатого «бом-м-м!» и даже привстала на кровати, пораженная ужасной мыслью. Бог ты мой, со всеми этими размышлениями она забыла про свое молоко!

Какая непростительная рассеянность! Вокруг могут происходить ограбления, бури, землетрясения и войны, но неизменный стакан молока должен быть выпит.

Эмма накинула на плечи шаль, сунула ноги в домашние туфли и вышла из комнаты.

Пробираясь на кухню по темным коридорам, она прислушивалась к дыханию дома. Все крепко спали. Ни единый звук не нарушал ночную

тишину, кроме шелеста ее собственных шагов, тиканья часов и...

...и хриплого сопения.

Миссис Норидж остановилась. Это что еще такое?

Наклонив голову, она уловила, что к сопению примешиваются еще какие-то звуки. Неподалеку кто-то скребся.

Гувернантка прошла еще несколько шагов и заглянула в приоткрытую гостиную. Там-то и обнаружился источник звука.

На подоконнике, перевесившись передней частью за окно, висел бульдог Гастон и отчаянно работал задними лапами, пытаясь перебросить свою толстую тушу наружу. Окно забыли запереть, и в эту узкую щель, больше подходившую для кота, чем для раскормленного бульдога, пытался выбраться негодный пес.

– Гастон! – шепотом окликнула Эмма.

Задняя часть Гастона на секунду замерла, а затем пес принялся еще более ожесточенно скрести задними лапами по подоконнику. Прежде, чем миссис Норидж успела подбежать и схватить его, он наконец вытолкнул себя, точно пробку из бутылки, сверзился на землю и припустил прочь.

Миссис Норидж не могла допустить, чтобы чужой пес удрал. И поскольку возиться с засовами на двери не было времени, гувернантка подняла створку окна и последовала примеру беглеца.

Спустя некоторое время случайный наблюдатель мог бы видеть удивительную и редкую для этих мест картину. По освещенной лунным светом дорожке в направлении деревни мчался, переваливаясь, упитанный бульдог. За ним почти так же быстро бежала худая женщина в длинной белой ночной рубашке, делавшей ее похожей на привидение. Время от времени бульдог оборачивался, убеждался, что его все еще преследуют, и прибавлял скорость.

Эта странная пара миновала поместье Кенделов, пересекла поле и выбежала к деревне.

На пригорке бульдог остановился. Он повел носом, приглушенно гавкнул, точно прощаясь, и потрусил по обходной дороге, больше не оглядываясь назад.

Минуту спустя на том же месте, тяжело дыша, стояла миссис Норидж. Она считала себя весьма упорным человеком, но на этот раз ей пришлось признать, что целеустремленность бульдога победила ее собственную. Перспектива бежать до самого Лондона за негодной собакой ее не прельщала.

Оставалось одно – вернуться в поместье. Но прежде чем идти обратно, Эмма устало облокотилась на ближайшую ограду. Ей требовалась

передышка.

Возле дома, в окнах которого горел свет, послышался смех.

– ...только ради тебя, – донеслось до миссис Норидж.

Голос Дэвида Кендела!

Женщина, смеясь, что-то отвечала. Гувернантка из деликатности отошла, но дверь приоткрылась, и она успела заметить в упавшей полосе света высокого мужчину и прильнувшую к нему молодую темноволосую женщину.

– Хм, – осуждающе поджала губы миссис Норидж.

Что ж, Дэвид оставался верен себе. Даже здесь, в маленькой деревушке, он ухитрился обольстить одну из местных красавиц.

Обратный путь показался миссис Норидж довольно утомительным. Она даже пожалела, что перед ней не бежит бульдог. Вернувшись в поместье Кенделов, гувернантка подошла к двери, дернула за ручку и только тут вспомнила, каким путем покинула дом. От всей души надеясь, что никто не застанет ее в столь двусмысленной ситуации, она поплелась к окну.

К счастью для репутации миссис Норидж, все жители особняка крепко спали. Кроме Дэвида, но Эмма предполагала, что он вряд ли ложился в эту ночь.

Уставшая, побежденная бульдогом, миссис Норидж доплелась до кухни, подогрела молоко, выпила его и вернулась к себе. Уснула она сразу, едва ее затылок коснулся подушки.

Утром миссис Норидж проснулась с тяжелой головой. Не столько из-за погони за собакой, сколько оттого, что всю ночь ей снились сны, в которых она преследовала разнообразных животных. Вспомнив, каково было бежать за носорогом, гувернантка поежилась.

Но, несмотря на усталость, она сразу заметила, что один из ее воспитанников чем-то расстроен.

– Что случилось, Норман?

Но мальчик лишь крепче сжал губы и помотал головой.

– Тебя кто-то обидел? – допытывалась гувернантка.

Норман шмыгнул носом и отвернулся.

– Я уже все рассказал отцу, – проговорил он. – Он говорит, что это ерунда.

Если про себя миссис Норидж и высказала несколько нелестных эпитетов в адрес Эдварда Кендела, с губ ее не сорвалось ни слова.

Она достала тетради, в которых они вместе решали примеры, села

рядом. Но вместо того, чтобы начинать урок, молча погладила Нормана по руке.

Эта неожиданная ласка от всегда сдержанной гувернантки вдруг пробила брешь в обороне мальчика. Он обернулся, обнял миссис Норидж и всхлипнул.

– Ну-ну, мой дорогой... Скажи, что случилось?

– Их там больше нет!

– Кого?

– Скворцов! На вязе было гнездо с птенцами. Трое, совсем крошечные, лысенькие. Я каждое утро забирался на дерево, чтобы полюбоваться на них. А сегодня залез, а они... они... Они пропали!

Он со страхом взглянул на миссис Норидж, боясь, что над ним будут смеяться. Но гувернантка даже не улыбнулась.

– Это очень печально, Норман. Пропали только птенчики?

– Нет, все гнездо. – Он вытер слезы. – Значит, они все умерли.

– Все гнездо? – повторила миссис Норидж. – Покажи-ка мне это дерево, Норман.

Они вышли в сад, обогнули дом и остановились возле старого раскидистого дерева.

– Гнездышко было вон там, на третьей ветке, – показал мальчик. – А сейчас его там нет.

И тут миссис Норидж выкинула фокус. Она ухватила за ветку над головой, подтянулась с неожиданной для своего возраста легкостью, перебралась на ветку повыше и встала, держась за ствол.

От изумления Норман даже забыл о своем расстройстве.

– Вот это да! Миссис Норидж, где это вы так научились?

Но гувернантка не ответила. Она оглядела ветку, на которой раньше было гнездо, а затем внимательно осмотрелась вокруг. Особенно ее заинтересовал вид в окне, которое было прямо напротив. В кабинете мистер Кендел раскладывал на столе какие-то бумаги, не догадываясь, что в шести футах от него находится человек.

С той же легкостью миссис Норидж спустилась вниз, спрыгнула на землю и отряхнула ладони.

– Ты, наверное, думаешь, что гнездо пропало из-за тебя? – спросила она.

Норман молча кивнул.

– Я не трогал их, – горячо сказал он, – я знаю, что нельзя! Но скворцы все равно кричали и вились вокруг.

Миссис Норидж присела перед ним на корточки и взяла за руки.

– Можно испугать птиц настолько, что они бросят своих птенцов. Но чтобы они унесли гнездо – о таком я не слыхала. Поверь мне, ты ни в чем не виноват.

Успокоив мальчика, миссис Норидж направилась напрямик к его отцу.

– Мистер Кендел, могу я поговорить с вами?

– О, конечно. Что-то с детьми?

– Нет, с ними все в порядке. Не считая того, что Норман был сегодня очень огорчен...

– ...какими-то птенцами, знаю, – подхватил Эдвард. – Я не придал значения этим глупостям.

Миссис Норидж поджала губы.

– Осмелюсь сказать, сэр, напрасно. Это важно.

Эдвард Кендел недоуменно воззрился на нее.

– Что важно?

– Исчезновение гнезда. Учítывая это, а также пересоленную еду, я бы очень рекомендовала вам, сэр...

Она замялась. Эдвард наклонился вперед:

– Что рекомендовали бы?

Миссис Норидж вскинула на него серые глаза.

– Сменить код на замке в вашу оружейную комнату, сэр.

Несколько секунд Эдвард удивленно смотрел на нее, а потом расхохотался. Гувернантка, ничуть не обиженная, невозмутимо ждала, пока он закончит смеяться.

Эдвард вытер слезы, выступившие на глазах:

– Извините, миссис Норидж. Мне просто показалась очень забавной связь между пересоленным бифштексом и моими ружьями.

– Однако она есть, сэр.

– И в чем же она заключается?

Миссис Норидж покачала головой:

– Простите, я пока не могу сказать этого. Но мой долг – предупредить вас о возможной опасности.

Мистер Кендел снисходительно улыбнулся, глядя на нее.

– Вы прислушаетесь к моему совету? – прямо спросила миссис Норидж.

– Простите, боюсь, что нет.

– Отчего же?

Эдвард помолчал, по-прежнему улыбаясь, снял очки и повертел их в пальцах.

– Миссис Норидж, помните наш первый разговор? Вы рассказывали о принципах?

– Разумеется, сэр.

– Вы сказали, у вас их восемь. Но перечислили всего четыре. Нельзя ли услышать про остальные?

– Конечно. Пятый принцип – помнить о том, что ленивый работает вдвое больше. Шестой – если не можешь принять решение, ложись спать. Седьмой – коровам, детям и собакам нужно уделять поровну внимания...

Ее прервал раскатистый хохот Эдварда.

На этот раз миссис Норидж пришлось ждать дольше, пока мистер Кеңдел успокоится.

– Коровам... собакам... – с трудом выговорил он сквозь смех, – и детям... Поровну! Ох, миссис Норидж! А что делать тем несчастным, у которых нет коров?

Эмма явно собиралась ответить, но Эдвард замахал руками:

– Нет-нет, умоляю вас! Это был риторический вопрос. Вы меня до разрыва сердца доведете своими принципами и рекомендациями. Не обижайтесь на меня, миссис Норидж, но...

Он пытался подобрать слова, и гувернантка пришла ему на помощь:

– Но мои советы кажутся вам не заслуживающими внимания.

– Нет-нет! Скорее, странными. Поймите меня правильно! Я не разделяю ваших... м-м-м... своеобразных принципов и не могу разделять ваших опасений.

Миссис Норидж поднялась.

– Что ж, я поняла вас, мистер Кеңдел. Благодарю за уделенное время.

За ужином все шло как обычно. Но чуткое ухо миссис Норидж резали нотки фальши в чьем-то голосе. Неуловимый флер тревоги сгущался над беззаботными внешне людьми.

Впрочем, был ли кто-то из них и впрямь беззаботен?

Мистер Эдвард не сводил глаз с брата, опасаясь, не скажет ли тот мисс Уокер что-нибудь, что отвратит ее невинную душу от такого негодяя. Словно заботливая дуэнья, Эдвард готов был в любую минуту исправить промах Дэвида.

Сам же Дэвид шутил и смеялся, но глаза его оставались серьезными. Он теребил сигару, не замечая, что табак сыплется ему на колени. Что-то тяготило младшего Кеңдела, но он тщательно скрывал это от всех.

Мисс Уокер, как и ее брат, играла роль восхищенной слушательницы. Ей, похоже, было все равно, кому внимать – лицо ее выражало одинаковый

восторг независимо от того, велась ли беседа о музыке или о разведении свиней. Священник кивал, и улыбка не покидала его бледное узкое лицо, держась на губах, точно приклеенная. Мистер Уокер настолько привык к ней, что даже когда все дружно начали выражать соболезнования тетушке Полли по поводу пропажи ее любимой собаки, он не перестал улыбаться.

– О, я уверена, Гастон вернется, – решительно заявила тетушка. – Его маленькое любящее сердечко просто разорвется вдали от меня.

Миссис Норидж вспомнила, как бульдога насильно кормили целыми днями, и подумала, что если бы он остался, то мог бы разорваться его маленький любящий желудок.

– Мисс Парсонс, мы завтра поищем его, – пообещала Люси.

– Разумеется, поищите, – ворчливо отозвалась пожилая леди. – Неужели я буду сама с больной ногой бегать по всей округе!

«Люси Кендел – вот кто спокоен, – подумала миссис Норидж. – Даже постоянные придирки тетушки Полли не слишком задевают ее».

Не подозрительна ли подобная безмятежность чувствительной Люси?

Миссис Норидж решительно встала. Определенно, ей нужно на время выкинуть все это из головы, или она начнет подозревать даже сбежавшего бульдога Гастона.

Эдварду Кенделу ночью не спалось. Он ворочался, вставал, читал, разбирал деловые бумаги – словом, проделывал все те действия, которые в другое время непременно усыпили бы его.

Но сон все равно не шел. Неясная тревога снедала Эдварда, и хуже всего было то, что определить ее источник он не мог.

Проще всего было решить, что причина в Дэвиде – в Дэвиде, который выводил его из себя подчеркнутым послушанием даже больше, чем насмешками. За насмешками Эдвард видел привычного младшего брата – безалаберного, ленивого, подвергающего осмеянию все то, что ценил в жизни сам Эдвард. Но за Дэвидом послушным, за Дэвидом кротким скрывался неизвестный ему человек, и на что он способен, старший брат не знал.

Он снова лег в кровать, твердо решив на этот раз не поддаваться тревожным мыслям. И это ему почти удалось. Но, уже погружившись в сон, Эдвард самым краешком сознания вдруг уловил, что было причиной его беспокойства.

Странное поведение миссис Норидж.

Он произнес это в полудреме и вдруг проснулся. Проснулся окончательно, без малейшей надежды заснуть вновь, словно его окатили

холодной водой.

Гувернантка! Ее смехотворное, нелепое предложение о смене шифра! Вот что не давало ему покоя. Эта донельзя странная теория о связи между пересоленным обедом, пропавшими птицами и кражей! Какая великолепная, образцовая глупость! Но именно из-за нее он мучился уже два часа.

Эдвард Кендел не на шутку рассердился. Завтра же, твердил он себе, расхаживая по комнате, завтра же он поговорит с ней всерьез и объяснит, что нельзя... что она не должна... что эти ее дурацкие принципы должны оставаться при ней!

В своем воображении Эдвард Кендел призвал миссис Норидж к благоразумию. Заложив палец за борт жилетки, он произнес целую речь. В ней он порицал чудачество и высмеивал странности. «Эксцентричность, – восклицал мистер Кендел, – не имеет права на существование в наше время прогресса и торжества здравомыслия!»

Когда он закончил свою пламенную тираду, а воображаемая миссис Норидж раскаялась и устыдилась, мистер Эдвард вытер пот со лба, точно оратор, произнесший лучшую в своей жизни речь, и рухнул бессильно в кресло.

Именно тогда зазвенела сигнализация.

Вдохновленный успехом своего выступления, мистер Кендел не сразу понял, что это такое. Мысленно он все еще аплодировал самому себе и принимал извинения от гувернантки. Но в конце концов настойчивый звон достиг его мыслей.

Эдвард поменялся в лице. Он вскочил и бросился в коридор, по которому уже бежал на удивление бодрый мистер Уокер.

– Где это звенит? – крикнул священник.

– В оружейной! Скорее, скорее!

Пыхтя и толкаясь, мужчины добежали до кабинета. Эдвард распахнул дверь и сразу увидел, что свет включен, а комната открыта. Ружейные стволы тускло поблескивали в глубине шкафов.

– Кража! – выдохнул он. – Черт возьми...

За его спиной возникла перепуганная Люси, из-за которой выглядывала сонная Дороти.

– Господи, Эдвард! Да выключи же ты этот звон!

Когда сигнализация смолкла, все вздохнули спокойнее.

– Что случилось, дорогой?

– Ты не видишь? Нас обокрали!

– Что пропало? – деловито проскрипели сзади.

Все обернулись и увидели тетушку Полли в халате и с лампой в руке. В глазах ее светилось жадное любопытство.

– Ох, тетушка, только не сейчас! – умоляюще воскликнул Эдвард. – Я еще не знаю, что украли.

– Так посмотри! Ты медлителен, как улитка.

Эдвард хотел уже ответить язвительно, но спохватился, что он и в самом деле должен сперва оценить размер ущерба. С колотящимся сердцем вошел он в оружейную и огляделся.

Шкафы раскрыты, ящики под ними выдвинуты, некоторые опрокинуты. Но, кажется...

– Кажется, ни одного ружья не исчезло! – неуверенным от радости голосом объявил Эдвард. – Постойте-ка... В самом деле!

– Так что же, все цело? – разочарованно осведомилась тетушка.

– Представьте себе! Должно быть, преступника спугнула сигнализация! Вот что значит не покуситься на кодовый замок!

Эдвард просиял. Несколько мгновений он чувствовал себя так, будто схватил вора собственными руками.

Но затем тень догадки омрачила его лицо.

– Послушайте, он может быть неподалеку! В саду!

Все бросились к окнам.

– Я вижу какую-то фигуру, – несмело сообщил Персиваль Уокер. – Вот там, за вязом.

– И я вижу, – воскликнула Дороти.

Все бросились в коридор, затем по лестнице, и внизу налетели на Дэвида. Тот был одет и с видом крайнего удивления наблюдал за суматохой.

Эдварда что-то царапнуло при виде брата, но в спешке он не отдал себе отчета в том, что именно – лишь бросил на бегу, что они видели вора, и устремился в сад.

Но злоумышленник, кем бы он ни был, опередил их. Обитатели поместья успели рассмотреть только фигуру, тяжело бегущую к лесу и скрывающуюся среди деревьев. Сгоряча кто-то предложил натравить на него собак, но все вспомнили, что из собак в доме имелся только бульдог тетушки Полли, да и тот пропал.

– Завтра вызовем полицию, пусть они ловят мерзавца, – сказал Эдвард, когда все вернулись в дом.

Люси подошла к нему.

– Слава богу, что все обошлось, дорогой.

– В самом деле, – поддержал Дэвид. – Выходит, та статья в газете все-таки имела под собой основания.

Эдвард рассеянно взглянул на него, поглощенный обдумыванием нового кода, и вдруг понял, что его насторожило.

– А почему ты одет? – удивленно спросил он.

Дэвид пожал плечами:

– Я выходил прогуляться.

– И никого не видел?

Младший брат покачал головой с самым беззаботным видом.

Эдвард помолчал.

– Ты же не любишь гулять, Дэвид, – нехотя сказал он наконец. – Даже днем.

Тот улыбнулся ему лукаво, как мальчишка:

– Люди меняются, дорогой брат. Вот и я изменился. Ты сам этого хотел!

Он подмигнул.

– Спокойной ночи, Эдвард. Спокойной ночи, Люси. Мистер Уокер, мисс Уокер, тетушка Полли... О, и миссис Норидж!

На это восклицание Эдвард резко обернулся.

Гувернантка стояла в дверях, полностью одетая.

– Если вы тоже скажете, что гуляли ночью, я вам не поверю, – тусклым голосом проговорил Эдвард.

На лице миссис Норидж отразилось легкое негодование.

– О, нет, сэр! Я – ночью? Боже упаси. Я только ждала, когда что-нибудь случится, и хотела быть готовой на этот случай.

– Мы спугнули вора. Вернее, не мы, а сигнализация.

– В самом деле, сэр?

Этот вопрос был задан почти безразличным тоном. Его вполне можно было счесть обычным проявлением интереса. Но мистер Кендел отчего-то почувствовал себя значительно хуже, чем за секунду до этого.

– У вас есть сомнения? – резко спросил он.

Гувернантка помолчала.

– Сколько времени проходит между взломом двери и включением сигнализации? – наконец спросила она.

– Если дверь взломали, то ни секунды!

– А если ее открыли, зная код?

В комнате воцарилось молчание. Все взгляды обратились на Эдварда.

– В этом случае, – начал он, – она включится, если не будет нажата специальная кнопка в одном из шкафов с ружьями.

– Благодарю вас, мистер Кендел, – вежливо сказала гувернантка. – Если я вам не нужна, разрешите удалиться?

– Да-да, конечно. Нет, постойте! Сегодня вы сказали, что...

Миссис Норидж пронзительно взглянула на него, и он осекся. Несколько мгновений ее взгляд сверлил его так, что Эдвард чуть не прикусил язык. Но когда к ним обернулся Дэвид, миссис Норидж уже стояла с выражением крайнего почтения на лице.

– Разве я что-то сказала, сэр?...

– Простите, я ошибся. Вы свободны.

Провожая ее взглядом, мистер Кендел подумал о том, что миссис Норидж знает гораздо больше, чем говорит. И она явно не желает, чтобы об этом догадывался кто-то, кроме него.

«Но обед? – мысленно воскликнул он. – При чем здесь пересоленный обед?»

На следующее утро священник, войдя в гостиную, увидел в кресле черную фигуру и подпрыгнул от ужаса.

– Доброе утро, мистер Уокер, – приветствовала его гувернантка.

– О, миссис Норидж! Вы меня ужасно перепугали. Что вас сюда привело в такую рань?

Миссис Норидж указала на газету.

– Я изучала последние новости.

– Но это не последние. У вас ведь тот самый номер, где была статья о кражах?

– Именно так, – подтвердила миссис Норидж. – И при желании здесь можно найти много интересного.

Персиваль слегка порозовел и отодвинулся на шаг назад, чтобы тень от шторы закрывала его лицо.

– А вы отчего поднялись так рано? – любезно спросила миссис Норидж, наблюдая за ним.

– Мне не спалось, – пробормотал священник.

– И вы решили провести утро в гостиной, – кивнула она. – Понимаю. Шесть утра, рассвет...

– Я надеялся почитать свежую прессу, – промямлил совсем покрасневший Персиваль Уокер.

– Боюсь, свежей пока нет. Может быть, удовольствуетесь этой?

Она с невинным видом протянула ему газету. Священник отскочил с таким видом, будто ему предложили дохлую крысу.

– Что ж, если вы отказываетесь, я, пожалуй, изучу ее внимательнее. До встречи, мистер Уокер.

И миссис Норидж удалилась, сжимая под мышкой газету.

Персиваль проводил ее затравленным взглядом.

А гувернантка поднялась в библиотеку и провела там три часа, проглядывая книги о ружьях. Эдвард Кендел в свое время подошел к сбору коллекции основательно и приобрел разнообразные исследования и монографии об оружии.

Сам он вряд ли прочел и десятую часть этих солидных трудов. Но миссис Норидж изучила их, как студент перед экзаменом: быстро и тщательно.

К концу трехчасовой работы перед ней лежали два листа, исписанные мелким, очень ровным почерком. Эдвард, проходивший мимо, заглянул в библиотеку и изумился:

– Миссис Норидж! Что вы здесь делаете?

Гувернантка потеряла переносицу.

– Читаю ваши книги, сэр. Когда-то вы дали мне на это разрешение. Надеюсь, оно в силе?

– Разумеется. Нашли что-то интересное?

– Безусловно. К примеру, я узнала, что человек, сделавший ваше японское ружье, – мастер Хаякава, оружейник самого императора. Незадолго до смерти он попал в опалу, оставил двор и скрылся ото всех в маленьком домике в горах. На протяжении года он работал над ружьями и успел сделать пять штук. Одно из них попало к вам. А затем мастер умер. Печально, что дом после смерти хозяина подвергся разграблению. Пропало абсолютно все. Вот здесь написано, – миссис Норидж постучала по увесистому тому, – что украли даже ставни. Таков был конец оружейника, на протяжении многих лет приближенного к самому великому человеку в своей стране, видевшего интриги, закаты старинных родов и рождение новых.

– Это трагичная история, – согласился Эдвард, – но, боюсь, она не делает ружья ни на фунт дороже. Я купил свое у старого собирателя, который торгует разнообразным барахлом. Время от времени у него попадаются стоящие вещи, и одну такую я и приобрел. Но, видите ли, миссис Норидж, с технической точки зрения это оружие довольно посредственное. Оно очень красивое, однако его внешний вид может ввести в заблуждение лишь неискушенного человека. Это один из самых недорогих стволов в моей коллекции. Любой специалист вам может это подтвердить.

Миссис Норидж достала из-под стопки книг газету и протянула Эдварду Кенделу.

– Прошу вас, взгляните на список тех, кто был обокраден. И скажите

мне, сэр, верно ли, что как минимум двое из них – владельцы ружей, сделанных мастером Хаякавой в последний год его жизни?

Удивленный Эдвард развернул номер и пробежал глазами статью.

– Бог ты мой! Вы совершенно правы. Но как вы догадались?

– Это явственно следовало из того, что сигнализация сработала не от взлома, – туманно ответила миссис Норидж.

Взглянув на вытянувшееся лицо Эдварда Кендела, она сжалилась:

– Сэр, у вора было достаточно времени, чтобы обыскать всю оружейную. Он знал код. Сигнализация сработала лишь тогда, когда он открыл последний шкаф.

– И что это значит?

– Боюсь, это не вы испугнули его. Он ушел сам. Если бы я была азартна, то могла бы держать пари, что у других коллекционеров тоже ничего не пропало.

Она склонилась над книгой, и мистер Эдвард понял, что больше ничего не услышит.

В дверях он обернулся и с удивившей его самой робостью проговорил:

– Миссис Норидж, вы подозреваете кого-то из тех, кто сейчас живет в доме?

Она подняла на него серые глаза.

– Я знаю это наверняка.

– У меня есть одно крайне тягостное подозрение... – начал он.

Но гувернантка покачала головой:

– Простите. Я пока не готова ни подтвердить, ни опровергнуть ваши соображения.

Внезапно мистера Кендела молнией пронзила догадка.

– Нам стоит ждать следующей попытки кражи?

Миссис Норидж молчаливым кивком подтвердила его предположение.

– Но что же делать? – мистер Кендел растерялся, что случилось с ним нечасто. – Я могу наводнить дом полицией...

– Тогда вы ничего не узнаете. Преступник тихо исчезнет, чтобы ждать более удобного случая.

– Что же, вести себя как ни в чем не бывало?

– Это единственный шанс поймать его, сэр. Поверьте мне.

Еще вчера предложение поверить миссис Норидж, этой чопорной гувернантке, странной особе, съедающей по утрам яблоко, на ночь выпивающей стакан молока и считающей, что детям, коровам и собакам нужно уделять поровну внимания, вызвало бы у мистера Кендела

искренний смех.

Но только не сегодня. Она предупредила его о попытке взлома, он не прислушался, и это доставило ему несколько очень неприятных минут. Помня об этом, мистер Кендел покорно кивнул, словно отдаваясь на волю провидения и миссис Норидж.

Но напоследок все-таки не удержался:

– Неужели я ничего не могу сделать? Ничего полезного?

– Можете, сэр, – сказала гувернантка. – Не считите за дерзость, но для всех будет очень полезно, если вы извинитесь перед своим сыном.

Эдвард Кендел побагровел, быстро вышел и закрыл за собой дверь, чтобы не наговорить лишнего. Как и предположила миссис Норидж, предложение извиниться перед одиннадцатилетним мальчишкой он счел за дерзость.

Идя в столовую, Эдвард весь кипел.

– Просить прощения! Мне! У Нормана! Что она вообразила себе?! Нет, это неслыханно! Эдвард Кендел никогда не будет извиняться, даже если неправ! Вот какой у меня принцип!

Эдвард распахнул дверь и первое, что бросилось ему в глаза, было заплаканное, несчастное лицо сына.

К чести мистера Кендела следует сказать, что он не колебался ни секунды.

– Дружочек, прости меня, – неловко сказал он, выбросив из головы все свои принципы. – Мы найдем с тобой другое гнездышко, обещаю.

Когда Дэвид Кендел вернулся с прогулки, дом был наполнен стуком и скрежетом. Оглядевшись, Дэвид нахмурился и отправился на поиски брата.

Он нашел его в оружейной.

– Что происходит? – громко спросил Дэвид, остановившись в дверном проеме и словно не решаясь пройти дальше.

– А, это ты! – обернулся Эдвард. – Ничего особенного. Я меняю замки.

– Зачем?

– Чтобы никто больше не взломал их. – Эдвард казался искренне удивленным его вопросом.

Дэвид пригляделся к нему, и то, что он увидел в лице брата, ему не понравилось.

– Ты что-то скрываешь от меня, – неуверенно сказал он.

– Разве? А может, это ты что-то скрываешь от меня?

Эдвард отложил ружье и шагнул к брату, глядя исподлобья, как буйвол.

Переход от напускного равнодушия к нападению оказался для Дэвида

неожиданным. Он попятился.

– О чем ты говоришь?

– Ты знаешь человека, который сбежал в лес? Того, который отирался под окнами моего кабинета?

– Откуда бы мне знать его?

– Прекрати увиливать! – резко выкрикнул Эдвард. – Знаешь или нет?

Дэвид замолчал. Даже сквозь загар было видно, что лицо его побледнело.

Эдвард с минуту смотрел на него, затем горько усмехнулся.

– Ты отличный обманщик, мой милый, но только если подготовишься как следует. Уходи.

– Как только дашь мне мои деньги, – оскалился Дэвид.

Эдвард хотел ответить грубостью, но в эту секунду в комнату заглянула его жена.

Чутья и такта у Люси Кендел хватало на двоих. Она тотчас поняла, что между братьями случилась ссора, и попыталась сгладить ее.

– Завтра вечером будет небольшой прием, – с улыбкой сказала она Дэвиду. – Я хочу придумать короткие розыгрыши и игры. Может быть, живые картины? Я могу рассчитывать на вашу помощь?

– Не уверен, – ухмыльнулся тот. – Похоже, Эдвард собирается выставить меня из дома раньше срока.

– Что? Эдвард, это правда?

Мистер Кендел с силой захлопнул дверцу шкафа и обернулся к ним. Видно было, что он с трудом сдерживает гнев.

– Нет, если Дэвид будет прилично себя вести.

– То есть схватить мисс Треску и тащить ее под венец? Не дождешься!

– Дождусь, – пообещал Эдвард, и уверенность, прозвучавшая в его голосе, заставила младшего брата вздрогнуть.

Дэвид сжал кулаки, и несколько мгновений Люси с ужасом думала, что он бросится на ее мужа. Но ему удалось овладеть собой. Он облизнул губы и вкрадчиво попросил:

– Дай мне денег. Хотя бы на полгода.

– И что ты сделаешь с ними? Снова проиграешь? Спустишь на женщин? Или это очередной прожект, в который все утечет, как в дыру?

– Это не твое дело!

Но Эдвард недобро усмехнулся.

– На этот раз мое. Ты зашел слишком далеко, мой дорогой. Думаешь, если я содержал тебя все эти годы, то теперь не смогу отказать?

– Отдай мои деньги! – звенящим от ярости голосом крикнул Дэвид.

Люси вскрикнула от испуга и зажала рот рукой. На миг перед ней промелькнуло лицо человека, которого она не знала, а вместо шаловливого, так и не повзрослевшего мальчишки открылся взрослый мужчина – взбешенный, загнанный в угол.

– Не смей повышать голос в присутствии моей жены, – процедил Эдвард.

Несколько секунд обстановка в комнате была накалена до предела. Казалось, еще чуть-чуть – и ружья сами начнут стрелять.

Но Люси не дала их стычке перейти во что-то большее. Она перевела дыхание и сказала извиняющимся тоном:

– Мы все взволнованы вчерашними событиями и немного нервничаем. Но ведь ничего страшного не случилось, правда?

После недолгого молчания Эдвард угрюмо подтвердил:

– Не случилось. Но если случится хоть что-то – ты слышишь, Дэвид? – хоть что-то, что меня рассердит, считай, что с этого дня я разрываю нашу договоренность. Ты не можешь уехать сейчас, до приема – пойдут пересуды, а я этого не желаю. Но будь любезен вести себя так, чтобы у меня не было ни одного повода упрекнуть тебя.

– Ни одного повода, – эхом отозвался Дэвид и вышел.

Едва дверь за ним закрылась, Люси обрушилась на мужа:

– Эдвард! Как ты можешь так обращаться с братом? Ты понимаешь, что унижаешь его?

Обычно ее увещевания действовали на супруга. Но теперь даже тени раскаяния не появилось на его лице.

– Знаешь, кто умел вскрывать все замки в нашем доме? – угрюмо спросил он. – Дэвид! У него золотые руки. Мог бы стать первоклассным взломщиком.

– К чему ты клонишь?

– А ты не догадываешься?

Люси всплеснула руками:

– Эдвард, зачем Дэвиду могут быть нужны твои ружья? Что бы он стал с ними делать? Спрятал под подушку?

– Он бы выбросил их из окна, где их подобрал бы его сообщник, – отрезал Эдвард. – Мы видели его, помнишь? Он удирал так, словно ждал пули в спину. Не худшая мысль, кстати!

– Эдвард, что ты такое говоришь!

– Люси, ему постоянно нужны деньги. Я обнаружил, что больше всего пострадал шкаф, где висело японское ружье. Неосведомленный человек мог бы счесть его самым дорогим в моей коллекции. А Дэвид, как ты

помнишь, никогда не интересовался оружием.

– У тебя нет доказательств, – решительно сказала Люси. – И пока их нет, ты не смеешь обвинять брата.

– Верно, доказательств нет, – с пугающей вкрадчивостью согласился Эдвард. – Но, возможно, они у меня скоро будут.

...К вечеру следующего дня начали съезжаться гости. Кенделов любили в округе. У Эдварда, несмотря на вспыльчивый характер, было много друзей, и, встречая их, он на время забыл о домашних распрях.

Забыл о них и Дэвид – или делал вид, что забыл.

Персиваль Уокер тихо скользил среди гостей, почтительно раскланиваясь, но явно чувствуя себя не в своей тарелке. Наткнувшись на миссис Норидж, он поспешно ретировался в дальний угол и укрылся за пальмой.

В это самое время Дэвид Кендел сбежал с лестницы и подошел к двери. Он выбрал момент, когда Эдварда не было в холле, и явно собирался исчезнуть до его возвращения.

Ему помешала тетушка Полли. Дэвид застал ее за таким странным занятием, что застыл в изумлении.

– Расточительство! – гневно бормотала пожилая леди, обрывая листочки фикусу, много лет благоденствовавшему в кадке на окне. – Выкинутые деньги!

– Тетушка Полли! – окликнул Дэвид, придя в себя. – Что вы делаете?!

Она обернулась.

– В Индии меня научили таким образом избавляться от гнева, – пояснила мисс Парсонс, ничуть не смутившись. – Отвратительная страна, должна сказать. Гнусные люди, ужасная еда. Джунгли омерзительны, слоны воняют. Океан шумит так, словно у кого-то бурчит в брюхе.

Дэвид с трудом сдержался, чтобы не расхохотаться.

– Но вы провели там шесть лет! – напомнил он.

– И каждый день негодовала.

«Возможно, в этом и заключается объяснение, – подумал он. – Тетушке Полли жизненно важно все время находиться в состоянии острого недовольства окружающим миром».

– Но что вас так рассердило, дорогая тетя?

– Поведение твоего брата, разумеется! Он безобразно сорит деньгами.

Учитывая, что на протяжении последних лет Эдвард содержал не только Дэвида, но и тетю Полли, это замечание не было лишено оснований. Но Дэвид догадывался, что его родственница имеет в виду не себя.

– Все эти сыщики, детективы – выкинутые деньги! – продолжала возмущаться старуха. – Они пройдохи и обманщики, а твой брат – кочан капусты, с которого каждый норовит ободрать хотя бы листок!

В другое время сравнение Эдварда с кочаном позабавило бы Дэвида. Но в эту секунду мысли его были заняты другим.

– Как вы сказали, тетушка? – переспросил он, меняясь в лице. – Сыщики?

– Ну да. Один из тех молодчиков, что вечно шныряют по углам, а потом сообщают, что ваша жена крутит шашни с доктором. Не понимаю, зачем для этого нужен сыщик! Если есть жена и есть доктор, все очевидно и так!

Но Дэвид не был настроен слушать рассуждения старой девы о неверных женах.

– Откуда вы знаете, что это был сыщик? – напряженно спросил он.

Тетушка Полли пожала плечами:

– Я слышала их разговор. Совершенно случайно, конечно. Я никогда не подслушиваю, это ниже моего достоинства.

– Тетя!

– Хорошо-хорошо, возможно, я немножко прислушивалась. Твой брат встретил этого суетливого господина, отвел в кабинет и спросил, готов ли отчет. Дверь была приоткрыта, а беседовали они громко. Тот ответил, что все сделано в лучшем виде и вручил ему конверт. Твой брат тоже сунул ему конверт и, судя по его толщине, сильно переплатил за сомнительное удовольствие читать о твоих грешках.

Дэвид отшатнулся и чуть не сбил фикус.

– Почему именно о моих? – спросил он, улыбаясь через силу.

– А о чьих же, если на конверте написано «Дэвид Кендел»? – удивилась тетушка Полли. – Я заглянула к Эдварду, когда этот сыщик ушел. Но увидеть содержимое мне не удалось, – с нескрываемым огорчением прибавила она.

– А Эдвард? – перебил ее Дэвид. – Эдвард прочел?

– Нет, кажется, не успел. Его позвала Люси. Он сунул его к остальным бумагам и выпроводил меня из кабинета.

Старушка снова вздохнула. Ее любопытство не было удовлетворено, и она явно считала это величайшей несправедливостью.

– Поэтому я пришла сюда, – закончила она, вновь возвращаясь в привычное раздраженное состояние. – Если бы Эдвард захотел что-то узнать, он мог бы спросить меня. Я бы подтвердила, что ты лентяй и бездельник, а больше о тебе и говорить-то нечего.

Но Дэвид уже не слушал. Он быстрыми шагами направлялся в залу, где Эдвард и Люси беседовали с гостями.

Осторожно выглянув из-за колонны, Дэвид убедился, что брат еще здесь. «Сколько у меня есть? – подумал он, украдкой вытирая вспотевшие ладони. – Сорок минут? Час? Нет, зная Эдварда, можно не сомневаться, что он постарается вернуться к письму как можно скорее. Минут пятнадцать, не больше. Надо успеть!»

Среди всеобщего шума, музыки и разговоров никто не заметил, как высокий смуглый мужчина, стоявший за колонной, исчез.

Кто-нибудь из гостей мог бы видеть этого мужчину минуту спустя возле двери в кабинет Эдварда Кендела. В руках он держал изогнутую шпильку и с ловкостью, наводившей на подозрения, ковырялся в замке.

Минута – и раздался тихий щелчок. Мужчина слабо улыбнулся: с дверями и замками у него всегда было полное взаимопонимание. Не то что с братом.

Задерживаться в кабинете Эдварда он не стал. Еще полминуты – и он буквально вывалился наружу, таща тяжелый выдвижной ящик, полный бумаг и конвертов. Подбородком мужчина прижимал верхние документы, чтобы те не рассыпались.

Дверь он захлопнул метким ударом ноги и бросился к себе, стараясь не потерять по дороге ни единого обрывка.

В своей комнате Дэвид опрокинул на пол весь ящик и стал судорожно рыться в море бумаг.

– Где он, где?! – бормотал он, лихорадочно перебирая один конверт за другим.

За его спиной раздался стук и скрипучий голос произнес:

– Дэвид, дорогой, не принимай близко к сердцу то, что я сказала. Я не имела в виду, что ты ничтожество...

– Тетушка Полли, я занят! – яростно выкрикнул он.

И почти сразу понял, что совершил ошибку.

– Чем это ты таким занят, что не можешь выслушать родную тетку?! – взвилась мисс Парсонс.

Дверь распахнулась, и тетушка Полли влетела в комнату племянника с таким видом, что любой фикус сам сбросил бы все листья до единого, едва только почувствовав ее приближение.

Увидев Дэвида, сидящего в гуде бумаг, она громко ахнула:

– Пресвятая мать божья!

– Не уверен, что ее присутствие необходимо, – мрачно сказал Дэвид.

– Ты совсем сошел с ума!

– Напротив, я пытаюсь сохранить рассудок.

– Это нужно сейчас же вернуть обратно.

Мисс Парсонс сгребла в кучу рассыпанные документы и сунула в ящик.

– Зачем ты унес его целиком?

– Потому что Эдвард мог прийти в любую минуту. Я хотел найти отчет детектива, а потом вернуть ящик на место. Так быстрее, чем копать в его кабинете.

– Сдался тебе этот конверт! – раздраженно воскликнула пожилая леди. – Эдвард все равно получит его рано или поздно! Ладно, видит бог, ты меня вынудил. Я помогу тебе искать, но лишь потому, что твердолобость Эдварда меня давно выводит из себя.

Несколько минут прошли в сосредоточенном шуршании.

– Его здесь нет! – в отчаянии воскликнул Дэвид, не слыша голосов в коридоре. – Черт возьми, куда Эдвард мог спрятать его?!

Шум в коридоре стих, а затем снаружи громко постучали.

– Дэвид, что у тебя происходит? – спросил Эдвард, приоткрывая дверь.

– Тетя Полли! – прошептал побелевший Дэвид. – Вы что, не задвинули засов?

– Ты сам его не задвинул! – огрызнулась та. – Эй, там, не входить!

Но ее запрет прозвучал слишком поздно. Мистер Кендел, услышавший бессильный выкрик брата, уже заглянул внутрь.

Лицо Эдварда изменилось так резко, что Дэвид испугался за его сердце. Старшего брата вполне мог хватить удар – настолько его поразило увиденное.

– Это мои документы! – прошептал он, обводя взглядом рассыпанные бумаги.

За ним, поняв, что происходит что-то невероятное, зашла Люси, ахнула и схватила мужа за руку, словно боясь, что он бросится на брата.

Тетушка Полли принялась бочком отступать к двери. Эдвард Кендел даже не заметил ее маневра.

– Дэвид, зачем ты это сделал? – с тихим ужасом спросил он. – Как ты посмел?

Тот в ответ молча усмехнулся с отчаянием проигравшего.

– Зачем? – вскричал Эдвард, переходя от изумления к бешенству. – Объясни мне, что ты искал?!

Дэвид молчал.

– Тетя Полли! – вспомнил Эдвард про его случайную сообщницу. – Вы-то что здесь делали?!

Мисс Парсонс пришлось на время приостановить отступление. Но если Эдвард надеялся припереть ее к стенке, то он просчитался.

– Не смей втягивать меня в ваши семейные склоки, – сварливо потребовала она. – Разбирайтесь сами, голубчики.

Она снова попыталась уйти, но на этот раз препятствием оказалась миссис Норидж. Хотя гувернантку никто не звал, она возникла в комнате будто бы из ниоткуда.

– Здесь скоро будет нечем дышать! – недовольно пробормотала тетушка Полли и отошла к окну.

– Дэвид, я не могу поверить, – Люси чуть не плакала. – Зачем?

– Я все потом объясню, – хрипло сказал Дэвид.

Но по его растерянному лицу было ясно, что сказать ему нечего.

– Здесь же ничего нет, – пробормотал Эдвард. – Ни чековых книжек, ни акций...

«Ничего нет?» Дэвиду внезапно стало весело. То, что он искал, было в тысячу раз важнее чековых книжек.

– Тебя ждут гости, – сказал он и поднялся. Одинокий лист спланировал с его колен на пол.

Эдвард усилием воли овладел собой.

– В самом деле, – сухо сказал он. – Я пойду к ним. Мои друзья заслуживают внимания куда больше, чем ты. Но когда все закончится, я жду от тебя объяснений.

Он открыл дверь перед расстроенной женой.

– О, мистер Кендел! А мы повсюду вас ищем! – слышался притворно оживленный голос священника.

– А где ваш очаровательный брат? – прощебетала Дороти.

Этого Эдвард не мог выдержать.

– Мой очаровательный брат покинет этот дом через два часа, – процедил он. – А пока, простите, Дороти, я не могу продолжать этот разговор.

Из комнаты слышался хриплый смех, и Дэвид издевательски крикнул:

– Что, мисс Уокер, не получилось из нас с вами пары?

Сестра священника растерянно заморгала.

– Я потом вам все объясню. – Эдвард попытался увлечь их за собой.

Но его остановил голос молчавшей прежде гувернантки.

– Отчего же не сейчас, сэр?

Эдвард вернулся в комнату, где Дэвид потерянно сидел на полу в окружении бумаг, словно среди расколотых льдин. За ним осторожно

заглянули его жена и священник с сестрой.

Гувернантка все так же стояла у стены, сложив руки на груди.

– К чему отсрочка, мистер Кендел?

– Что вы хотите этим сказать, миссис Норидж?

– Что картина произошедшего совершенно ясна. Равно как ясно, какой подарок я теперь могу с полным правом вручить вам.

Лицо Эдварда приобрело задумчивое и слегка отрешенное выражение. С таким лицом врач размышляет, обить ли подушками стены в палате пациента или хватит смирительной рубашки.

– Гнездо, пересоленный обед и бульдог – вот что дает нам ответы на вопросы, – продолжала миссис Норидж, нисколько не смущаясь от всеобщего молчания.

– Неужели? – выдавил Эдвард.

– Да, сэр. Ваша ошибка состоит в том, что вы не придаете внимания мелочам. По вашему мнению, маленькие поступки ничего не значат. Но это не так. Из любого маленького поступка выводится крупное событие, как по первой капле дождя можно предсказать приближающийся ливень.

– И что же вы предсказали? – неуверенно спросила Люси.

– Собственно говоря, все, – скромно ответила миссис Норидж. – Первой каплей было гнездо. Оно пропало, исчезло без следа. Но это очень странно! Кто мог унести его и зачем? Я забралась на дерево и обнаружила, что с этой ветки прекрасно просматривается весь ваш кабинет, мистер Кендел. А, главное, та стена, где расположена дверь с кодовым замком. Я заметила, что, когда вы набираете код, панель с кнопками расположена справа от вас. Человек, стоящий за вашей спиной или, скажем, сидящий на ветке за окном, без труда мог бы разобрать цифры, если бы вооружился простейшим биноклем.

Мистер Кендел открыл рот и некоторое время стоял с глупейшим выражением на лице. Впрочем, похожее выражение присутствовало и на лице его жены.

– Гнездо мешало, поскольку возмущенные скворцы могли криками привлечь нежелательное внимание к наблюдателю, – продолжала миссис Норидж. – Поэтому от него избавились. Поняв, что должно последовать, я пришла к вам, сэр, и предупредила о возможной опасности.

– Но вы говорили что-то про обед! Про бульдога!

– Они тоже очень важны, – заверила гувернантка. – Опытная стряпуха может испортить еду, только если она чем-то расстроена. А ваша кухарка пересолила ее дважды! Она не призналась миссис Кендел, что ее так огорчило, из чего следует, что бедная женщина считала причину довольно

постыдной. Хотя в том, чтобы потерять память, нет ничего стыдного.

– Потерять память? – ахнула Люси. – Наша Сьюзи теряет память?

– В том-то и дело, что нет, мэм. Кухарка так решила, потому что перестала узнавать людей. Вернее, одного человека. Он уже появлялся в вашем доме, и она видела его раньше, а в этот приезд решительно не узнала. Это настолько поразило ее, что она от расстройства пересолила еду.

– Ну что за глупости! – возмутился Эдвард. – Кого она могла не узнать?

– Бульдога, – буркнул Дэвид.

– Мой Гастон! – негодуяще воскликнула тетушка Полли. – Не впутывайте его!

Миссис Норидж обернулась к ней:

– Простите, мэм. Но он не ваш и не Гастон.

– Что?! – хором изумились Дэвид и Эдвард.

– Видите ли, я имела немало дел с собаками, – объяснила гувернантка. – Они могут иногда сбегать от хозяев. Но они не могут делать это постоянно. Ваш бульдог, мисс Парсонс, пытался удрать от вас с завидным упорством. Некоторое время я списывала все на печенье, которое осточертело несчастному псу. Пока до меня не дошло, что все гораздо проще. Дело в том, что вы ему не хозяйка.

Тетушка Полли поправила пенсне.

– Все-таки работа с детьми угнетает дух и разум, – сочувственно заметила она. Судя по лицам присутствующих, большинство было с ней согласно. – Откуда же у меня взялся Гастон?

– Вы его украли, – невозмутимо сказала миссис Норидж. – Не знаю, где именно. Но бедный пес отчаянно рвался к прежним хозяевам, и в конце концов ему удалось сбежать от вас. Надеюсь, он нашел дорогу домой.

Мисс Парсонс закатила глаза.

– И эту женщину, Эдвард, ты допустил к своим детям! Украсть бульдога! Бог мой, зачем мне красть чужую собаку? Это не имеет ни малейшего смысла.

– О, нет, мэм, – возразила гувернантка. – Имеет, если человек, за которого вам нужно себя выдать, всегда ходил с бульдогом на поводке. Когда вы приехали, меня поразило совпадение вашего облика с тем, что нарисовал мистер Кендел. И лишь потом я поняла, что это было тщательно продумано.

– Подождите-подождите... – Дэвид даже привстал. – Что продумано?

– Образ старой ворчливой ханжи с поводком в одной руке и Библией в другой. И вы, и мистер Кендел последний раз видели вашу тетушку, когда

были подростками. Мужчины могут не узнать даже хорошо знакомую женщину, если она наденет парик. Но обратное тоже верно: один человек легко может выдать себя за другого, если скопирует его типичные черты. Так появились вы, мисс Парсонс.

Гувернантка слегка поклонилась женщине, стоявшей у окна.

– Приклеили накладки на ваши зубы, безусловно, ровные от природы. Добавили седой парик, бородавки на подбородке, пенсне с толстыми стеклами... Надели старомодное платье, изменили голос. Вам ведь не больше тридцати, не так ли?

Мисс Парсонс промолчала. Ее глаза были устремлены на миссис Норидж, но выражение их скрывали стекла пенсне.

– Вы хотите сказать, это фальшивая тетушка Полли? – медленно проговорил Эдвард.

– Именно так, сэр.

– Но где же тогда, во имя всего святого, настоящая?!

– Убита? – глухо бросил Дэвид.

С губ Люси сорвался слабый вскрик.

– Нет-нет, – сказала миссис Норидж. – Вне всякого сомнения, настоящая мисс Парсонс сейчас находится в индийской больнице, куда попали жертвы крушения на железной дороге. Вы читали о нем: поезд сошел с рельсов, много раненых, есть погибшие. Вы, очевидно, ехали в одном купе с мисс Парсонс, но в катастрофе отделались легким растяжением. Она рассказывала вам о племянниках, а вы внимательно запоминали ее манеру речи и голос. Для вас не составило труда выдать себя за нее.

– Но кто она? – спросила Люси, переводя изумленный взгляд с гувернантки на тетушку Полли.

– Миссис Кендел, неужели вы ей верите? – возмутилась Дороти. – Мы много времени провели с мисс Парсонс. Она та, за кого себя выдает!

– Она авантюристка и мошенница, – уверенно сказала миссис Норидж, – явившаяся сюда, чтобы получить то, что ей не удалось получить раньше.

– Все-таки ружья? – пискнул священник.

– Конечно же нет. Когда мисс Парсонс проникла в оружейную комнату, а затем покинула ее, ничего не взяв, мне стало ясно, что она ищет не оружие. Это подтверждала статья в газете: у якобы ограбленных коллекционеров ничего не взяли. Сначала мне казалось, что разгадка в иероглифах на ложе ствола. Возможно, думала я, иероглифы на всех пяти ружьях составляют что-то вроде указания, где искать, скажем, клад. Но

затем мне стало ясно, что все значительно проще. Инструкция!

– Инструкция? – непонимающе переспросил Эдвард и обвел жалобным взглядом окружающих. – Но она-то здесь при чем?

Миссис Норидж выглядела огорченной его непонятливостью.

– Но ведь это вы, мистер Кендел, получив впридачу к ружью исписанную иероглифами тетрадь, решили, что держите в руках инструкцию. Если бы взялись переводить ее, то поняли бы, что это не так.

– Не инструкция? А что же?

– Это дневник, куда мастер Хаякава весь последний год записывал свои мысли и наблюдения. Всего существует три тетради. Первые две были проданы с аукциона, но третью никак не могли отыскать. Дом старого мастера был разграблен, и грабители унесли тетрадь, не понимая ее ценности. Долгими путями она добралась до вас. Полагаю, что ее стоимость превышает стоимость всей вашей коллекции.

Тихий ошеломленный вздох пронесся по комнате.

– Этого не может быть, – прошептал Эдвард.

Миссис Норидж пожала плечами:

– У вас в руках ценнейший исторический документ, созданный непосредственным участником многих событий. Мастер Хаякава – легендарная фигура. Вы можете поинтересоваться, за какую сумму ушли с аукциона первые две тетради.

Женщина у окна издала негромкий смешок. От этого звука мороз пробежал по коже у всех собравшихся.

– Вы не тетя Полли, – тихо протянул Дэвид, глядя на нее чуть ли не со страхом. – У вас на лбу ни одной морщины. Почему я раньше этого не замечал?

– Боюсь, мистер Кендел, вас одурачили, как и всех остальных, – ответила гувернантка вместо тетушки Полли. – Но вы еще послужили котом.

– Кем?!

– Котом, который таскал для обезьяны каштаны из огня. Вспомните басню Лафонтена! Когда эта дама не обнаружила тетрадь там, где ожидала, она поняла, что искать надо в бумагах. Владелец, очевидно, не понимал ценности имеющейся у него вещи и не прятал ее. Тут случилось непредвиденное: мистер Кендел внезапно сменил все замки. Но вы – человек, который еще в детстве без труда проникал в любой закрытый ящик и за любую запертую дверь. С помощью нехитрой ловушки ваша тетушка убедила вас вынести кипу документов, среди которых, как она надеялась, окажется и дневник.

– Пойдите, – нахмурился Эдвард. – Что это за ловушка?

Дэвид взглянул на брата и отвел глаза.

– Вам придется сказать, – мягко обратилась к нему гувернантка.

– Ваша правда, – вздохнул Дэвид. – Эдвард, я искал отчет частного сыщика, которого ты нанял, чтобы шпионить за мной.

На лице старшего брата выразилось такое удивление, что младшему захотелось рассмеяться от облегчения.

– Сыщика? За тобой? – озадаченно повторил Эдвард. – Зачем? Нет, стой! Зачем – понятно. Но почему ты бросился искать его выдуманный отчет? Ты же понимаешь, что я никого не нанимал?

– Теперь понимаю. Но час назад я был в ужасе.

Эдвард снова начал багроветь.

– Что ты такое сотворил, Дэвид?

Тот умоляюще взглянул на миссис Норидж.

– Вы ведь знаете?

– Конечно, – кивнула гувернантка.

– Кто-нибудь скажет мне, в чем дело? – прогремел Эдвард, выведенный из себя.

– Это не так-то просто, сэр, – заметила миссис Норидж. – Если учесть ваше твердое намерение женить вашего брата.

– Бог мой, это здесь при чем?

Дэвид посмотрел ему прямо в глаза и твердо отчеканил:

– При том, что я женат.

И когда стихла суматоха, вызванная его словами, добавил с вызовом:

– И я не откажусь от жены, что бы ты ни пообещал мне. Так что даже не начинай.

Эдвард нащупал рукой стул, сел и вытер холодный пот.

– Женат! На ком?

– На девушке из бедной итальянской семьи. Я бы даже сказал, нищей. Но это ничего не значит. Я люблю ее, Эдвард.

– И поэтому не смогли разлучиться с ней даже на две недели, – негромко добавила миссис Норидж. – Вы привезли ее сюда, а с ней и старого слугу, которого мистер Эдвард принял за вашего пособника, и поселили их в деревне. Ваши ночные прогулки связаны вовсе не с кражей.

– О-о-о... – задумчиво протянул Эдвард, – а я еще начал слегка давить на тебя со свадьбой!

– Слегка? – фыркнул Дэвид. – Ты прямо сказал, что не дашь мне денег, если я преподнесу тебе еще какой-нибудь сюрприз. А деньги мне нужны, хотя бы на первые три месяца. Потом я и сам найду работу, но пока мы

хотим уехать так далеко из Англии, как только сможем.

– Так ты боялся, что я узнаю о твоей тайной женитьбе и не дам тебе денег!

– От тебя всего можно было ожидать, – огрызнулся Дэвид. – Ради этого я пошел на кражу. Был уверен, что успею уничтожить отчет, взять у тебя деньги и исчезнуть, прежде чем сыщик пришлет другой экземпляр. А теперь оказывается, что никакого сыщика и вовсе не было.

– Но жена была! – обвиняюще воскликнула Дороти, указав на него перстом. – Как вы могли, мистер Кендел, сватать мне своего брата, если он женат?!

– Но ведь я не знал!

– И все равно! – упорствовала Дороти. – Зная вашего брата, вы должны были предположить такую возможность!

– Вы хотели нас обмануть, – поддержал ее священник и боязливо взглянул на миссис Норидж.

Как оказалось, страх его был оправдан. Миссис Норидж поджала губы и осведомилась:

– Мистер Уокер, но разве вы сами так чисты перед мистером Кенделом, как хотите представить?

Священник тут же замолчал.

– О чем вы? – удивился Эдвард.

– Суцая ерунда! – поспешно вскричал Персиваль. – Теперь, когда выяснилось, что для брака есть непреодолимая помеха, это не имеет никакого значения. Вы виноваты перед нами, мы виноваты перед вами, и на этом закончим.

– О, не совсем так, – сказала миссис Норидж. – Мистер Кендел действительно ни в чем не виноват, потому что он даже не догадывался о том, что его брат женился. Но вы, вы с мисс Уокер имели отличное представление о проделках *вашего* брата.

– Как? У вас есть брат? – удивился Эдвард.

Дороти покраснела и взглянула на Персиваля.

– Наш брат – порядочный человек, – проблеял тот.

– Ваш брат – мошенник и вор, – поправила миссис Норидж. – Его портрет опубликован в той самой газете, которую вы собирались уничтожить. Следы фамильного сходства совершенно очевидны.

– Ой, в самом деле... – вдруг робко проговорила Люси. – В первый миг, увидев портрет, я подумала, что это вы, мистер Уокер. И ругала себя за эту мысль. Но я понимаю, почему вы скрыли правду. Вы хотели счастья сестре...

Персиваль горячо закивал.

– Боюсь, миссис Кендел, дело обстоит несколько прозаичнее, – вздохнула гувернантка. – Мистер Уокер рассчитывал на щедрое пожертвование со стороны вашего мужа. И, конечно, ему было лестно породниться с семьей Кендел.

– Вы не смеете оскорблять нас! – взвизгнула Дороти.

Но тут же притихла и отступила к брату.

Женщина у окна пошевелилась, и все взгляды устремились на нее. Миссис Норидж подошла ближе, с любопытством разглядывая ее, как разглядывают редкое животное.

– А теперь, будьте добры, верните тетрадь. – Она протянула руку.

– С чего вы взяли, что она у меня? – чистым молодым голосом спросила «тетушка».

Люси вздрогнула и схватилась за мужа, Эдвард подался назад. Даже Дэвиду стало не по себе.

– Вы незаметно взяли ее, пока Дэвид искал несуществующий отчет. Для этого и была придумана вся история с частным сыщиком. Вы подловили Дэвида, подергали за нужные ниточки, словно кукловод, зная, что у него не будет времени копаться в бумагах, и когда он принес их сюда, вам оставалось только найти сам дневник. И вы его нашли. Уголок высовывается из-за вашего корсажа. А теперь верните его!

Миссис Норидж говорила не слишком настойчиво, даже вежливо. Но женщина отчего-то подчинилась. Она достала небольшую тетрадь и протянула гувернантке.

– Я говорила о подарке на ваше сорокалетие, сэр, – обернувшись к Эдварду, сказала миссис Норидж. – Вот он.

Эдвард благоговейно принял тетрадь, и все сгрудились вокруг него. Каждому хотелось видеть сокровище, стоившее дороже целой коллекции ружей.

Воспользовавшись этим, женщина у окна внезапно сорвала с головы парик, а в Дэвида, который молниеносно бросился к ней, швырнула пенсне. Под париком обнаружились короткие черные волосы, за линзами – хитрое маленькое личико с мелкими незапоминающимися чертами.

«Тетушка» вскочила на подоконник, толкнула неплотно прикрытую створку и выпрыгнула из окна, прежде чем ее успели остановить.

– Господи, она разобьется! – крикнула Люси.

Но когда все подбежали к окну, их взорам открылась лишь россыпь осколков стекла, переливавшегося в свете фонарей. Мошенница исчезла.

– Как вы думаете, миссис Норидж, она вернется? – спросила Люси.

– Нет-нет, миссис Кендел, не думаю. Она проиграла.
– Но, возможно, ей захочется отомстить за поражение?
– Хм, – сказала миссис Норидж. – В этом случае вам тоже не о чем беспокоиться. Она будет искать только меня.

Во время всеобщего замешательства брат и сестра Уокер незаметно исчезли. Оглядевшись и нигде не обнаружив их, Эдвард подошел к Дэвиду.

– Ты женился, – растерянно проговорил он. – Не могу поверить.
– И теперь ты лишишь меня содержания, – почти весело предположил младший брат. – Послушай, мне нужны только деньги на билет. Я сам заработаю нам на жизнь.

Но Эдвард отрицательно покачал головой.
– Может быть, я и бесчувственный пень, как иногда утверждает Люси, но не такой, каким ты меня считаешь. Как ее зовут?

По губам Дэвида пробежала мечтательная улыбка, преобразившая его лицо.

– Летиция, – сказал он. – Это значит «счастье».

Поздно вечером, когда суматоха улеглась и все стихло, Эдвард Кендел спустился на кухню. Гувернантка была там – подогревала кастрюльку с молоком.

Эдвард встал в дверях, глядя на нее со смесью восхищения и непонимания.

– Как вы догадались, миссис Норидж? – без предисловия спросил он.
Гувернантка обернулась.
– Сэр?
– Я не усну, пока вы не объясните мне!
– Но ведь я рассказывала вам о гнезде, о кухарке...
– Да-да, и о бульдоге, – подхватил он. – Нет, миссис Норидж, я не об этом. Как так получилось, что мы, видевшие то же, что и вы, даже не заподозрили, что нас обманывают? А вы раскусили это дело как спелый орех. В чем секрет, признайтесь?

Миссис Норидж взглянула на него. Но если она и вспомнила, как скакала в развевающейся ночной рубашке по полям и оврагам за удирающим бульдогом, а все лишь потому, что забыла выпить на ночь свое молоко, то на ее непроницаемом лице ничего не отразилось, когда она сказала:

– Возможно, сэр, все дело в том, что у меня есть принципы.

Роб Хэмиш, трус

Роб Хэмиш был трус.

Миссис Норидж слышала об этом прискорбном факте и прежде, но в то воскресное утро ей представилась возможность собственными глазами убедиться в правдивости слухов.

Сперва гувернантка, идущая в церковь, услышала лай. Это был гулкий басовитый лай очень злобной собаки, весьма крупной, судя по голосу. Затем до нее донесся быстрый топот или, скорее, быстрое *шлеп-шлеп-шлеп*по мощеной улочке, и из-за угла дома вылетел невысокий человечек в сбившемся набок котелке. Он мчался со всех ног, бросая назад перепуганные взгляды.

А спустя несколько секунд из-за поворота показался его преследователь.

Это был чрезвычайно рассерженный и чрезвычайно маленький терьер размером с кошку. Он подпрыгивал, как мячик, заранее скалил зубы и время от времени издавал тот самый свирепый гав, по которому его можно было принять по меньшей мере за дога.

Любой другой житель Сетфорда давно бы остановился и дал псу хорошего пинка. Но его несчастной жертве, похоже, это и в голову не приходило. Человечек на полной скорости пронесся мимо миссис Норидж, и на лице его были написаны ужас и предчувствие неотвратимой гибели. С таким лицом индийский крестьянин мчится по джунглям от голодного тигра, чье дыхание уже обжигает его затылок.

Миссис Норидж в любую погоду брала с собой зонт-трость. Этот день не был исключением. Дождавшись, пока терьер поравняется с ней, она взмахнула зонтом и с ловкостью зацепила шею песика изогнутой ручкой.

Это простое действие возымело невероятный эффект. Терьер взлетел вверх, нелепейшим образом перевернулся в воздухе, размахивая всеми четырьмя лапами, и приземлился на хвост в нескольких шагах от гувернантки. После чего, не теряя ни секунды, вскочил и, заскулив, бросился в противоположную сторону. Его обиженный визг стих в лабиринте сетфордских улиц.

– Хм! – удовлетворенно сказала миссис Норидж.

Она уже собиралась проследовать своим путем, но тут из-за забора высунулся беглец.

Господь нарисовал Роба Хэмиша тонкими черточками. Так дети на

мокром песке рисуют палочкой человечков. Бледный, с большим кадыком и тощей шеей, Хэмиш в своем котелке смотрелся нелепо, как будто на голову ему водрузили кастрюлю.

Приблизившись к гувернантке, он рассыпался в горячих благодарностях.

– Меня, мэм, собаки цапали в детстве, – бормотал он, чувствуя потребность оправдаться за свое постыдное бегство. – Вот я и боюсь их почище, чем шершней. Шершни-то меня тоже кусали.

Судя по поведению Хэмиша, в детстве его кусали все: собаки, пчелы, муравьи и даже чайки. В воде его кусали рыбы, в лесу он только и успевал уворачиваться от клыкастых ежей. Потому что Хэмиш боялся всех. Даже безобидные ужи, с которыми играли мальчишки, вызывали у него страх.

Но самым ужасным существом, его мучителем и тюремщиком, вне всяких сомнений, была его жена.

– Роберт Диксон Хэмиш! – раздавался раз в неделю ее свирепый глас.

И все обитатели городка прятались по домам. Если Нэнси назвала муженька полным именем, значит, он опять в воскресный вечер просиживает штаны в пабе, а она идет за ним со скалкой в руках.

Характер Нэнси Хэмиш, в девичестве Нэнси О’Брайен, был подобен урагану. Толстая рыжеволосая ирландка могла смести все на своем пути. И горе было тому, кто осмеливался появиться невовремя на ее дороге.

– Ох, и свирепая же она баба! – сказала Абигайль, разливая чай. – И как он только женился на ней? Должно быть, Нэнси душила его, пока бедный Хэмиш не согласился.

Они сидели с миссис Норидж на кухне. Их воспитанницы были уложены, и молоденькая няня с гувернанткой наконец-то могли выпить чаю в тишине.

– Возможно, это брак изменил ее характер к худшему, – предположила миссис Норидж.

Абигайль воззрилась на нее и прыснула:

– Думаете, в юности Нэнси была нежной фиалкой? Как бы не так! Сказать по правде, с Хэмишем она стала поспокойнее. Раньше-то, чуть что, пускала в ход кулаки. Ее раз пять забирали в участок за драки с другими работницами! Они с Робертом и познакомились на фабрике.

– Разве мистер Хэмиш тоже работает на мануфактуре?

– Он укладчик ткани. – Абигайль сморщила нос, выражая презрение. – Когда Роберт женился на Нэнси, был большой скандал. Она ведь ему не пара. Ее папаша – пропойца, а мать перебивалась поденной работой, пока

не померла.

Миссис Норидж знала, что Хэмиши прежде пользовались уважением. Когда-то это был крепкий фермерский род, и многие сожалели, что он выродился до такого ничтожества, как Роберт.

– Она и в юности была такая же, – осуждающе сказала Абигайль, – бешеная толстуха с морковной шевелюрой. Иной раз даже жаль становится Хэмиша. А потом посмотришь на него и думаешь: да и поделом ему, такому трусу.

Всего две недели спустя после этого разговора Сетфорд потрясло ужасное событие.

На ткацкой мануфактуре после окончания рабочего дня случилась драка. Позже никто толком не мог вспомнить, с чего все началось. Перепалка вспыхнула из-за чьего-то неосторожно брошенного слова. Слово тут же подхватили, перекинули друг другу, точно обжигающий красный уголь, и мгновение спустя уже запылал огонь драки.

Нэнси Хэмиш оказалась в самой ее гуще. Управляющий, увидев, что происходит во дворе, без колебаний приказал окатить толпу из брандспойта. Он знал, что женщины дерутся безжалостнее и отчаяннее, чем мужчины, и что надеяться на мирный исход сражения не приходится.

Но даже опытный управляющий не ожидал, чем все закончится.

Когда работницы с визгом разбежались, одна осталась лежать неподвижно.

Она была мертва.

Убитую звали Молли Тобин, и она считалась злейшим врагом Нэнси Хэмиш. В драке кто-то сбил Молли с ног и размозжил ей голову о металлический столбик ограждения, торчавший из земли.

Двадцать человек видели, как Нэнси с воплем ворвалась в толпу, где сражалась ее противница, и еще десять могли подтвердить под присягой, что видели, как она нанесла зверский удар.

Именно это они и сделали – подтвердили под присягой. После чего суд, учитывая биографию обвиняемой, приговорил Нэнси Хэмиш к пожизненной каторге за преднамеренное убийство.

Не меньше месяца эта новость была у всех на устах. Кто-то жалел убийцу, но таких было меньшинство. Большая же часть горожан искренне радовалась, что Сетфорд избавился от бешеной Нэнси. Она бы все равно рано или поздно кого-нибудь прикончила, не Молли Тобин, так собственного мужа – таков был всеобщий вердикт.

Для этого были все основания, даже если не брать в расчет скалку. За

несколько дней до случившегося Нэнси в ярости поранила Хэмишу ухо садовыми ножницами, и на суде он стоял с забинтованной головой. Это стало последним аргументом для судьи.

После вынесения приговора Роб Хэмиш пару дней ходил тихий и отрешенный. «Не верит собственному счастью», – шептались вокруг. Кто-то предлагал спор, женится ли Хэмиш еще раз, но дураков держать пари не находилось. Хэмиш только благодаря улыбке фортуны вырвался из крепких уз брака и вряд ли торопился связать себя новыми.

Но очень скоро задумчивость Хэмиша сменилась откровенной радостью. Наконец-то он поверил, что пришел конец его мучениям, и расцвел, как гиацинт в апреле. Роберт улыбался, шутил и выглядел узником, перед которым внезапно распахнулись двери тюрьмы. В тот самый день, когда эти двери закрылись за Нэнси Хэмиш, он на радостях уехал в Шеффилд – гулять и кутить.

Жители Сетфорда, глядя на его бесхитростное счастье, сменили презрение на жалость.

– Видно, крепко Нэнси его держала, – посочувствовал один. – Будешь тут всех бояться, когда собственная супруга может изрезать тебя на кусочки.

– Или придушить, – поддержал другой. – У нее кулачищи с баранью голову, а у Хэмиша шея, как у цыпленка.

– Такая могла и ножом пырнуть, – сказал третий. – Его счастье, что он от нее избавился.

Теперь-то люди осознали, каково приходилось Робу Хэмишу все эти годы.

– А ведь, пожалуй, оно и к лучшему, что он ни разу не дал ей сдачи, – задумчиво проговорил четвертый. – Иначе мы бы с вами произносили эти речи на его могиле. Зря мы смеялись над ним. Он, конечно, трус, тут спору нет. Но не всем же быть смельчаками.

И все сошлись во мнении, что нужно быть снисходительнее к бедняге, которому и так досталось.

Никто и не догадывался, какой сюрприз преподнесет им Роб Хэмиш.

На другой день после его возвращения из Шеффилда каждый, проходивший мимо фермы Хэмишей, мог наблюдать в приоткрытое окно удивительную картину.

В кухне Роба хлопотала женщина. Кудри ее были неестественно желтого цвета, а губы алели от толстого слоя помады.

Быстрее ветра город облетела невозможная новость: Роб Хэмиш привез из Шеффилда...

– ...Падшую женщину! – выдохнула Абигайль и густо покраснела. – Да-да, миссис Норидж, и не смотрите на меня так! У нее крашенные волосы, и она размалевана, как... как...

Тут стыдливость Абигайль взяла верх, и девушка убежала.

– Хм... – удивленно сказала миссис Норидж.

По Сетфорду поползли шепотки, и очень скоро известие подтвердилось. Сам Хэмиш отпирался до последнего, но когда его прижали к стенке, заявил, что с ним приехала дальняя родственница, чтобы поддержать в его горе. Как ее зовут? Пенни. Пенни... э-э-э... Хэмиш.

Родственница отчего-то не пожелала быть представленной горожанам. Но Хэмиша это не смущало. Теперь после рабочего дня он мчался домой на всех парах, и вид у него был неприлично довольный.

Мужчины, пожалуй, где-то даже понимали Роба Хэмиша. Кое-кто прямо говорил, что Роб, может, и трус, но устроился неплохо. А семидесятилетний рыбак Хью Шелт, богохульник и сквернослов, и вовсе заявил без обиняков:

– Да здесь полгорода были бы рады сменить своих благоверных на шлюх! Уж я-то точно не возражал бы, если б мою постель согревала горячая девчонка, а не эти дребезжащие кости!

Но за такие кощунственные слова был гоним миссис Шелт до самой заводи, откуда ему пришлось улепетывать по воде на своей лодчонке.

Возмущению женщин не было предела. Привести девицу легкого поведения в осиротевшее гнездо! Для этого нужно быть законченным мерзавцем. Так считали все горожанки, они громогласно провозгласили это, и их мужья не осмелились им возразить.

Ведь и в самом деле – во что превратился бы Сетфорд, если бы каждый мог жить с кем ему захочется?! В прибежище греха. В притон, где поправа мораль!

Перед Робом Хэмишем закрылись двери тех домов, где прежде его принимали. Однако, к негодованию общества, на Хэмише это никак не отразилось. Он по-прежнему выглядел ликующим и жизнерадостным, точно наевшийся гусениц дрозд.

Этого общество простить не могло. Теперь и мужчины негодовали вслед за женами. А если к их праведному гневу и примешивалась толика зависти, она была хорошо скрыта за возмущенными речами.

Некоторые даже предлагали пойти и исписать стены дома Хэмиша ругательствами. Однако эта идея не получила поддержки. Всем было ясно,

что при первом же шуме за окном Роб удерет в дальний лес, точно заяц.

Трусость Роба сослужила ему хорошую службу. Будь на его месте обычный человек, кто-нибудь уже подпалил бы ему забор. Но связываться с Хэмишем, дрожавшим даже при виде осы, мужчины считали ниже своего достоинства.

Поэтому город зажил прежней жизнью, делая вид, что ничего не произошло. Дом труса стоял на отшибе, и его нетрудно было обходить стороной.

Скоро судьба вновь столкнула миссис Норидж с Робом Хэмишем.

Гувернантка отправилась в посудную лавку за новой чашкой и по дороге стала свидетельницей неожиданной сцены.

Роб семенил по дальней дороге, направляясь к рынку. Он старался избегать тех мест, где собирались мальчишки. С недавних пор дети часто кричали ему вслед гадости. «Муж убийцы! Муж убийцы! Дай нам вкусные гостинцы!»

Но ком грязи полетел в его спину впервые.

Миссис Норидж знала хулигана. Это был шестилетний Питер, сирота, вечно отиравшийся на улицах. Ночевал он где придется, ел то, что удастся стянуть. Время от времени под нажимом возмущенных граждан мальчишку нехотя брала к себе дальняя родственница, одинокая старая дева. Но ее воспитание, в основном, сводилось к порке. Поэтому не было ничего удивительного в том, что Питер удирал от нее при любом удобном случае.

Именно его рука и запустила в Хэмиша грязью.

Коричневый ком ударил в плечо Роба и медленно стек вниз по рукаву, оставляя за собой сочный жирный след. Хэмиш вскрикнул и замер. Замер и хулиган. Миссис Норидж на другой стороне улицы остановилась.

Секунду мальчишка стоял в нерешительности. Ему было ясно, что он перешел границу допустимого. Но потом отчаяние промелькнуло на перепачканном лице, и он выкрикнул писклявым голосом:

– Так тебе и надо, муж потаскухи!

И юркнул в щель между домами.

Если бы Питер лучше знал эту часть города, он никогда бы не стал удирать таким путем. Потому что узкая дорожка, пропетляв между дворами, выводила беглеца к углу следующего дома.

Роб Хэмиш был отлично об этом осведомлен. Он прошел вперед, встал перед проулком и дождался, пока ошарашенный Питер вылетит прямо на него.

Мальчишка от ужаса шмякнулся на дорогу, не сомневаясь, что теперь-

то его точно ждет расплата. Грязное пятно на пиджаке Роба Хэмиша так и взывало об отмщении.

Миссис Норидж приготовилась вмешаться.

Роб Хэмиш наклонился к мальчугану, вытащил из кармана носовой платок не первой свежести и тщательно оттер маленькие грязные ладошки. После чего пошел дальше, как ни в чем не бывало.

– Хм, – сказала миссис Норидж.

На Питера действия Хэмиша произвели поразительное впечатление. Он долго сидел, будто не в силах поверить, что его и пальцем не тронули. А затем поднялся и медленно двинулся вслед за Робом, точно загипнотизированный.

Потом миссис Норидж еще несколько раз встречала их. Хэмиш ли от скуки взял мальчишку под опеку, или же, что вернее, Питер прилепился к такому же отверженному, как и он сам, но только этих двоих нередко можно было видеть вместе на речке, рыбачащими в утренней тиши, или на поляне, запускающими воздушного змея.

Казалось, жизнь постепенно возвращается в свое русло. Женщина Хэмиша очень редко показывалась в городе, и понемногу на их сожителство стали закрывать глаза.

Поэтому известие о гибели Нэнси грянуло, как гром среди ясного неба.

Хэмиш на несколько дней уезжал из города по делам, а когда вернулся, его ждала ужасающая новость.

– Двадцать заключенных вывезли из тюрьмы, чтобы доставить до пересылочного пункта, а там уже отправить на каторгу, – рассказал ему констебль. – Повозка ехала по мосту, и вдруг лошадей что-то испугало. Они понесли, повозка разбилась, и все, кто там сидел, кинулись врассыпную. Понятное, дело, их быстро переловили. Всех, кроме Нэнси.

Как выяснила миссис Норидж, отчаянная ирландка запрыгнула на перила моста и сделала попытку перебраться по ним на дальний берег. Но оступилась и рухнула в воду.

– Течение там быстрое, а вода ледяная, – сказал усатый констебль. – Она утонула, тут нет сомнений.

– Но тело не нашли, – уточнила миссис Норидж.

Усач вынужден был нехотя подтвердить, что это так.

– Значит, есть шанс, что она жива и невредима, – развила свою мысль миссис Норидж.

– Мэм, она мертва! Была бы она жива, ее бы давно выдали полиции.

Знаете, сколько полагается тому, кто поймает беглого преступника?

– Но если все же допустить, что Нэнси Хэмиш осталась жива, – вежливо сказала миссис Норидж, не обращая внимания на то, что констебль начинает багроветь, – и она раздобудет деньги и одежду, то как вы полагаете, что она станет делать?

И тут полицейский задумался. Он почесал нос, наморщил лоб и поскреб затылок.

Итог этих размышлений удивил его самого.

– Я бы сказал так, мэм: если все же чудо случилось, и Нэнси Хэмиш осталась жива, то она заявится сюда. Это уж как пить дать. Придет по душу Роба. Она себя не пожалеет, лишь бы расправиться с ним. Такая уж она бешеная, эта Нэнси.

– Благодарю вас, констебль, – кивнула миссис Норидж. – Я так и предполагала.

Большинство жителей города, узнав об обстоятельствах побега, выражали уверенность, что Нэнси мертва.

Лишь один человек не сомневался в обратном – Роб Хэмиш.

Бедняга явно был уверен, что падения с моста в ледяную воду для его благоверной недостаточно, чтобы распрощаться с жизнью. Все довольство с него как ветром сдуло. Роб выглядел затравленным, он озирался на каждом шагу, а любой громкий звук заставлял его подпрыгивать от ужаса. Пару раз, завидев среди гуляющих рыжую шевелюру, Хэмиш пускался в позорное бегство.

Он был так ничтожен и жалок, что маятник общественного осуждения качнулся обратно.

– Недолго радовался, бедняга, – сочувственно сказал рыбак Хью. – А если Нэнси и впрямь живехонька, то уж от расплаты ему не отвертеться.

Очевидно, Хэмиш боялся не только за себя, но и за свою подругу. Он запретил ей показываться в городе и выходить одной из дома. Вскоре стало известно, что он заказал новые засовы.

– Хех! – сказал на это старый Хью. – Когда это Нэнси можно было остановить какой-то железякой! Если будет нужда, она весь дом разнесет по кирпичикам.

Очевидно, Хэмиш в глубине души и сам понимал это. Когда миссис Норидж снова встретила его, то не сразу узнала. Одежда его была в беспорядке, а порезы на лице свидетельствовали о том, что даже бритье дается Хэмишу с трудом.

– Говорят, он собирается продавать дом, – сказала как-то за вечерним

чаем Абигаиль. – А что вы думаете, миссис Норидж? Неужели Нэнси и впрямь объявится?

Гувернантка помолчала, глядя в окно.

– Не сомневаюсь в этом, Абигаиль, – наконец сказала она. – Нэнси Хэмиш нас всех еще очень удивит.

Через пару дней миссис Норидж удалось увидеть женщину, из-за которой Хэмиш поставил свою жизнь под угрозу.

Воспитанница гувернантки уехала на день, и Эмма отправилась одна на утреннюю прогулку. Случайно ли дорога вывела ее к дому Хэмиша, или миссис Норидж нарочно выбрала этот путь, сказать сложно. Как бы там ни было, она оказалась в небольшом редком перелеске, за которым начинался огород и сад Хэмишей.

Совсем недавно за этой землей ухаживала Нэнси. Теперь же, подойдя ближе, миссис Норидж увидела среди яблонь невысокую худощавую женщину с волосами, крашенными в вызывающий желтый цвет. Разобрать, насколько она красива, на таком расстоянии было невозможно. Эмма разглядела лишь, что лицо ее действительно размалевано так, что не могло оставаться сомнений в ее роде деятельности.

«Пенни», – вспомнила миссис Норидж имя новой хозяйки дома.

В руках у женщины было ведро и кисть. Она белила стволы.

Гувернантка внимательно наблюдала за ее действиями. Работа была Пенни не в новинку. Чем бы ни занималась эта женщина в Шеффилде, руки ее явно привычны и к простому труду.

Эмма сделала шаг вперед, и под ее ногой хрустнула ветка.

Женщина вздрогнула, резко обернулась и испуганно уставилась на гувернантку. Затем подхватила ведро и скрылась в доме.

Миссис Норидж отправилась обратно. Что ж, думала она, кое-что в этой истории прояснилось. Если бы она раньше догадалась взглянуть на эту женщину, она получила бы ответы на свои вопросы.

Теперь у нее не оставалось сомнений, что Хэмиш попытается скрыться из города как можно скорее, и вряд ли ему кто-то успеет помешать.

На обратном пути ей встретился знакомый констебль. Он выглядел воодушевленным, точно шел на парад.

– Миссис Норидж! Добрый день!

– Здравствуйтесь, мистер Харрис. Хорошие новости?

Полицейский сделал таинственное лицо:

– Пока нет, но скоро будут. Сам Джаспер Белл взялся за поиски нашей

Нэнси! Уж он-то найдет ее, живую или мертвую.

Миссис Норидж напрягла память:

– Джаспер Белл, Джаспер Белл... Я где-то слышала это имя.

– Ну как же! – воскликнул констебль, пораженный ее невежеством. – О нем пишут все газеты. Тот самый Белл, который сколотил целый отряд для поимки беглых преступников. Даже полиция иногда обращается к нему.

– Ах, да! Кажется, это его прозвали Хорьком?

– Хорек Белл, точно! – просиял констебль. – Он своего не упустит. Даже если призрак Нэнси явится сюда, Хорек схватит его, ха-ха!

– Что ж, значит, вы скажете Робу Хэмишу, что он может спать спокойно.

На языке у констебля вертелась двусмысленная шуточка, но он проглотил ее.

– Вряд ли такой трус сможет когда-нибудь спать спокойно, – заметил он.

Миссис Норидж задумчиво взглянула на него своими ясными серыми глазами.

– Может быть, он и трус, мистер Харрис, но человек неплохой. Так что стоит предупредить его, что поимка Нэнси – лишь вопрос времени.

Джаспер Белл больше походил на кролика, чем на хорька. Это был невысокий человек с вытянутым лицом и желтыми, сильно выдающимися вперед зубами. Однако никто не назвал бы Джаспера Белла безобидным. Тонкий недобрый рот и маленькие глазки, впивающиеся в собеседника, точно буравчики, подсказали бы самому доверчивому человеку, с кем он имеет дело.

В эту минуту Джаспер стоял на мосту и смотрел вниз. Именно отсюда упала Нэнси Хэмиш.

Один из его помощников подошел враскачку и перевесился через ограждение.

– Что, хочешь сигануть следом и проверить, можно ли выплыть живым? – хмыкнул он.

– Можно, – заверил Белл. – Год назад отсюда спрыгнул самоубийца. С господом богом нашим он встретился чуть позже и уже не по своей воле.

– Вытащили?

– Сам выплыл. Видишь кусты на той стороне? Там его и подобрали. Потом повесили, ясное дело.

– Думаешь, стоит ли пустить собак по следу? Слишком много времени прошло. Если след и был, его затоптали.

Джаспер отрицательно покачал головой.

– Знаешь, почему взбесились лошади, что тащили повозку с заключенными? – спросил он, прищурившись.

– Испугались свиньи.

– Дюжины свиней, Харви, дюжины! Какой-то идиот купил их на рынке и вез непонятно куда. На мосту они у него разбежались. И вот что удивительно – владельца так и не нашли.

– Целая дюжина – и хозяин не объявился? И впрямь странно....

– Вот и мне странно, Харви. Я хочу выяснить, был ли этот идиот так глуп, как мы думаем.

– И как же ты хочешь это сделать?

– Скоро придет Нэйл. Я отправил его обойти всех торговцев, которые в тот день продавали скотину. На пойманных свиньях было клеймо. Если кто-то опознает...

Он не договорил: обернулся и привстал на цыпочки. Харви тоже обернулся. Стремительно лавируя среди повозок и карет, к ним мчался щуплый парень в картузе набекрень.

– А вот и Нэйл! Ну что, – обратился к нему Джаспер, когда тот подбежал, – узнал что-нибудь?

Парень шутовски приподнял картуз и оскалил гнилые зубы.

– Разве я когда возвращался с пустыми руками, Хорек?

– Не тяни!

– Нашел я, нашел, – заторопился Нэйл, уловив в голосе Джаспера нотки злости. – Это свиньи Билла Бородача. Он сам продавал их в то утро на рынке.

– Покупателя он запомнил?

– Отлично запомнил. Говорит, тот был вовсе не похож на фермера, которые могут купить у него сразу дюжину хрюшек. Мелкий, тощий, и на ухе шрам.

Джаспер щелкнул пальцами. Глаза его загорелись.

– Так я и знал!

Его помощники переглянулись.

– Ты, никак, понял, кто это? – неуверенно спросил Харви.

Хорек рассмеялся, оскалив желтые зубы. Глядя на него в эту секунду, никто бы не сказал, что он похож на кролика.

– Я сразу его заподозрил, – удовлетворенно протянул он. – Тотчас, как услышал про свиней. Мне показалось, что тут дело нечисто. А когда я узнал, что хозяин не нашелся, то и вопросов не осталось. У этой Хэмиш был сообщник, ребята! Он-то и устроил всю заваруху на мосту, а пока

конвой хлопал ушами, расколотил стену повозки.

– Зачем же Хэмиш прыгнула с моста? – нахмурился Харви.

– Должно быть, что-то у них не задалось. Или конвойные очухались и перекрыли ей дорогу, или до нее дошло, что далеко в наручниках не убежать. Больше ей ничего не оставалось. Видать, решила, что лучше помереть в реке, чем сгнить на каторге. Но, думаю, он помог ей выбраться.

– Да кто он, кто?!

– Ее муженек, дурни! Я разузнал, как он выглядит. В точности, как ты говоришь, Нэйл: мелкий, тощий и на ухе шрам. А сегодня утром мой человечек вернулся из Сетфорда. Он там поразнюхал слегка... Так вот, Роб Хэмиш уже пакует свой скарб.

– Куда это он собрался?

– Никто не знает. Но только с ним едет женщина. Якобы он подобрал какую-то шлюху и прятал ее у себя. Смекаете, а?

Нэйл и Харви переглянулись.

– Провалиться мне, если это не его жена! – выдохнул Нэйл.

Джаспер покачал головой:

– Бабенка живет у Хэмиша с того времени, как загребли его супругу.

На лицах помощников отразилась работа мысли.

– Хорек, подожди... – морща лоб, проговорил Харви. – Как же это может быть?

Джаспер оскалился, раздраженный их тупостью:

– О чем я тебе и толкую! Этот Хэмиш – вовсе не дурак. Он подобрал где-то девицу и держал ее в доме, пока его жена не сбежала. А после они вдвоем убили девку и спрятали тело, а жена теперь живет там под видом шлюшки. Должно быть, он нарочно подобрал похожую бабенку, чтобы сбить всех с толку.

Харви прозрел.

– Черт, хитро придумано! – восхитился он.

– Да, неплохо. А главное – нам на руку. Привезем двух убийц вместо одной – получим вдвое больше.

– Так чего ж мы ждем? – воскликнул Нэйл, снова нацепляя картуз на лоб.

– Ждем полицейского, который помогал конвоировать ее, – строго осадил его Джаспер. – Он будет с минуты на минуту. Поедет с нами в Сетфорд, чтобы сразу опознать эту Нэнси Хэмиш. Парень хорошо ее помнит, и его не сбить с толку фальшивыми волосами.

Хорек потянулся и сплюнул сквозь зубы в стремительную свинцовую воду:

– Ребятки, этот тип у нас в руках.

На Сетфорд надвигалась ночь. Жители загоняли домой ребятишек, закрывали ворота, гасили свет.

Лишь в одном дворе горели фонари, раскачиваясь под порывами ветра.

– Быстрее, быстрее, – подгонял Роб Хэмиш. Он то и дело взволнованно оборачивался, будто боялся, что из сумрака на них кто-то бросится. – У меня нехорошее предчувствие.

Последние вещи не складывали, а побросали кое-как.

– Доберемся до Норингейла, а там сплавимся вниз по реке, – пробормотал Хэмиш, поправляя подстилку на козлах.

– Неужели ты сам будешь править? – взволнованно спросила женщина.

– Да. Никто не должен знать, куда мы направились. – Он наклонился и поцеловал ее, нежно провел рукой по щеке. – Не бойся. Все будет хорошо.

– Мы все оставляем, едем в ночь... Ох, Роб, не к добру эта спешка!

Он покачал головой:

– Промедление и подавно не к добру. Вещи – это ерунда. Я беспокоюсь только о тебе.

– А я о тебе. Если с тобой что-то случится...

Роб Хэмиш ласково прижал ладонь к ее губам.

– Не думай об этом. Все, пора ехать.

Женщина погасила лампы и вернулась.

– Я помогу тебе править.

– Потом. Пока забирайся в повозку и не показывайся, кто бы ни подошел. Если вдруг заглянут внутрь, притворись, что спишь.

Две ушастые лошадки, небольшие, но выносливые на вид, взволнованно качали мордами. Роб Хэмиш проверил упряжь, вскочил на козлы и легонько стегнул лошадей.

– Н-н-но!

Повозка двинулась, сначала медленно, затем все быстрее и быстрее. Скрипя старыми рессорами, она завернула в ближайший перелесок – на дорогу, ведущую к Норингейлу.

В это же самое время с другой стороны в город влетел отряд из пяти человек. Возглавлял его уверенно сидящий в седле мужчина с желтыми зубами, сильно выдающимися вперед.

– Где тут полицейский участок? – крикнул он случайному прохожему. И, получив ответ, махнул рукой: – Туда!

Неторопливые ушастые лошадки едва преодолели путь через ближний перелесок. Как ни покрикивал на них Роб Хэмиш, быстрее бежать они не хотели.

– Пошли! Пошли! – понукал он и оборачивался назад – туда, где виднелись серые крыши. Его тревога усиливалась с каждой минутой. – Но!

В эту секунду отряд во главе с Джаспером Беллом остановился возле дома, стоявшего на отшибе. Нэйл проворно спрыгнул с лошади и, крадучись, пробрался за ворота.

– Пусто! – крикнул он. – Сбежали!

Харви выругался. Констебль вопросительно посмотрел на Хорька.

– Стало быть, опоздали?

– Еще чего! – сквозь зубы отозвался тот.

Он спрыгнул, бросил поводья на ограду и пошел, всматриваясь под ноги. В двадцати шагах от ворот он остановился и принялся, точно собака, берущая след.

– Эй, Харви, – крикнул он, – посвети-ка сюда.

Луч фонаря упал на землю, не успевшую просохнуть после недавнего дождя. Примятая трава и две взрыхленные полосы заставили Хорька Джаспера ухмыльнуться.

– Четкие следы, – заметил Харви. – Проехали не так давно.

Хорек присел на корточки и провел пальцем по земляной кромке.

– Не так давно? – осклабился он. – Скажешь тоже! Следы совсем свежие, Харви! Они уехали не больше четверти часа назад. А ну живо по коням!

Сумерки сгущались все быстрее. Повозка скрипела, лошади тянули ее изо всех сил, но груз был слишком тяжел. Если бы у Хэмиша было время, он бы принялся выкидывать из нее вещи, чтобы облегчить слишком медленный ход.

Но времени не было. Ему оставалось лишь проклинать собственную нерасторопность, помешавшую покинуть город днем раньше, и с ужасом ощущать, как уходят драгоценные минуты.

Преследователь был близко. Обострившееся чутье Хэмиша подсказывало, что опасность наступает их, и уже недалек тот миг, когда весь его тщательно подготовленный план рухнет.

Двое в повозке сидели тихо, как мыши. То ли уснули, то ли им тоже было страшно. Роб надеялся, что первое. Предчувствие подсказывало ему, что, если он хочет им что-то сказать, стоит сделать это сейчас, потому что

потом будет поздно. Хэмиш гнал от себя страшные мысли и продолжал упрямо цепляться за тонкую нить надежды.

Но когда из-за пригорка появилась черная фигура и преградила путь лошадям, он не удивился. В глубине души Роб Хэмиш знал, что этим все и кончится.

Десять минут спустя из-за леса вылетела повозка, которую мчали обезумевшие лошади. Роб Хэмиш, в жизни не обидевший ни одной живой твари, нахлестывал их так, будто за ними гнался сам дьявол.

За ними и впрямь шла охота. Отряд из пяти человек растянулся на полмили, но расстояние между ними и повозкой неуклонно сокращалось.

– Она там! Там! – крикнул первый всадник, оборачиваясь.

Рядом с Робом Хэмишем на козлах сидела светловолосая женщина и дико кричала:

– Хэй! Хэй!

Повинуясь этому странному голосу, лошади напрягались изо всех сил. Из-под копыт летела земля, повозку шатало так, что она едва не падала на поворотах. Несчастные рессоры уже не скрипели, а стонали: Роб Хэмиш выжимал из своей таратайки все, что мог.

Но преследователи все равно были быстрее. Их кони, несмотря на усталость, были привычны к погоне, а всадники знали свое дело. И хотя их гнала жажда наживы, а Роба Хэмиша – страх, настал миг, когда они окружили повозку.

Поняв, что все бесполезно, Хэмиш натянул поводья и окончательно остановил взмыленных лошадей. А затем отбросил кнут и закрыл лицо руками.

– Что, далеко не ускакал, а? – насмешливо спросил один из преследователей, спешиваясь. – Нечего было и пытаться.

Хэмиш не отвечал. Женщина приникла к нему и расширенными глазами смотрела на подходивших мужчин. Ее шляпка сбилась набок, желтые кудри растрепались.

– Нэнси Хэмиш, верно? – ухмыльнулся Джаспер Белл, подойдя к ней. – Теперь тебя вздернут, красотка. И твоего муженька заодно. Если надеешься на милость судьбы, лучше покажи сама, где вы запрятали труп убитой шлюхи. И не притворяйся, мне все известно. Твой муж держал ее в доме, пока не появилась ты. А уж тогда вы избавились от нее.

Роб Хэмиш отнял руки от лица и изумленно взглянул на Хорька.

– Нэнси? – переспросил он, будто не веря собственным ушам. – Как? Разве не она вас послала за нами?

– Хорош душить! – рявкнул Джаспер, выйдя из себя. – А ты, красотка, открой личико.

Женщина робким движением убрала прядь с лица.

– Эй, констебль! – позвал Хорек. – Гляньте-ка на вашу утопленницу. Вот она, жива и невредима. Вы получите неплохую награду.

Коротконогий полицейский приблизился, утирая пот с одутловатого лица. Женщина взглянула на него сверху вниз, и он открыл рот от изумления:

– Эй! Это не она!

Джаспер Белл не сразу понял, что ему сказали.

– Обратно повезем тебя связанной, малютка... – начал он и тут осекся.

Взгляд маленьких черных глазок переметнулся на констебля.

– Что? Как вы...?

– Я говорю, что это не она, – повторил тот, моргая от удивления. – Черт бы вас побрал... Столько скакать, и все впустую!

– Не может быть! А ну слезайте!

Хорек стащил вниз и Роба, и женщину.

– Это Нэнси Хэмиш! – заорал он, светя ей в лицо. – Разуйте же глаза, Райс!

Терпение констебля лопнуло. Он проделал слишком долгий путь, а теперь воочию видел, как его денежки уплывают вниз по течению, унесшему тело Нэнси Хэмиш.

– Джаспер, вы идиот? Я понятия не имею, кто эта женщина! Но если вы сами прочистите птичий помет, которым, похоже, забиты ваши глаза и мозги, то заметите, что она лет на двадцать старше Нэнси Хэмиш!

Мужчины замолчали. Потом Харви приблизил фонарь к лицу зажмурившейся женщины.

Теперь все увидели, что спутница Хэмиша немолода и нехороша собой. Она была сильно и вульгарно накрашена, и в темноте это сбило с толку преследователей. Но под безжалостным светом стали заметны и морщинки под глазами, и запавшие уголки губ, и складки на шее.

– А ведь точно... – хрипло сказал Нэйл. – Хорек, это не может быть Нэнси. Этой по меньшей мере сорок.

Роб Хэмиш будто проснулся.

– Господи, конечно, это не она! – дрожащим голосом воскликнул он. – Вы что же, думали, моя жена со мной?! Боже мой, нет, нет! Это Пенни, моя... подруга.

– Какого же черта вы удирали от нас со своей подружкой? – хмуро спросил Харви.

– Но ведь я был уверен, что это Нэнси гонится за мной! Думал, она сколотила в тюрьме банду и теперь вернулась, чтобы отомстить мне. Неужели ее правда нет среди вас?

Хэмиш обвел своих преследователей умоляющим взглядом.

Он был так жалок, что двое из отряда, не сдержавшись, рассмеялись. Нэйл присвистнул:

– И за этим кроликом мы гнались столько времени!

Джаспер грязно выругался. Он уже понял, какую ошибку они совершили, но не желал смириться с поражением.

– Что у вас в повозке? – грубо спросил он. – Показывайте!

– Я покажу, – торопливо закивал Роб. – Только, пожалуйста, не будите его.

Он приподнял полог, и в большой корзине, закрепленной на полу среди груды вещей, все увидели спящего мальчишку лет шести.

– Это Питер, – робко сказал Хэмиш. – Он едет с нами. Я хочу увезти его туда, где никто никогда не слышал про Нэнси. Послушайте, вас правда послала не она?

Джаспер в ответ только сплюнул и поплелся к своему коню.

Отряд уныло последовал за ним. Никто больше не проронил ни слова.

Лишь констебль на прощанье бросил Хэмишу:

– Что ж, счастливого пути! Простите за беспокойство.

Он с явным усилием взобрался на лошадь, ударил ее по бокам и ускакал вслед за остальными.

Когда стих топот копыт, Роб Хэмиш привалился к стенке повозки.

– Они уехали... – обессилено проговорил он. – Не может быть!

Он засмеялся, потом всхлипнул, словно пытался сдержать слезы, и снова засмеялся.

Но для человека, измученного погоней, Роб Хэмиш выглядел вполне естественно. А вот его спутница повела себя странно.

Для начала она сняла шляпу.

Затем сдернула светлый парик.

Вынула из-за обшлага платок и тщательно провела им по губам, стирая помаду.

И только потом сказала суховатым, хорошо поставленным голосом:

– Миссис Хэмиш, вы можете вылезать. Они действительно уехали.

Полог с другой стороны повозки зашевелился, и из-за него выбралась худощавая женщина. Короткий ежик волос на ее голове был рыжим, а глаза зеленели, как крыжовник.

Если бы кто-нибудь из соседей увидел ее в эту минуту, то не узнал бы Нэнси, толстуху с бешеным нравом. Прежняя Нэнси весила по меньшей мере сто шестьдесят фунтов, а в этой бы не набралось и ста. Полные щеки опали, кожа на скулах натянулась. Только глаза – яркие, будто горящие в темноте, выдавали ту женщину, которой когда-то побаивался весь город.

– Нэнси! – Хэмиш бросился к жене и обнял ее. – Господи, мы спасены!

Она молча с силой обняла его и долго не могла разжать рук. Наконец, почувствовав неловкость, Роб Хэмиш осторожно освободился и обернулся к миссис Норидж.

Но гувернантки уже не было возле них. Миссис Норидж отошла к лошадям – из тактичности ли, или руководствуясь лишь заботой о четвероногих помощниках – кто скажет? Муж с женой, переглянувшись, приблизились к ней.

– Спасибо вам, миссис Норидж, – прочувствованно сказал Роб Хэмиш. – Если бы не ваше вмешательство, Хорек бы уже тащил нас обратно на веревке. А ведь когда вы появились перед повозкой, я, признаться, подумал, что все кончено.

Миссис Норидж со знанием дела поправила упряжь одной из лошадей.

– Вот так-то лучше, – сказала она. – Что ж, мистер Хэмиш, надеюсь, теперь вам ничего не грозит. Вряд ли в Сетфорде отыщутся люди, которые догадаются, что вы проделали.

– Но вы-то как догадались, миссис Норидж? – спросила Нэнси. – Я думала, Роберт все предусмотрел.

Она во все глаза смотрела на гувернантку, словно надеялась разглядеть в ней что-то необычное. Но ничего странного в миссис Норидж не было, если не считать наспех накрашенного лица.

Гувернантка потерла углом платка брови, стирая краску.

– Вы оставили мне подсказки. Хотя поначалу я тоже предполагала, что вы, мистер Хэмиш, заманили к себе какую-то несчастную девушку, чтобы убить ее.

– Я бы не смог, – быстро сказал Хэмиш.

– Я не была в этом уверена. Вы ведь очень любите жену. Это ясно каждому, кто даст себе труд приглядеться к вам обоим внимательнее.

Нэнси и Роб покраснели.

– Но мне быстро стало ясно, – продолжала гувернантка, не замечая их смущения, – что человеку с вашим талантом просто не было нужды это делать.

– С талантом? Каким?

– Вы отличный актер, мистер Хэмиш.

Роберт неловко улыбнулся:

– Я все время боялся, что меня раскусят.

– О, нет! Все чувства, которых от вас ждали, были разыграны блестяще. Вы подготавливали план побега Нэнси, а сами в это время изображали из себя счастливого, освободившегося от постылой супруги. А когда после побега она уже была рядом с вами, очень убедительно тряслись от ужаса.

– Так когда же вы догадались?

– Когда поняла, что вас с новой дамой сердца никогда не видели вместе. Хотя, конечно, больше всего мне помогло то, что ваша выдуманная подруга всегда была сильно накрашена.

– Почему? – не понял он.

– Но ведь женщине легкого поведения нет нужды излишне пользоваться косметикой, если она все дни проводит дома. Когда я сообразила это, то стало понятно, что вульгарный грим нужен для маскировки. Вы красились, мистер Хэмиш, надевали парик и принимались крутиться у окна. Пару раз вы даже совершали робкие вылазки в город – в сумерках, конечно.

Роб Хэмиш кивнул:

– Труднее всего было ходить, виляя бедрами.

Нэнси тихо рассмеялась.

– О, это вовсе не обязательно, – строго заметила миссис Норидж. – Хотя, пожалуй, для той женщины, которую вы изображали, бедра были не лишними. Потом вы подстроили побег миссис Хэмиш и привезли ее домой. Теперь настала ее очередь притворяться девицей Пенни.

– Кажется, – сказала Нэнси, – мне это удалось труднее, чем Робу. Актриса из меня никудышная.

– А я в тебе ничуть не сомневался.

Миссис Норидж пожала плечами:

– Вам нечего было опасаться. Соседи и знакомые не смогли бы узнать ее с первого взгляда, потому что Нэнси Хэмиш все помнили как рыжую толстую. Простите, миссис Хэмиш.

Нэнси слабо улыбнулась:

– Вам не за что извиняться. Так оно и было.

– Но только до вашего заключения. За пять месяцев тюрьмы вы очень исхудали, а высоким ростом никогда не отличались. Фальшивые волосы завершили преобразование, краска на лице исказила ваши черты. Правда, вы не могли удержаться и иногда выходили в свой сад.

Роб Хэмиш уставился на жену:

– Нэнси! – укоризненно воскликнул он. – Я же просил тебя!

– Ее видела только я, – успокоила миссис Норидж. – Но именно тогда мне стало все окончательно ясно. Заботясь о своих деревьях, вы вели себя как хозяйка. Посторонняя женщина никогда не стала бы белить стволы. Увидев вас в саду, я окончательно поняла, что ваш побег подготовлен мужем, а все остальное лишь ловкая игра.

Нэнси вздохнула.

– Надеюсь, новый владелец позаботится о моих яблонях, – грустно сказала она. – Кто бы что ни говорил, я привыкла к этому городку и к нашему уютному домику.

Миссис Норидж строго взглянула на нее:

– Боюсь, в памяти жителей ваш дом навсегда останется как дом Нэнси-убийцы.

Ирландка вздрогнула и прижала руки к груди:

– Я пальцем не тронула ее! – горячо воскликнула она. – Клянусь вам! Я и близко не подходила к Молли!

– Конечно же нет, – согласилась миссис Норидж. – Драку разгоняли струей воды, так что во дворе было мокро. Молли поскользнулась на влажной брусчатке и упала, а при падении ударилась головой. Не ваш вид убийства, миссис Хэмиш.

– Что вы имеете в виду?

– Вы могли бы заколоть противника ножом, но не размозжить затылок беспомощному.

Миссис Норидж закончила стирать грим и убрала испачканный платок.

– Что ж, мне пора, и вам тоже.

– Подождите! – остановил ее Роб Хэмиш. – Простите меня за излишнее любопытство, но я не могу не спросить. Отчего вы помогли нам?

Гувернантка, не отвечая, направилась к открытой повозке. Супруги последовали за ней. Подойдя, миссис Норидж забралась внутрь и откинула край пледа, закрывавшего корзину.

Питер по-прежнему крепко спал, подложив руку под голову. Он спал бы даже в том случае, если бы повозка перевернулась.

Миссис Норидж долго смотрела на мальчика. В свете покачивающегося фонаря Робу Хэмишу вдруг показалось, что суровые черты гувернантки смягчились. На протяжении нескольких секунд он даже готов был поклясться, что видит нежность на ее лице.

Эта женщина второй раз ошеломила его. Первый – когда, выйдя из-за пригорка и встав перед лошадьми, сказала не терпящим возражений четким голосом: «За вами погоня, они уже близко. Слушайте меня, и останетесь

живы. Нэнси, быстро дайте мне парик и вашу шляпу и прячьтесь за пологом. Мистер Хэмиш, у вас должны быть с собой помада и карандаш, чтобы навести брови. Давайте их сюда. Да не сидите же!»

И они подчинились. Когда Нэнси спряталась, а миссис Норидж забралась на козлы и уселась рядом, Роб взглянул на нее, не веря до конца в происходящее. Топот приближающихся коней убедил его, что все так, как она говорит.

«Поедем, мистер Хэмиш, – хладнокровно сказала миссис Норидж. А затем окинула его придирчивым взглядом и добавила: – И ради бога, не сутультесь так ужасно».

Вспомнив об этом, Роб Хэмиш недоверчиво тряхнул головой. Фонарь качнулся, лицо миссис Норидж скрыла тень.

– Так почему? – повторил он. – Почему вы нам помогли?

Свет лампы снова упал на ее лицо, и стало ясно, что нежность на нем только привиделась Хэмишу. Оно было замкнутым и непроницаемым, как захлопнувшаяся дверь.

– Благодаря вам у мальчика будет дом, – сдержанно сказала гувернантка. – Одним преступником на улицах города меньше.

– Но я трус, – негромко напомнил Роб Хэмиш. – Возможно, Питеру нужен другой пример для подражания.

Миссис Норидж прыгнула с повозки, не опираясь на предложенную руку.

– Доброта важнее храбрости, мистер Хэмиш, – произнесла она. – Вы будете хорошим отцом этому ребенку. И потом, не говорите глупостей. Я знала, что вы не трус, как только мне рассказали историю вашего брака.

– Но люди... – начал Хэмиш.

– Люди охотно развешивают ярлыки, – перебила его миссис Норидж. – Вы удираете от каждого пса, боитесь шершней и никогда не полезете в драку, вот все и решили, что вы трус. Но вы женились на женщине ниже вас по положению, не убоившись пересудов и осуждения, а в браке продолжали потакать ее буйному характеру, не обращая внимания на насмешки окружающих. Вы бросили фермерство и устроились на работу, которую все вокруг считали неподходящей для мужчины. Наконец, вы спасли свою жену от каторги. Для каждого из этих поступков требуется столько храбрости, сколько не наберется у половины жителей этого городка вместе взятых.

Нэнси с гордостью посмотрела на мужа и погладила его по руке.

– Есть еще кое-что, – добавила миссис Норидж, и голос ее смягчился. – За свою жизнь мне довелось видеть немало настоящих трусов,

мистер Хэмиш. Я знаю, что обратная сторона трусости – жестокость. Трус всегда безжалостен к другим, если это ничем не грозит ему. Но вы добры к детям. Я надеюсь, мистер Хэмиш, что ваша доброта спасет одного из них, как ваши ум и храбрость спасли вашу жену.

Когда она вернулась домой, Абигайль еще не спала.

– Миссис Норидж, вы слышали? – кинулась она к гувернантке. – Хэмиш все-таки сбежал! Бросил все и удрал со своей ужасной размалеванной женщиной. Все-таки он настоящий трус! – уверенно заключила она.

Но миссис Норидж покачала головой:

– Любящие никогда не бывают трусами. Запомните это, Абигайль.

Удивленный голос девушки догнал ее уже на пороге:

– Вы уверены, миссис Норидж?

– Так же твердо, как и в том, что из маленького Питера вырастет хороший человек, – ответила гувернантка.

Поднявшись к себе, она бросила короткий взгляд в зеркало и нахмурилась. На губах, как она их ни оттирала, осталась яркая краска.

– Хм... – недовольно пробормотала миссис Норидж. – В чем я абсолютно уверена, так это в том, что никогда ни одна приличная женщина не будет красить губы красной помадой.

Перчатки Глории Кэдиш

– Фрэнк, будь любезен, передай соус.

– Пожалуйста, дорогая.

– Благодарю.

Пять минут тишины, прерываемой только позвякиванием ножей и вилок.

– Сюзанна, как твой французский?

– Миссис Норидж говорит, я делаю успехи.

– Это правда, миссис Норидж?

– Да, миссис Бенсон. Сюзанна очень старается.

– Рада это слышать.

Художник, решивший запечатлеть семейство Бенсонов за воскресным завтраком, несомненно, использовал бы для портрета нежнейшие тона, ибо Юджиния Бенсон была очаровательной женщиной со светлыми волосами и большими глазами эмалевой голубизны. Дочь походила на нее как две капли воды. Облик Фрэнка Бенсона пристрастный зритель мог бы назвать грубоватым, но художник слегка польстил бы заказчику, выписав шею мистера Бенсона чуть менее мясистой, лоб чуть менее низким, а глаза чуть более выразительными.

А сухопарую гувернантку в черном платье, сидящую чуть поодаль, художник не стал бы включать в свой портрет, чтобы она не портила цветовую палитру картины.

Вилки серебряно звенят, чашки легонько постукивают о тончайшие блюдца – чудесная мелодия летнего завтрака, дополняемая шелестом листьев, журчанием фонтана и стрекотом кузнечиков из приоткрытого окна.

Тем ужаснее был звук, нарушивший эту идиллию.

– А-а-а-а!

Громкий вопль ужаса донесся до них откуда-то сверху. Юджиния Бенсон выронила вилку и взглянула на мужа.

– Это еще что за... – начал Фрэнк, поднимаясь.

– Милдред кричала! – воскликнула Сюзанна. – Из комнаты старухи!

Супруги Бенсон уставились друг на друга.

– О! Но в таком случае, полагаю, причина очевидна... – медленно начала Юджиния.

Дверь распахнулась, и перепуганная служанка бросилась к ним:

- Миссис Бенсон! Леди Глория! Она... Она...
- Неужели скончалась? – с подчеркнутой скорбью в голосе спросила Юджиния.
- О, нет, мэм! Боюсь, она пропала!
- Скорбь исчезла с лица Юджинии быстрее, чем облако меняет очертания под дуновением ветра.
- Что?! – визгливо крикнула она. – Пэгги, что ты мелешь? Как она могла пропасть из запертой комнаты?! Это невозможно!
- Служанка попятилась.
- Мэм, я не знаю, мэм... Это все Милдред! Я только передаю то, что она сказала.
- Повтори дословно!
- Она сказала, что миссис Кэдиш исчезла.

Отрывок из письма миссис Норидж Тимоти Кэдишу:

«...Глубокоуважаемый сэр, последние два месяца я выполняла обязанности гувернантки в доме Фрэнка и Юджинии Бенсон, на попечение которых вы оставили свою мать. За этот короткий срок я стала свидетельницей обстоятельств, которые вынуждают меня обратиться к вам.

Для вас, несомненно, не является тайной, что душевное здоровье леди Кэдиш сильно пошатнулось после кончины ее супруга и вашего отъезда. Но, возможно, вас не известили о том, что за прошедший год она дважды пыталась свести счеты с жизнью.

К сожалению, болезнь в последнее время усугубилась, и тому есть несколько причин...»

Милдред не плакала, а лишь часто-часто моргала, и по ее круглому глуповатому лицу расползались красные пятна.

– Миссис Бенсон, я не могу понять, как это случилось. Я вошла, а ее нет. Окно распахнуто, но решетка на месте, а в комнате пусто.

– Дверь была заперта?

– Конечно. Я сама и запирала ее час назад. Клянусь вам, мэм, запирала.

Миссис Норидж не сомневалась, что Милдред действительно заперла дверь. Служанка была исполнительна и неподкупна, поэтому Юджиния и приставила ее к леди Кэдиш.

– Она могла выскочить, когда ты вошла в комнату?

– Едва только я вхожу, сразу запираю дверь на ключ изнутри, как вы приказали. После того случая, когда миссис Кэдиш пыталась сбежать, я всегда так делаю, мэм. Мне не нужны неприятности.

– И в этот раз, как только ты вошла, сразу закрыла дверь?

Милдред кивнула, вытаращив глупые глаза.

– А потом обнаружила, что старухи нет в комнате?

Еще один кивок.

– Ничего не понимаю... – прошептала Юджиния. – Как такое возможно?

Из-под кровати, пыхтя, вылез Фрэнк Бенсон. По его красному одутловатому лицу градом катился пот.

– Ее там нет! – рявкнул он. – Что за дьявольские шутки? Куда она делась, черт поберет?!

Миссис Норидж понимала его изумление. Обитель Глории Кэдиш представляла собой небольшую прямоугольную комнату, по длинной стороне которой стояли шкаф и кровать, а напротив – кресло и старинный комод. У окна разместился небольшой стол, за которым Глория ела и писала письма. Вернее, всегда почти одно и то же письмо: «Дорогой Тимоти, встретимся с тобой в шесть возле того пруда, где по весне ты промочил ноги». «Дорогой Тимоти, ради тебя я предприму героическое усилие и приду к старому дубу, по которому ты любишь карабкаться, пугая меня до смерти». «Мой милый мальчик, в четыре я жду тебя в саду за беседкой». Менялось лишь место встречи, но адресат всегда оставался неизменным. Леди Кэдиш не смущало ни расстояние, разделяющее их с сыном, ни ответное молчание адресата, ни полная невозможность прийти к назначенному месту встречи.

Глория Кэдиш не выходила из своей комнаты.

Дверь всегда была заперта и открывалась лишь тогда, когда Милдред приносила своей подопечной еду. На окне стояла решетка. В отверстия между толстыми прутьями человек мог разве что просунуть голову, но никак не выбраться целиком. И уж давно это было не под силу семидесятилетней старухе, равно как и спуститься потом по отвесной стене дома с высоты пятнадцати футов.

В своем роде узилище Глории Кэдиш представляло собой идеальную башню принцессы, спрятанной от дракона во имя ее же собственного блага. Принцесса состарилась, но из башни ее не выпустили.

И вот теперь старуха исчезла.

Милдред утверждала, что подняла тревогу сразу же, как поняла, что в

комнате никого нет. Поначалу прибежавшие Фрэнк и Юджиния не сомневались, что Глория прячется. Но платяной шкаф оказался пуст, под кроватью не нашлось ничего, кроме пыли, да и в крошечной туалетной комнате пропажу не обнаружили.

Это было невысказано.

Но это было так.

У Глории не имелось денег, чтобы подкупить служанку, а все драгоценности остались на месте. К тому же Милдред, много лет служившая семейству Бенсонов, славилась честностью.

Но если Милдред была всего лишь расстроена, то Фрэнк и Юджиния буквально потеряли дар речи от потрясения.

Втроем они обыскали комнату еще раз. Тюремщик, разыскивающий пропавшего заключенного, не мог быть настойчивее в своих поисках, чем Бенсоны. Матрас был прощупан, платья выкинуты из шкафа, сам шкаф отодвинут – Юджиния предположила, что за ним скрывается потайной ход.

Никакого потайного хода в стене, конечно, не было. Равно как не было его и под паркетным полом, каждую щель которого тщательнейшим образом осмотрели.

В своих поисках Фрэнк Бенсон дошел до того, что задрал голову и оглядел потолок, словно пожилая леди могла повиснуть над их головами подобно летучей мыши.

Глория Кэдиш пропала.

– Не просочилась же она сквозь стены, – ошеломленно пробормотал Фрэнк.

Предположение, что Глория сумела взломать замок и выбраться из комнаты, вдребезги разбивалось о непреложный факт: дверь была заперта перед тем, как Милдред вошла. Это подтвердила вторая служанка, Пэгги: она спускалась по лестнице и ясно видела, как Милдред поворачивает ключ в замочной скважине. Этот ключ она всегда носила на поясе и никому не доверяла.

Юджиния и Фрэнк полагали такую предосторожность излишней: кто бы мог захотеть помочь ненормальной старухе? Человек в своем уме не пошел бы на такой шаг, а все их слуги были людьми крайне рассудительными.

Но факты были непреложны. Глория Кэдиш исчезла из комнаты, запертой снаружи.

Отрывок из письма миссис Норидж Тимоти Кэдишу:

«...взяла бы на себя смелость утверждать, что первая причина – это разлука с вами. Вторая же – это условия, которые обеспечивают ей мистер и миссис Бенсон.

Я предполагаю, что вы могли быть введены в заблуждение касательно содержания вашей матери. Действительное состояние дел таково, что она находится в положении заключенной, лишенной даже прогулок. Миссис Кэдиш заперта в комнате, на окнах которой установлены решетки. Я не могу назвать эту комнату иначе, чем темницей, поскольку она запирается снаружи, так что выйти оттуда нет никакой возможности. Миссис Кэдиш принимает там пищу, и это единственные минуты, когда компанию ей составляет служанка. Все остальное время она проводит одна.

Я пыталась добиться, чтобы мне разрешили хотя бы читать ей, но мистер и миссис Бенсон ответили категорическим отказом...»

Обессилен от бесплодных поисков, Юджиния опустилась на распотрошенную кровать и схватилась за виски. Несколько минут прошли в молчании. Фрэнк все разглядывал потолок, и на его лице было написано глубочайшее недоумение.

– Милдред, распорядись, чтобы ее начали искать, – сказала наконец его жена.

– Предупредить всех слуг, что старая леди сбежала?

– Да. Уму непостижимо, как это могло случиться. Но приходится признать, что Глории здесь нет.

Блуждающий взгляд Фрэнка скользнул по стене и остановился на решетке.

– Окно, – прошептал он. – Оно открыто!

– Да, сэр, но выбраться через него леди Глория не могла, – робко сказала Милдред. – Решетка-то никуда не делась.

– Я уверен, она вынула ее, а затем вставила на место! – прорычал Фрэнк и бросился к окну.

Но сколько он ни тряс решетку, она не поддавалась. Железные прутья были надежно закреплены в каменной стене.

– Позвольте мне, сэр.

Мистер Бенсон удивленно обернулся. За его спиной стояла миссис Норидж.

Фрэнк с первой минуты знакомства на дух не переносил высокомерную замкнутую гувернантку, расхаживавшую по дому, словно черная ворона. Видал он таких гордячек – в кармане денег кот наплакал, а

гонора столько, будто в ее распоряжении вся королевская казна. Да еще и лезет при этом в чужие дела, ни капли не боясь за свой длинный нос.

Но сейчас любая помощь была кстати, и он нехотя посторонился.

Гувернантка не стала тратить время на то, чтобы проверить крепость решеток. Вместо этого она высунулась наружу и внимательно оглядела траву и кусты под окном.

– Миссис Норидж, да ведь не могла леди Кэдиш пробраться через эти дыры, – с некоторым раздражением сказала Милдред. – В них и мальчишка не пролезет.

– Однако ее шляпа и перчатки каким-то образом оказались там, – не оборачиваясь, сообщила гувернантка.

– Что?

– Как?

Юджиния и Фрэнк подбежали к окну и уставились вниз.

– Ее любимые кружевные перчатки, – прошептала миссис Бенсон. – И старая шляпка с цветами. Но почему она их выкинула?

– Потому что она старая помешанная дура! – рявкнул ее супруг. – А что это вы морщитесь, миссис Норидж? Раз троюродный братец Юджинии не постеснялся сбавить нам свою сбрендившую мамашу, то и я могу не смущаться!

Фрэнк Бенсона даже в жар бросило от ярости. Гувернантка не на шутку разозлила его – и своим вызывающе прямым взглядом, который она не отвела, даже когда он начал орать, и поджатыми губами, в изгибе которых явственно читалось презрение.

– Троюродный брат вашей жены, кроме своей матери, сбавил вам, как вы изволили выразиться, мистер Бенсон, также и свое поместье, где мы имеем счастье находиться, – напомнила миссис Норидж отвратительно холодным тоном.

Фрэнк просто из себя выходил, когда она начинала так говорить. Видит бог, если бы не успехи Сюзанны, которая наконец-то перестала корчить из себя тупицу и начала что-то сообщать, он давно велел бы этой зазнайке собирать вещи.

Его внимание отвлекла Юджиния.

– Милдред! Принеси перчатки и шляпу, – приказала она.

Когда служанка вернулась, Фрэнк и Юджиния кинулись к находке с такой жадностью в глазах, будто за шелковой лентой на шляпе могла прятаться сама Глория. Миссис Норидж, к их удивлению, не проявила такого интереса. Она склонилась над столом и разглядывала какие-то пятна.

– Скажите, Милдред... – позвала она, – чем занималась леди Кэдиш здесь в последнее время?

– Да как всегда, миссис Норидж, ела и писала.

– И все?

– Н-нет...

Казалось, служанка почувствовала себя неловко. Уловив в ее голосе напряжение, Юджиния оторвалась от созерцания шляпки.

– Милдред! Что ты скрыла от нас?

От ее голоса, резкого, точно звук пистолетного выстрела, большая неуклюжая женщина даже попятилась назад.

– Я вам честно служу, миссис Бенсон, – в страхе пробормотала она. – Могу ошибиться, конечно. Но так, чтобы нарочно что-то плохое сделать, такого никогда не было.

– Отвечай! – потребовала Юджиния, не сводя с нее голубых глаз.

От волнения та начала заикаться.

– Я, миссис Б-бенсон, лоскутки ей п-п-принесла. И к-к-клею.

– Лоскутки и клей? – Юджиния нахмурилась. – Зачем они ей понадобились?

Поняв, что ругать ее не будут, служанка немного успокоилась.

– Она собиралась делать что-то вроде картин, мэм. Из лоскутков. Я решила, что вреда от этого не будет, даже обрадовалась, что она отвлечется от этих своих писем. Простите, что не посоветовалась с вами, миссис Бенсон.

Фрэнк фыркнул:

– Пусть после этого кто-нибудь скажет мне, что она не помешанная! Картины из тряпок? Надо же додуматься!

Миссис Норидж закончила изучение столешницы и перешла к подоконнику. Она буквально обнюхала его, затем провела пальцем по нижней перекладине решетки...

И вдруг застыла.

Отрывок из письма миссис Норидж Тимоти Кэдишу

«...оба они совершенно уверены, что вы никогда не приедете за миссис Кэдиш. Мне крайне неприятно упоминать об этом, но нет никаких сомнений, что основная часть средств, ежемесячно выделяемых вами на обеспечение миссис Кэдиш, расходуется на личные нужды мистера и миссис Бенсон.

Мистер Кэдиш, я не сомневаюсь, что интересы Ост-Индской компании требуют вашего присутствия в Азии. Но если у вас есть хоть малейшая возможность навестить вашу мать и своими глазами убедиться в ее плачевном положении, заклинаю вас, сделайте это. Приезжайте, пока не стало поздно...»

– Что это вы там разглядели? – окликнул Фрэнк, наблюдавший за гувернанткой.

– Вы можете сами взглянуть, мистер Бенсон.

Фрэнк подошел к окну. Ему пришлось очень внимательно приглядеться, чтобы заметить снаружи на решетке несколько светлых ниток. Они держались крепко, как будто их приклеили.

– Что это такое?

Миссис Норидж развела руками.

Он подозрительно взглянул на нее и снова вернулся к решетке. Но сколько Фрэнк ни разглядывал светлые ниточки, бьющиеся на ветру, ясности они не прибавляли.

– Ладно, – в конце концов мрачно сказал он, – как ни крути, клеем железную решетку не растворить.

– Вы совершенно правы, сэр.

И снова ему показалось, что за ее вежливостью таится издевка. Более того, мистера Бенсона грызло смутное подозрение, что, в отличие от него, гувернантка-то понимает про эти чертовы ниточки. Он чувствовал, что она что-то недоговаривает.

И вдруг воскликнул:

– Лоскуты!

Милдред вздрогнула.

– Куда старуха дела лоскуты? – спросил Фрэнк, обводя всех взглядом.

– Боже мой, дорогой, ну при чем тут какие-то тряпки, – с плохо скрываемым раздражением ответила Юджиния. – Не сплела же она из них веревку!

– Определенно, нет, мэм, – заверила миссис Норидж. – Лоскуты там же, где были перчатки – внизу, на траве. Они маленькие, поэтому отсюда их плохо видно.

И снова гувернантка оказалась права. Пять минут спустя тряпичные комочки лежали перед ними на столе. Милдред, принеся их, то бледнела, то краснела и без конца теребила свой фартук.

– Значит, старуха выкинула из окна перчатки, шляпу и лоскуты, – заключил Фрэнк Бенсон. – Должно быть, хотела прыгнуть за ними следом,

как тогда с крыши. Что, миссис Норидж, есть у вас объяснение происходящему?

Если этим вопросом он хотел поставить гувернантку на место, ему это не удалось.

– Как минимум два, – невозмутимо ответила та.

– Неужели? И какие же, черт побери? Мы перебрали все версии!

– Во-первых, если бы нашелся человек, который сильно ненавидел миссис Кэдиш – даже сильнее, чем вы, сэр, – то он мог бы убить ее и избавиться от тела с помощью кислоты. Представим, – продолжала она, – что некий человек вынужден каждый день служить тюремщиком старой женщины, не сделавшей ему ничего дурного.

При этих словах Милдред жалобно заморгала.

– Несчастливая леди сначала просилась к мужу, затем стала звать сына, – сказала миссис Норидж. – Своими жалобами она выводила из себя того, кто охранял ее и не давал выйти из комнаты. Разве есть люди, которых мы ненавидим сильнее, чем тех, кто заставляет нас чувствовать себя подлецами?

Милдред беззвучно шевелила губами, но не могла произнести ни звука.

– Если вообразить, что этот человек, тюремщик, имел возможность найти большое количество кислоты и принести ее в дом, – ровным голосом продолжала миссис Норидж, не глядя на служанку, – то при некотором знании химии и анатомии он мог растворить тело своей жертвы. Здесь есть туалетная комната, так что он мог бы без труда скрыть следы злодеяния.

После ее слов в комнате повисла тишина. Милдред покачнулась и села, и лицо ее было блее простыни.

– Господи, вы же не думаете этого на самом деле, – выдавил наконец Фрэнк. – Кислота, труп... Это смехотворно!

– Что ж, есть и вторая версия, – спокойно сказала миссис Норидж. – Сын считал, что оставил мать в надежных руках. Он понадеялся не на верных слуг, а на небогатых родственников, и совершил страшную ошибку. Верных слуг разогнали в первый же месяц, и леди Глория оказалась пленницей в собственном поместье. Поначалу на нее обращали внимания не больше, чем на дворовую кошку, но когда миссис Кэдиш второй раз поймали на краю крыши, ее тюремщики заволновались. Ведь если бы она погибла, сын перестал бы обеспечивать их. Прощай, просторный дом, прощай, прекрасная жизнь, к которой они настолько привыкли, что уверовали, будто она предназначена для них! Можно было приставить к несчастной одинокой женщине сиделку, нанять служанок, окружить

заботой и теплом, как и надеялся ее сын. Но куда практичнее и экономнее им показалось поместить ее в темницу.

– Как вы смеете... – начал Фрэнк Бенсон, наливаясь яростью.

Но миссис Норидж не дала перебить себя.

– Старая леди проводила здесь день за днем, – сказала она, брезгливо глядя на него. – Любому, кто интересовался ее судьбой, говорили, что она ненормальная, и вскоре не осталось никого, кто мог бы заступиться за леди Глорию. Последний год она жила лишь одним желанием – увидеть сына. Но ее письма были гласом вопиющего в пустыне, а его ответов она не получала. Когда надежда стала таять, начала таять и миссис Кэдиш. И вот однажды наступил день, когда она просто исчезла, превратившись в бестелесный дух, полный тоски по сыну. Дух покинул темницу, и отныне он не даст покоя никому из вас. О, поверьте мне, эта версия куда более реальна, чем вариант с кислотой, – с едва уловимым сарказмом закончила гувернантка.

Фрэнк и Юджиния вскочили. Поднялась и миссис Норидж, бестрепетно глядя на них.

– Вы!.. – задыхаясь от бешенства, начал Фрэнк. – Вы посмели...

– Уволены! – взвизгнула Юджиния, обретая дар речи. – Немедленно! Чтобы через час ноги вашей здесь не было...

Шум внизу заставил ее замолчать. Сквозь бормотание слуг внезапно прорезался новый голос.

– Юджиния! – громко звал он. – Мама! Где вы?

На лестнице послышались уверенные шаги. Они все приближались, и наконец дверь распахнулась.

На пороге стоял высокий, плечистый, загорелый до черноты мужчина со светлыми волосами и яркими голубыми глазами. Они с Юджинией были бы похожи, если бы не его открытый ясный взгляд и твердые, будто резцом выточенные черты.

– Юджиния, Фрэнк! – воскликнул он, широко улыбаясь. – Как я рад! Но, судя по вашим растерянным лицам, я обогнал свое письмо.

– Здравствуй, Тимоти, – растерянно пробормотала миссис Бенсон. – Какое письмо?

– В котором я предупреждал о приезде. Очевидно, оно задержалось в пути.

Он пожал руку Фрэнку Бенсону, который при его появлении будто уменьшился в размерах, и нетерпеливо огляделся.

– Но где же мама? Я хочу скорее увидеть ее.

Перепуганное молчание было ему ответом. Сам дьявол, явись он из-

под дубового паркета в дыму и пламени, не мог бы вогнать чету Бенсонов в такое оцепенение.

Тимоти Кэдиш посмотрел на них, и улыбка сползла с его лица.

– Что с мамой? – быстро спросил он. – Господи, Юдж, она... С ней все в порядке? Она нездорова?

– Н-н-нет, – пролепетала Юджиния, отступая назад. – Мы не знаем...

– Чего вы не знаете?

– Черт возьми, – бухнул Фрэнк Бенсон, – мы не знаем, где она! Она пропала!

Тимоти широко раскрыл глаза.

– Что?! Когда?

– Два часа назад! Ее ищут, но поместье большое...

– Пойдите, как она могла исчезнуть?! С ней же была сиделка!

Супруги быстро переглянулись, и Юджиния начала, подбирая слова:

– О, дорогой Тимоти, так вышло, что сиделка...

– Никакой сиделки не было, – прервал ее твердый суховатый голос.

Тимоти Кэдиш обернулся к высокой женщине в черном платье.

– Меня зовут Эмма Норидж, я гувернантка, – представилась она. – Вашу мать держали запертой в этой комнате, откуда она сбежала сегодня утром.

Во взгляде эмалево-голубых глаз Юджинии отчетливо читалось, что она с удовольствием задушила бы несносную женщину. Мистер Бенсон выругался себе под нос.

– Из запертой комнаты? – недоверчиво переспросил Тимоти. – Пойдите, что вы говорите? Мою мать запирали? Фрэнк, это правда?

– Для ее же пользы, – пробормотал тот, отводя глаза.

– Что?

– Тимоти, ты все не так понял! – умоляюще воскликнула миссис Бенсон. – Мы просто боялись, что она навредит себе.

Кэдиш с минуту стоял, глядя на них с недоумением. Затем, не говоря ни слова, обошел комнату, разглядывая скудную обстановку. С каждым шагом он мрачнел все сильнее. Дойдя до окна и дотронувшись до прутьев решетки, он обернулся.

На лице не осталось и тени той радости, что только что освещала его.

– Юджиния, я каждый месяц присылал тебе сумму, на которую можно было нанять пятерых сиделок. Двое сопровождали бы мою мать на прогулках, двое составляли бы ей компанию днем, и еще одна берегла бы ее сон. Отчего же ты не сделала это? Отчего ни в одном своем письме ты не упомянула, что она содержится взаперти?

– Она легко переносила это...

– Легко переносила? – Тимоти Кэдиш ударил кулаком по столу, и все вздрогнули. – Моя мать была пленницей в собственной комнате, а ты говоришь, что она легко переносила это?! Что за чудовищную ложь вы тут громоздите?

В его глазах мелькнула тень страшного подозрения.

– Мама не отвечала на мои письма, – медленно проговорил он. – Ты писала, что она не желает со мной общаться из-за болезни. Это правда?

– Она стала очень замкнутой, – заверила его побледневшая Юджиния.

– Никого не хотела видеть, – поддакнул ее муж.

– Она писала вам каждый день, сэр, – с горечью сказала миссис Норидж.

– Да замолчите же вы! – не выдержала Юджиния. – Убирайтесь! Убирайтесь прочь из нашего дома!

Тимоти недобро прищурился:

– Из вашего дома? Нет, Юдж, это не твой дом. Не смей никого выгонять отсюда.

– Благодарю вас, сэр, – вежливо сказала миссис Норидж.

Кэдиш обернулся к ней:

– Вы сказали, мама писала каждый день?

– Она назначала вам встречи и ждала, что вы заберете ее.

Он сжал кулаки и застонал.

– О, если бы я знал! Я бы примчался раньше, я бы бросил все, чтоб помочь ей. Простите... Как, вы сказали, ваше имя?

– Миссис Норидж.

– Послушайте, миссис Норидж, вы кажетесь единственным человеком, который знает, что здесь произошло. Вы общались с моей матерью?

– Немного, сэр. Месяц назад я попросила разрешения помогать служанке, Милдред, и ваша сестра дала согласие. Я приносила леди Кэдиш ужин и беседовала с ней по четверти часа, не больше.

Судя по тому, как яростно Юджиния кусала губы, слушая гувернантку, она тысячу раз пожалела о своем опрометчивом решении.

– Я хотела понять, что за опасную сумасшедшую держат взаперти, – продолжала миссис Норидж. – Вы можете представить мое изумление, когда я поняла, что леди Кэдиш безобидна, как дитя.

– Она совершенно безумна! – прошипела Юджиния. – А вы, дорогая, оказываете плохую услугу мистеру Кэдишу, вводя его в заблуждение.

– Это правда? – обратился взволнованный Тимоти к гувернантке.

Миссис Норидж пожалала плечами:

– На любые отвлеченные темы, не касавшиеся вас или вашего отца, леди Глория рассуждала вполне разумно. Я бы сказала, она сумела совместить реальный мир и выдуманный, в котором вы остались вместе с ней, а не уехали в Азию. Ваша мать рассказывала, что в детстве вы любили лошадей, и тут же прибавляла, что уж сегодня-то вы обязательно пойдете кататься на пони. Иногда она проявляла удивительную твердость воли и ясность мысли. Скажем, миссис Кэдиш была уверена, что вы не можете попасть в эту комнату, и потому всеми силами пытались выбраться отсюда. Кто-то мог бы возразить, что это как раз и свидетельствует о помутившемся рассудке. Я же скажу, что для того мира, в котором обитает леди Кэдиш, такая логика была единственно возможной.

– Но вы перестали навещать ее?

– Мне запретили, сэр. Милдред заметила, что наши встречи идут на пользу леди Глории. И немедленно предупредила миссис Бенсон.

– И ты, – с тихой яростью начал Тимоти, повернувшись к Юджинии, – ты лишила мою мать и этой небольшой радости? Ты... ты... – Он в бессильном гневе искал слова и не находил.

Мистер Бенсон почувствовал необходимость вмешаться. Он вышел на середину комнаты и с важным видом открыл рот, собираясь что-то заявить.

Но сделать это ему не позволили. Тимоти Кэдиш бросился на него, схватил за грудки и несколько раз встряхнул, как мешок. Юджиния завизжала.

– Ты, грязная тварь! – прорычал Кэдиш. – Если не хочешь, чтобы я вытряс из тебя дух, говори, мерзавец, где она сейчас! Где?!

– Оставь его! – верещала миссис Бенсон, бегая вокруг. – Оставь!

Но Тимоти Кэдиш не разжимал кулаки.

– С вами я потом разберусь, – бросил он, – сейчас я хочу лишь одного – найти свою мать! Говори же, негодяй!

И он еще раз с такой силой встряхнул Фрэнка, что голова мистера Бенсона провалилась в плечи.

– Мистер Кэдиш, они не знают, – негромко заметила гувернантка. – Поверьте мне, они действительно не могут ответить на ваш вопрос. Им неизвестно, что случилось с леди Глорией.

Тимоти нехотя отпустил Фрэнка, и тот, пошатываясь, отошел и упал на кровать. Юджиния в слезах бросилась к мужу.

– А вам, – спросил Тимоти Кэдиш, пристально глядя на миссис Норидж, – вам известно?

– О, разумеется, сэр, – чуть удивленно отозвалась та.

Фрэнк и Юджиния уставились на нее.

– И что же? Она в самом деле сбежала из закрытой комнаты?

– Леди Кэдиш сбежала, – кивнула миссис Норидж. – Но комната была открыта.

– Неправда! – вскрикнула молчавшая до этого Милдред.

Тимоти Кэдиш взглядом заставил ее замолчать.

– Расскажите же, миссис Норидж, что здесь случилось, – попросил он.

– Мой рассказ будет короток, сэр. Ваша мать хотела встретить вас в условленном месте, а для этого ей было необходимо покинуть комнату. Каждый раз, открывая дверь снаружи, Милдред входила и сразу же запирала ее. У леди Кэдиш не было возможности отобрать у нее ключ. Я знаю, что однажды она пыталась это сделать, но потерпела поражение. Вы оттолкнули ее, Милдред, и она упала.

– Вы посмели толкнуть мою мать, – пустым голосом произнес Тимоти Кэдиш, глядя на служанку.

Та сглотнула.

– Я... я верно и преданно служу мистеру и миссис Бенсон, – с какой-то отчаянной гордостью прошептала она.

– Верно, – сказала миссис Норидж. – Вот только верность и преданность, Милдред, не искупают бессердечия. Леди Глория поняла, что не сможет отобрать у вас ключ силой, и тогда решила действовать хитростью. Ее план был гениально прост.

– Откуда ты знаешь о ее плане? – не удержался Фрэнк, перестав стонать. – Ты помогла ей сбежать, чертова ворона?

– Заткнись, Фрэнк! – яростно процедил мистер Кэдиш.

Гувернантка пожала плечами:

– Миссис Кэдиш справилась и без меня. Я поняла, что она придумала, когда увидела следы клея на решетке, лоскутки, перчатки и шляпку.

– Вы смеетесь над нами? – пробормотала Юджиния.

Миссис Норидж взглянула на них с легким сожалением.

– Леди Кэдиш не собиралась прятаться или нападать на служанку. Она использовала самые простые человеческие инстинкты. Ей удалось выпросить лоскутки, и она набила ими перчатки, чтобы казалось, будто они надеты на руки. Затем распахнула створки окна и закрепила снаружи на подоконнике шляпку так, чтобы от двери была видна только верхняя часть с цветами. Вы понимаете, мистер Кэдиш?

– Признаться, пока нет...

– А если я скажу, что обе перчатки она приклеила к нижнему пруту решетки, слегка согнув набитые пальцы? Станет ли картина яснее?

Тимоти Кэдиш покачал головой.

– Боюсь, что я все равно не понимаю...

– Тогда представьте, что вы женщина средних лет, не слишком сообразительная и расторопная. Вы входите в комнату старой леди, не ожидая ничего плохого.

Тимоти Кэдиш взглянул на Милдред, слушающую с открытым ртом, и кивнул.

– Как только вы вошли, непременно нужно запереть дверь на ключ. Это правило установлено именно для того, чтобы узница не сбежала, воспользовавшись замешательством своей тюремщицы. Но едва только вы входите в комнату, как в глаза бросается распахнутое окно, две перчатки, которые держатся за решетку, и между ними – верхушка шляпки с цветами. Какой будет ваша первая мысль, сэр?

– Боже милостивый! – воскликнул Тимоти Кэдиш, глядя перед собой. – Я подумаю, что за окном кто-то висит, вцепившись в решетку!

– Верно, сэр. Вы не подумаете о том, что пространство между прутьями слишком мало для того, чтобы между ними пролез человек. Милдред сделала то, что сделал бы почти любой в этой ситуации, – она бросилась к окну.

– Оставив незапертой дверь!

– Разумеется. За ней пряталась леди Кэдиш, которая бесшумно выскользнула и исчезла.

Наступившую тишину нарушил пронзительный вопль Юджинии:

– Милдред! Это правда?!

Служанка попятилась, отрицательно мотая головой.

– Конечно, правда, – пожалала плечами миссис Норидж. – Увидев болтающиеся снаружи перчатки и шляпку, Милдред еще некоторое время стояла, не понимая, что ее провели. И только потом бросилась закрывать дверь. Если бы тогда подняли тревогу, то леди Кэдиш поймали бы. Но вы, Милдред, страшно перепугались и от испуга стали хуже соображать. Кроме того, для таких людей, как вы, важнее выглядеть безупречно, чем выполнить поручение. Поэтому вы поспешно оторвали от решетки перчатки и шляпку и бросили вниз, надеясь, что никто не догадается, какую роль они сыграли. И лишь тогда начали кричать и звать на помощь. Когда мы заметили на траве вещи и отправили вас за ними, вы по дороге вынули из перчаток тряпки и бросили на землю, чтобы никто не догадался, как вас провели.

Миссис Норидж помолчала и добавила:

– Не странно ли, что женщина, которую вы считали глупой и потерявшей рассудок, перехитрила вас с легкостью...

На поиски были брошены все слуги. Но и час спустя их усилия не принесли результатов. Глории Кэдиш не было ни в саду, ни возле старого дуба, ни у прудов, где когда-то маленький Тимоти ловил рыбу.

Мистер Кэдиш, который за этот час, казалось, состарился на десяток лет, приказал проверить дно обоих водоемов.

– Если с ней что-то случилось, Юджиния... – бесцветным голосом начал он.

Тимоти не закончил фразы.

– Мы найдем ее, – сдерживая дрожь, пообещала Юджиния. – Мы сделаем все, чтобы...

– Здесь что-то есть! – донесся крик с одной из лодок.

Сын Глории Кэдиш сделал несколько шагов и остановился. Миссис Норидж видела, какого усилия ему стоило держать себя в руках.

– Сэр, я уверена, что это не леди Кэдиш, – тихо сказала она, поравнявшись с ним.

– Господи, я никогда не прощу себе, если...

Он стиснул зубы.

– Мистер Кэдиш, у леди Глории был план, и она следовала ему. Надо лишь понять, чего она хотела.

Слуги подцепили баграми то, что было на дне, и подняли на поверхность.

– Надеюсь, вы правы, – сказал Тимоти, овладев собой.

Они ускорили шаг и через минуту оказались на берегу. Отсюда было видно, как двое мужчин втащили в лодку какой-то пестрый тюк, с которого текла вода.

Несколько секунд прошли в гнетущей тишине.

– Это старое тряпье! – крикнул наконец один из багорщиков.

Раздались облегченные восклицания.

Тимоти Кэдиш разжал кулаки и сказал лишь:

– Ищите дальше!

...Миссис Норидж поднялась в свою комнату и взяла со стола письмо, которое не успела отправить Тимоти Кэдишу. Она порвала его и задумчиво смотрела, как разлетаются мелкие белые обрывки.

Глория Кэдиш... Неужели бедная старая леди и впрямь покоится на дне пруда, уйдя в воду, как когда-то чуть не шагнула в облака?

Эмма не хотела в это верить.

К тому же было что-то в ее беседах с леди Глорией, что постоянно

напоминало о себе, словно далекий звон колокольчика. Но тщетно миссис Норидж прислушивалась к нему – воспоминание не поднималось на поверхность из омота памяти.

Эмма села за стол. Она думала о маленьком Тимоти Кэдише, и пальцы сами выложили на столе из обрывков письма какую-то фигуру. Жираф или зебра, или, может быть, лошадь...

– Лошадь? – сказала миссис Норидж.

И вскочила. Она вспомнила, о чем говорила ей Глория Кэдиш.

Гувернантка смахнула обрывки на пол и выбежала из комнаты.

Тимоти Кэдиш издали увидел высокую фигуру в черном, торопящуюся к нему, и сердце его забило сильнее.

– Миссис Норидж! Что-то случилось?

– Лошади, мистер Кэдиш, лошади! – проговорила запыхавшаяся гувернантка.

– Что, простите?

– У вас в детстве были лошади?

– Конечно, – растерянно сказал Тимоти. – Конюшни и сейчас на месте. Я, правда, боялся лошадей. Как следует ездить я выучился только в юности.

Миссис Норидж покачала головой:

– Нет, это не то. Леди Глория утверждала, что вы любите кататься на пони. Не может быть, чтобы она ошибалась.

– Пони? Но у нас вовсе не было пони.

– Вспоминайте, мистер Кэдиш! – твердо сказала гувернантка. – У вас был пони. Если ваша мать помнила о нем, то и вы должны.

Тимоти хотел было возмутиться ее неподобающе резким тоном. И вдруг поменялся в лице:

– Пони! Бог мой, да!

– Что это? Игрушка?

– Нет-нет, это качели! Мать заказала мне их в подарок на день рождения. Спинка у них сделана в виде лошадиной морды. Когда мама раскачивала меня, мы называли это «скакать на пони».

– Где они? – быстро спросила миссис Норидж. – Где они сейчас?

Тимоти Кэдиш даже зажмурился от напряжения, пытаясь вспомнить.

– Их несколько раз переносили с места на место... Кажется, последний раз я видел их за конюшнями. Там небольшое поле люцерны, и...

Тимоти не успел договорить, а миссис Норидж уже быстро шла по направлению к дому.

Он догнал ее. Они молча прошли двор, миновали конюшни и, обогнув

дальнюю постройку, внезапно оказались на поле, сплошь усыпанном мелкими желтыми цветами.

На самом краю поля стояли старые разохшиеся качели. А на качелях сидела женщина со снежно-белыми волосами, маленькая, как воробушек.

Заметив их, она просияла и поднялась.

Тимоти Кэдиш ничего не сказал. Он лишь издал невнятный всхлип и пошел к ней по полю люцерны, сначала медленно, а потом быстрее и быстрее.

А вот миссис Кэдиш кое-что сказала. И после миссис Норидж думала, что удивительным образом слова старой леди оказались чистой правдой.

– Тимоти, мальчик мой! – с тихой улыбкой сказала она, протягивая к нему руки. – Я всегда знала, что встречу тебя здесь.

Призрак поместья Эштонвилл

По галерее, освещенной мертвенным лунным светом, бежала женщина. Подол ночной рубашки путался у нее в ногах, босые ступни были сбиты в кровь. Через каждые несколько шагов она затравленно озиралась.

Ее настигала тьма.

Ветер пригнал рваные облака. словно развевающиеся космы злой колдуньи, они все больше закрывали луну, и галерея неумолимо погружалась в темноту.

Из этой тьмы женщина отчетливо слышала шорох шагов.

Ужас гнал ее все дальше – до тех пор, пока она не свернула вправо. И сразу поняла, что сделала ошибку. Правый коридор заканчивался тупиком.

Вернуться, вернуться скорее! Другой путь выведет ее из этого страшного дома.

Она бросилась назад, но вскрикнула и отступила.

Темнота застыла в узком горлышке коридора, словно забивший бутылку комок водорослей. Женщина попятилась, не сводя с него глаз. Там, в переплетении черных щупалец, шевелилось и всхлипывало то, чему она не могла дать названия.

Воздух вокруг стал плотным, густым и липким. Он обволакивал, как сироп увязшую в нем муху.

– Нет! Нет!..

Из груди женщины вырвалось отчаянное рыдание. Собрав последние силы, она дернулась, вырываясь из невидимой паутины, отступила и замерла, прижимаясь спиной к стене. Дальше бежать было некуда.

На несколько секунд все стихло. У женщины мелькнула крошечная надежда, что на этот раз все обойдется.

А затем темнота подалась к неподвижной фигуре и поглотила ее.

И тогда безумный дикий хохот сотряс древние стены поместья Эштонвилл.

Отрывок из письма, полученного Эммой Норидж:

«...Моя дорогая Эмма! Я никогда не обращалась к тебе с просьбами, но, боюсь, сейчас вынуждена это сделать.»

Последний год до моего отъезда я работала в семье Эштонов. Моей подопечной была семилетняя Лилиан. Не стану скрывать, что я очень привязалась к этой девочке. Она умна и добра, а склад характера имеет более созерцательный, чем подвижный. Обычно я легко нахожу общий язык с такими детьми, и Лилиан не стала исключением.

Моему уходу из их семьи предшествовали некоторые не совсем обычные обстоятельства. Все началось с того, что мистер Эштон приютил в своем доме овдовевшую кузину, Шарлотту Пирс. Вскоре после этого в поместье начали происходить странные вещи. Без видимой причины уволились сразу двое слуг, а еще один впал в состояние, близкое к помешательству. Двое уволившись, люди простые и не склонные к экзальтации, говорили, что им не по себе в стенах дома. Но больше я ничего не смогла добиться от них.

Происходящее было тем невероятнее, что внешне все выглядело по-прежнему более чем пристойно. Миссис Пирс – тихая леди, хотя и чудаковатая. Она никогда не ссорилась ни с мистером Эштоном, ни с его женой, а к Лилиан отнеслась с искренней теплотой (девочка платила ей тем же). Однако обстановка в поместье стала угнетающей и тягостной. Чтобы передать тебе, до какой степени мне было тяжело, скажу лишь одно: когда мистер Эштон сообщил, что они больше не нуждаются в моих услугах, я испытала большое облегчение...

Как тебе известно, вскоре я вышла замуж и уехала. И вот прошло уже четыре месяца, но меня до сих пор не покидает тревога за Лилиан Эштон...

А теперь перехожу к моей просьбе. Ты, наверное, уже догадалась, к чему я веду.

Дорогая Эмма, если ты еще не нашла новую подопечную, прошу тебя, нет, умоляю – поезжай в Эштонвилл. Гувернантки там сменяются часто, и вероятность, что место будет вакантно, довольно велика.

Каждый день я думаю о Лилиан, и эти мысли вселяют в меня страх. Теперь, четыре месяца спустя, я по-прежнему убеждена, что нечто ужасное поселилось в Эштонвилле, и всем, кто там живет, угрожает опасность.

Я знаю, что прошу о многом, и не упрекну тебя, если ты откажешься. Но я знаю также, что если кто-то и сможет помочь этому ребенку, то лишь ты с твоим здравомыслием, проницательностью и умом.

Быть может, мои тревоги – лишь плод моего воспаленного воображения, и ты развеешь их первым же письмом. Я всей душой надеюсь на это!

*Любящая тебя,
Кэтрин».*

– Итак, мисс Норидж...

Генри Эштон придвинул к себе рекомендательные письма.

Это был высокий сухопарый джентльмен с благородной посадкой головы и львиной гривой седых, почти серебристых волос. Щеки мистера Эштона слегка обвисли, лицо было того желтоватого оттенка, который присущ людям, проводящим больше времени в кабинете, чем на свежем воздухе. Меж бровей залегла глубокая вертикальная морщина.

– *Миссис*Норидж, – поправила гувернантка. – Я вдова.

Ей показалось, что при этих словах мистер Эштон бросил на нее быстрый тревожный взгляд. Но сразу отвел глаза.

– Миссис Норидж, простите... – исправился он. – Итак, вы ищете место.

– Именно так, сэр.

– Имея на руках превосходные рекомендации.

– Благодарю вас.

Мистер Эштон побарабанил тонкими пальцами по столу. Казалось, рекомендательные письма пришлись ему не по душе.

– Вам сообщили об условиях, миссис Норидж?

– В общих чертах, сэр.

– Выходной – вторая половина последней субботы месяца, оплата – тридцать фунтов в год.

Миссис Норидж слегка наклонила голову. Тридцать фунтов она получала за полгода. Не говоря уже о еженедельном выходном. Если постоянно имеешь дело с детьми, отдыха много не бывает.

Неудивительно, что мистера Эштона смутили отличные рекомендации. Для гувернантки с ее репутацией условия просто смехотворные.

– Лилиан – своеобразный ребенок, – медленно проговорил Генри Эштон. – У нее бывают... м-м-м... странности в поведении.

Он подождал, не проявит ли сидящая перед ним женщина любопытства. Но миссис Норидж терпеливо ждала продолжения.

– Буду откровенен: две предыдущие гувернантки не справились с ней, – признался мистер Эштон.

– Если взрослый говорит, что он не справляется с ребенком, это означает, что он не справляется с собой, – заметила миссис Норидж. – Поверьте, мне это не грозит.

– Рад это слышать.

Генри Эштон встал и в задумчивости подошел к окну. Оно выходило в сад, где цвели красные розы.

Миссис Норидж увидела, как из-за угла дома показалась высокая женщина в черном платье. Она шла очень медленно, то и дело останавливаясь и срывая головки со стеблей.

Сорванные цветы женщина роняла на землю. Брошенные бутоны пламенели на дорожке, как алые капли. Казалось, за идущей остается кровавый след.

Но взгляд гувернантки был прикован не к странной женщине, а к хозяину дома. От ее внимания не ускользнуло, что при виде фигуры в черном Генри Эштон отшатнулся.

Резким движением он задернул шторы, и в комнате воцарился полумрак.

– Так о чем мы говорили?

Он рассеянно потер лоб.

– Об условиях моей работы, – напомнила миссис Норидж.

– Да, конечно... Этот дом очень стар и, к сожалению, не слишком уютен. Комната, отведенная для гувернантки, очень маленькая и окнами выходит на север. Я попрошу своего помощника, чтобы он показал ее. Возможно, аскетичность обстановки придется вам не по вкусу.

Миссис Норидж покачала головой:

– Благодарю вас, сэр. Обстановка не имеет для меня большого значения.

– Не хотите даже взглянуть? До вас две претендентки сразу ответили отказом, увидев комнату.

– Это не повлияет на мое решение, сэр. Я принимаю предложение. Если, конечно, я вас устраиваю.

Генри Эштон всмотрелся в гувернантку внимательнее. В той небрежности, с которой она произнесла последнюю фразу, читалось: «Разумеется, устраиваю. Иначе и быть не может». И ему пришлось признать, что она права.

Перед ним сидело идеальное воплощение гувернантки. Дети рядом с такой всегда вышколены, жены не беспокоятся за нравственность своих мужей, слуги соблюдают уважительную дистанцию. Высокая, худая и прямая, как трость, она смотрела на него с достоинством человека, знающего себе цену.

Внутренний голос Генри Эштона вдруг явственно шепнул, что будет ошибкой нанять эту женщину. Но мистер Эштон постарался заглушить его. Гувернантки не выстраивались к ним в очередь в поисках работы. Дурные

слухи расползаются так быстро...

– Что ж, – сказал он, – в таком случае, добро пожаловать в Эштонвилл, миссис Норидж.

Комната и впрямь оказалась крохотной, тесной и промозглой. Миссис Норидж поставила саквояж на пол и подошла к окну, за которым уже смеркалось.

Ничего странного, что кто-то отказался поселиться здесь. Вид на кладбище не каждому по душе.

Сквозь узкие створки можно было рассмотреть обветшалую стену часовни. На ветке высохшей липы сидела ворона и каркала пронзительно и тоскливо. Ее вопли разносились далеко по окрестностям.

Человеку, наделенному богатой фантазией, могло бы прийти в голову, что мрачная птица созывает покойников. Порывы ветра волновали траву на кладбище, и нетрудно было представить, будто могильные плиты понемногу сдвигаются.

Но миссис Норидж была человеком, начисто лишенным воображения. При виде вороны, зловеще каркающей над могилами, она подумала лишь об охотничьем ружье. А если бы какой-нибудь мертвец вздумал восстать из своего истлевшего гроба, Эмма Норидж строго призвала бы его к порядку и настоятельно рекомендовала вернуться на место.

«Моя жена уезжает на несколько дней к подруге и берет Лилиан с собой, – предупредил Генри Эштон. – Вы можете пока обжиться. Или возвращайтесь к нам в начале следующей недели».

Гувернантка выбрала первый вариант. В отсутствие девочки можно спокойно осмотреться и понять, чем так пугал Кэтрин дом Эштонов.

Пока она не увидела ничего особенного. Конечно, если не считать сырости.

«От плесени куда больше зла, чем от соседства с покойниками», – подумала миссис Норидж. И пошла на кухню за своим стаканом молока.

На следующее утро, едва лишь сонный городок начал пробуждаться, Эмма уже стояла перед дверью писчей лавки. Она уже мысленно начала сочинять ответ подруге. *«Моя дорогая Кэтрин, твоя богатая фантазия сыграла с тобой злую шутку...»*

Жизнерадостный толстяк, стоявший за прилавком, выложил перед ней несколько упаковок.

– Могу рекомендовать эту, – вежливо сказал он, доставая лист веленовой бумаги. – Очень гладкая, но в то же время перо не скользит. Не

желаете попробовать?

Пока миссис Норидж выводила несколько слов, толстяк восхищенно наблюдал за ней. Какая осанка! А этот римский нос! Не чета легкомысленным вздернутым и курносым. Если бы он раньше видел такое лицо, непременно запомнил бы.

– Вы ведь у нас впервые? Надеюсь, город вам понравится.

– Не уверена, что у меня будет возможность близко познакомиться с ним, – отозвалась миссис Норидж. – Я из Эштонвилла...

Она не успела договорить – хозяин магазина дернулся и опрокинул чернильницу.

По желтоватой бумаге расплылись темно-синие пятна. Они быстро переползли на стол, подобрались к открытой пачке, но миссис Норидж спасла листы от гибели.

Прибежавшая на шум пухленькая кудрявая женщина, по всей видимости, жена хозяина, помогла вытереть чернила. Жизнерадостность толстяка словно испарилась. Он хмуро молчал, сопел, но наконец не выдержал:

– Дом Эштонов – не самое хорошее место. Не знаю, слышали ли вы об этом...

– Дом Эштонов? – Женщина вскинула голову. – Бог ты мой, мэм, что вас туда привело?

– Я – новая гувернантка мисс Лилиан, – сказала миссис Норидж, наблюдая за ними.

Муж с женой переглянулись.

– Маргарет... – нерешительно начал мужчина.

– Ты как хочешь, Джон, а я скажу.

– Если это дойдет до мистера Эштона, он не обрадуется.

Но его жена уже повернулась к миссис Норидж:

– Послушайте, мэм, Эштонвилл – плохое место, в самом деле плохое. Не стоит вам там оставаться.

– Ох, Маргарет...

– Нет, Джон, я не хочу, чтобы повторилась прежняя история.

– Мы не знаем наверняка...

– Знаем! – оборвала его взволнованная женщина. – В поместье Эштонов обитает призрак. Это чистая правда.

Миссис Норидж не удивили ее слова. Она лишь пожала плечами:

– Во многих старых домах живут привидения. У них есть поразительное качество – они повышают стоимость недвижимости.

Маленькая кудрявая женщина всплеснула руками:

– Вы думаете, что сэр Генри набивает цену своему поместью? Нет, мэм, дело не в этом. И не в играющих детях, которые любят звенеть разными железяками и выть дурацкими голосами.

– Нет, не в детях, – эхом откликнулся ее муж.

– Тогда в чем? – серьезно спросила миссис Норидж.

Супруги снова переглянулись.

Если у гувернантки и были сомнения в их искренности, они рассеялись, когда она увидела, как побледнела Маргарет. Бедная женщина попыталась что-то сказать, но с губ ее срывалось лишь неразборчивое бормотание.

Толстяк успокаивающе положил руку ей на плечо и сказал извиняющимся тоном, обращаясь к гувернантке:

– Простите, мэм, у нас тут все сильно напуганы последними событиями.

Терпения миссис Норидж было не занимать.

– Какими событиями?

– Три человека сошли с ума, – сказал толстяк, понизив голос. – Каждый, кто нанимался в Эштонвилл, потерял рассудок.

Повисла тишина, и в этой тишине вдруг негромко прозвонил колокольчик.

Лавочник нервно покосился на дверь. Маргарет вздрогнула и прижалась к нему.

– Это всего лишь сквозняк, – сказала миссис Норидж. – У вас, должно быть, открыто окно в задней комнате. Если призрак и есть, он сидит в Эштонвилле, а не разгуливает по городу.

Ее слова несколько успокоили перепуганную чету.

Лавочник наклонился к ней:

– Гувернантка, которая была до вас, мэм... Она появилась здесь в пять утра. Пришла из Эштонвилла босиком, в одной рубашке. Одна половина лица у нее была застывшая, а другая дергалась. – Он перекрестился. – В жизни не видел страшнее зрелища. И еще она была.

– Была?

– Была и хохотала, – подтвердил хозяин. – Эти дикие звуки и перебудили нас всех.

Он вытер вспотевший лоб.

– Я первая увидела ее, – сказала его жена. – Она царапала стены и смеялась. Пальцы у нее были в крови, она обломала себе все ногти, но все равно продолжала скрести камни. Будто хотела пройти сквозь стены.

– Похоже, что-то испугало ее так сильно, что она сошла с ума, –

добавил лавочник.

Вновь тренькнул колокольчик, на этот раз впуская нового посетителя.

Покупатель надолго не задержался. Миссис Норидж дождалась, когда он уйдет, и задала вопрос:

– А двое других? Вы сказали, рассудок потеряли трое.

– Дворецкий, мэ. И трех недель не продержался. Он забрался вечером на крышу и кричал, что все мы прокляты и нас ждет смерть на гильотине.

– И что же, он спрыгнул?

– Хвала всем святым, не успел! Наш констебль – бравый парень – забрался по приставной лестнице и скрутил его. Сам я не видел этого бедолагу, но полицейский рассказывал, что волосы у него были всклокочены, а лицо расцарапано, будто он с кем-то дрался.

– А третьей была кухарка, – вмешалась Маргарет. – Я видела ее на рынке и сразу запомнила: она косила на один глаз. – Никто не знает точно, что с ней случилось. Кто-то говорит, она пыталась повеситься, а кто-то – что она напала на миссис Эштон с тесаком в руках. Но только ее увезли из поместья в смиренной рубашке.

Она перекрестилась и закончила:

– Бегите оттуда, мэ, бегите! Чем быстрее, тем лучше.

Выйдя из лавки, миссис Норидж постояла в задумчивости. А затем отправилась на поиски констебля.

Ей повезло: полицейский оказался любезен и словоохотлив. Всего полчаса спустя гувернантка знала имена троих несчастных, о которых рассказывали лавочник и его жена.

– Я всегда считал, что привидений не существует, – сказал под конец разговора «бравый парень». – Но что-то же испугало тех троих?!

– Это мог быть другой человек, – заметила миссис Норидж.

Констебль покачал головой.

– Знаете, мэ, за годы службы я всякого насмотрелся. Пару лет провел в Лондоне, а там далеко не такая тихая жизнь, как у нас. И вот что я скажу: ваша правда, один человек может напугать другого. Может довести и до припадка. Но чтобы свести с ума, да еще и нескольких – такого я не видывал.

Он помолчал и добавил:

– Призрак там или нет, но одно знаю точно: ни за какие деньги не согласился бы я провести ночь в Эштонвилле.

И полицейский, и супружеская пара показались миссис Норидж

людьми правдивыми. Безусловно, они верили в то, что говорили.

«Три человека сошли с ума? Из-за призрака? Хм...»

Миссис Норидж готова была поверить в обман, в розыгрыш, в сговор этих троих, но только не в привидение.

Она отыскала Генри Эштона и предупредила, что должна уехать на пару дней.

– Конечно-конечно, – рассеянно согласился тот. – Но вы обязаны вернуться до приезда Агнессы и Лилиан.

– Не сомневайтесь, сэр.

Саквояж миссис Норидж собрала быстро. Спустя час она уже покинула поместье.

В разговоре констебль привел много подробностей о дворецком, которого пришлось снимать с крыши. Благодаря ему гувернантка точно знала, куда лежит ее путь – в небольшой городок на границе с Девонширом.

По удачному стечению обстоятельств, неподалеку находилась лечебница, где должна была содержаться несчастная сумасшедшая гувернантка, Ребекка Степлтон.

Сначала миссис Норидж посетила клинику. Она почти не сомневалась, что никакой мисс Степлтон там не найдет.

И тем сильнее был первый удар. Ребекка Степлтон находилась в лечебнице с того самого дня, когда ее привезли из Эштонвилла.

– Не буду скрывать от вас, она по-прежнему далека от выздоровления, – сказал доктор, которому миссис Норидж представилась подругой Ребекки. – Прогресс есть. Но не такой значительный, как мы надеялись.

– Вы можете сказать, что послужило причиной болезни?

Доктор замялся.

– Сильные переживания... Возможно, испуг...

– Возможно?

– Скорее всего. Сказать точнее затруднительно.

– Но отчего? Разве она сама не рассказала вам?

Доктор снял очки, тщательно протер, надел и посмотрел на миссис Норидж.

– Видите ли... Единственный звук, который мы до сих пор слышали от нее, – это хохот.

Второй удар миссис Норидж получила тремя часами позже. Оставив саквояж в гостинице, она нашла дом, где жил дворецкий. Ей открыла

бледная девушка с замкнутым лицом.

– Отец не станет разговаривать с вами, – сухо сказала она, выслушав гувернантку. – Он... Он нездоров.

– Кто там, милая? – раздался надтреснутый голос из глубины дома.

Девушка попыталась закрыть дверь. Но миссис Норидж с неожиданной ловкостью вставила в щель ботинок.

– Уйдите! – прошипела девушка. – Что вы себе позволяете?

– Я только хотела бы повидать...

– Это за мной? – испуганно спросили за дверью. – Открой! Я должен видеть!

Девушка нехотя отступила. Дверь приоткрылась, и небритый мужчина совершенно безумного вида уставился на гувернантку воспаленными глазами.

– Это вы поведете меня на гильотину? – прошептал он, дергая углом рта.

Несколько секунд миссис Норидж не сводила с него глаз.

– Простите, я ошиблась, – наконец произнесла она.

«Я ошиблась!» Эти слова она повторяла на следующий день, возвращаясь в дом Эштонов. Эмма Норидж крайне редко ошибалась. Но теперь у нее не оставалось сомнений, что и третья жертва призрака действительно сошла с ума.

Лавочник с женой говорили правду.

Констебль говорил правду.

Кэтрин в письме написала правду.

Что же здесь происходит?

Несколько дней подряд под видом прогулок она осматривала поместье. Генри Эштон сказал, что дом старый. Миссис Норидж, любящая точность, применила бы другое слово.

Дом был дряхлый.

Во время своих обходов Эмма обнаружила несколько запертых комнат, дверные ручки которых были покрыты пылью. Зимний сад давно пришел в запустение. Со стен коридоров осыпалась штукатурка, ковры были проедены молью, от некогда роскошных штор несло затхлостью.

Если какой-то дух и царил в поместье, это был дух уныния и заброшенности.

Миссис Норидж обошла пристройки и сараи, исследовала винный подвал, где подверглась нештучной опасности – с прогнившей подпорки

на нее упала и покатилась тяжелая бочка. Выбравшись из подвала, миссис Норидж скептически подумала, что встреча с призраком – далеко не худшее, что может здесь с ней случиться. Быть раздавленной бочкой с прокисшим вином куда неприятнее.

Лишь одно место оставалось неизученным.

Чердак.

...К удивлению Эммы, чердачная лестница не скрипела. Гувернантка присела на корточки и провела пальцем по ступеньке.

Палец остался чистым. В этом доме, заросшем паутиной и плесенью, на ступеньках лестницы, ведущей на чердак, не было пыли.

Миссис Норидж с интересом посмотрела вверх. Она давно заметила, что замка на двери нет. Но накануне она проходила по этому крылу, и дверь была плотно прикрыта. Сейчас же из узкой щели на лестницу падал слабый рассеянный свет.

Подобрав юбки, миссис Норидж стала осторожно подниматься. Вверху раздалось шуршание и что-то упало.

Миссис Норидж остановилась, а затем двинулась дальше.

Она знала, что в эту самую минуту мистер Эштон вместе со своим секретарем Кельвином работают в кабинете. Кто же хозяйничает на чердаке?

Добравшись до самого верха, Эмма приоткрыла дверь. Глазам ее предстала необычная картина.

На скамейке возле круглого окна балансировала женщина. Она стояла спиной к гувернантке, и Эмма не видела, что та делает. Но судя по скрежету задвижки, женщина пыталась открыть раму.

Миссис Норидж бесшумно отступила назад. Постояла немного – и так же неслышно спустилась вниз. Она поняла, кого увидела на чердаке.

Этот же человек встретился ей всего двумя часами позже. Худая, болезненного вида женщина лет тридцати пяти – тридцати восьми вышла из библиотеки и замерла, увидев незнакомку.

– Ах, вы новая гувернантка Лилиан, – тихо сказала она, когда миссис Норидж представилась. – Мне нездоровилось последние дни. Я почти не выходила из комнаты.

Она умолкла и наклонила голову, словно прислушиваясь к чему-то.

Несомненно, Шарлотта Пирс, кузина мистера Эштона, в юности была прелестна. Ее тонкое лицо и сейчас хранило следы прежней красоты. Но в этой

красоте было что-то тревожное. В глубине больших голубых глаз,

устремленных на гувернантку, таился страх.

– Слышите? Вы слышите?

Миссис Норидж наклонила голову.

– Это ветер, миссис Пирс. Здесь повсюду сквозняки.

– Вы думаете? – Шарлотта негромко рассмеялась. Так смеется человек, знающий то, что неизвестно другому.

– Уверена в этом, мэм.

– Что ж, пусть будет так. Надеюсь, вам не представится случая убедиться в обратном.

По губам ее скользнула улыбка, которую человек, более впечатлительный, чем миссис Норидж, назвал бы зловещей.

Но гувернантка, глядя в спину уходящей Шарлотте Пирс, не думала о ее улыбке. Она думала о том, что из чердачного окошка открывается вид на кладбище. А это значит, что оно расположено точно над окном ее собственной комнаты.

Комнаты, где сошла с ума предыдущая гувернантка.

Миссис Норидж спустилась на первый этаж и остановилась у кабинета Генри Эштона, собираясь постучать.

– Его нет, – вкрадчиво сказали сзади.

Миссис Норидж обернулась. Разумеется, Кельвин Кози! В любую секунду его можно обнаружить у себя за спиной – он перемещается бесшумно, как кот. Хотя его лицо с острым подбородком больше напоминает крысину мордочку.

Секретарь ухмылялся.

Миссис Норидж не доверяла мужчинам с прилизанными висками. А Кельвин Кози в дополнение к набриолиненной прическе обладал бегающими черными глазками и отвратительной манерой морщить нос. Поэтому его кредит доверия у Эммы Норидж был в глубоком минусе.

– Благодарю вас, – сухо сказала гувернантка. – Я найду позже.

– Я сообщу вам, где он, если вы скажете, зачем он вам понадобился.

Не удостоив наглеца даже взглядом, миссис Норидж развернулась и пошла прочь.

– Строите из себя важную персону? – насмешливо бросил ей вслед секретарь. – Поглядим, каково вам придется, когда приедет крошка Лилиан.

Миссис Норидж обернулась.

– Что, передумали? – ухмыльнулся Кельвин. – Так что вам понадобилось от сэра Генри?

Ни слова не говоря, гувернантка подошла к двери кабинета и

постучала.

– Входите! – донеслось изнутри.

Секретарь разочарованно прищелкнул языком и растворился в недрах дома.

Генри Эштон кинул на вошедшую миссис Норидж тот особенный быстрый взгляд, которым смотрит человек, опасющийся плохих вестей. По лицу визитера он пытается прочесть, будет ли нанесен удар сейчас, или же судьба милостиво предоставляет ему отсрочку.

– Мистер Эштон, завтра возвращается ваша дочь. Не будет ли каких-нибудь дополнительных указаний?

Генри Эштон позволил себе расслабленно откинуться на спинку кресла. Напряжение исчезло с его лица.

– Указаний? Нет, никаких. До завтрашнего утра вы свободны. Ах, да! – вспомнил он. – Шарлотта, моя кузина, чувствует себя лучше. Сегодня вечером я смогу представить вас ей.

– Мы уже познакомились, сэр.

Снова этот быстрый тревожный взгляд. Миссис Норидж встретила его спокойно.

– Моя кузина... – медленно проговорил мистер Эштон. – Она иногда кажется чужаковой.

– Вот как, сэр?

– Вы не заметили?

– Мы беседовали совсем недолго, – уклончиво ответила миссис Норидж.

– Если вам доведется разговаривать с ней дольше... – Сэр Генри казался смущенным. – Вряд ли, но вдруг такое случится... В общем, постарайтесь не удивляться. У Шарлотты нелегкая судьба...

– Вот как?

В свое «вот как» миссис Норидж вложила ничтожно малую толику заинтересованности. Она давно усвоила: чем меньше любопытства проявляешь к чужим делам, тем охотнее люди выкладывают все подробности. Ничто так не побуждает к откровенному разговору, как отсутствие интереса в собеседнике. Люди словно хотят доказать ему, что он ошибается, не считая их дела стоящими внимания.

Генри Эштон не стал исключением.

– Вы знаете, что она сирота?

– Нет, сэр.

– Это так. Ее родители погибли, и мои отец с матерью взяли Шарлотту

к себе. Она выросла с нами в этом доме.

Он поднялся, зачем-то подошел к двери и выглянул в коридор.

– Мы очень дружили с ней, – вернувшись, сказал он. – Я старше на десять лет. Такая разница обычно является непреодолимым препятствием для дружбы детей. Но с нами этого не случилось. Мои родители на все ее проказы смотрели сквозь пальцы, даже когда они были не совсем безобидны.

– Не совсем безобидны? – переспросила миссис Норидж.

Но мистер Эштон не счел нужным развивать эту тему.

– Шарлотта очень поздно вышла замуж, и мы были рады за нее. Мистер Пирс казался человеком достойным во всех отношениях. Его смерть стала полной неожиданностью для всех нас.

– Отчего он скончался? – позволила себе спросить миссис Норидж.

– Какая-то редкая болезнь, я так и не запомнил ее названия. Она свела его в могилу буквально в три дня. Невероятно – такой здоровый, полный жизни человек! Шарлотта, конечно, очень страдала. На похоронах ее невозможно было узнать.

Он поднял глаза на гувернантку.

– Я рассказываю вам это все, чтобы вы уяснили: я очень тепло отношусь к Шарлотте. И ни от кого не потерплю насмешек!

– Насмешек, сэр?

Миссис Норидж казалась искренне удивленной такой возможностью, и Генри Эштон смягчился:

– Это неважно. Полгода назад мы с женой взяли Шарлотту к себе, в этот дом, где она выросла. Я надеялся... Я надеюсь, – исправился он, – что здесь ей станет лучше. Она... одно время она казалась совсем больной...

Теперь Генри Эштон тщательно подбирал слова.

– Возможно, вмешательство хорошего врача... – так же осторожно начала миссис Норидж.

– Она проходила обследование! – резко сказал пожилой джентльмен. – И она не сумасшедшая! Я лично привез сюда двух докторов. Они разговаривали с ней не меньше трех часов и заверили меня, что нет и тени помешательства!

Он даже покраснел от негодования.

И тут миссис Норидж погрешила против истины.

– Миссис Пирс показалась мне вполне рассудительной леди, – мягко сказала она.

Генри Эштон несколько мгновений не сводил с нее пристального взгляда, словно желая рассмотреть тень насмешки в ее лице.

Но невозмутимый вид гувернантки, казалось, успокоил его.

Вернувшись в свою комнатку, больше похожую на склеп, миссис Норидж достала маленький нож и принялась чистить яблоко.

Люди для нее делились на две категории: на тех, кто режет яблоки на дольки, и на тех, кто поедает их целиком. Сама миссис Норидж принадлежала к первой категории. Вторых она в глубине души считала людьми легкомысленными и не слишком воспитанными.

В минуты сильной задумчивости рука ее сама тянулась к фруктовому ножу. Снимая яблочную шкурку тонкими стружками, миссис Норидж ощущала, как мысли приходят в порядок.

А сейчас ей было над чем подумать. Упомянув о враче для Шарлотты Пирс, она имела в виду самого обычного семейного доктора. На эту мысль ее навела болезненная внешность сестры сэра Генри.

Однако мистер Эштон решил, что речь идет о психиатре.

«Два доктора обследовали ее», – сказал он. Очевидно, боль утраты, постигшей Шарлотту Пирс, была так сильна, что она вела себя как помешанная.

Мистер Эштон просил не насмехаться над ней, а жена лавочника предупредила, что три человека в этом доме сошли с ума.

Эмма Норидж вспомнила утреннюю встречу с Шарлоттой и точным ударом ножа разрубила яблоко пополам.

На следующее утро Агнесса Эштон и ее дочь вернулись из поездки. Дом встряхнулся, словно старик, выползший на солнце весной. Даже новая кухарка, пугливая толстуха, роняющая ножи и ложки при каждом громком звуке, приободрилась и повеселела.

– Дэйзи, вы сегодня чудесно выглядите, – сказала миссис Норидж.

– Благодарю вас, мэм. Когда в доме ребенок, у всех прибавляется радости. Слово невинное создание может защитить нас.

Лилиан Эштон и впрямь выглядела невинным созданием. Хрупкая белокурая девочка нежно обняла отца и присела перед гувернанткой в вежливом книксене.

– Рада познакомиться, Лилиан, – сказала Эмма. – Надеюсь, мы с тобой подружимся.

Девочка подняла на нее голубые глаза. Мистер и миссис Эштон стояли за спиной дочери и не могли видеть мелькнувшей в них враждебности, когда она без выражения ответила:

– Непременно подружимся, миссис Норидж.

Прошелестели легкие шаги, и худая фигура в черном платье показалась в дверях.

– Тетушка!

Лириан радостно бросилась к Шарлотте.

– Тетушка, я так соскучилась! Я привезла тебе подарок.

Миссис Пирс в ответ нежно улыбнулась:

– Я тоже кое-что приготовила, мой ангел. Только и ждала твоего приезда, чтобы скорее показать тебе.

Девочка вопросительно обернулась на мать.

– Ступай, дорогая, – кивнула Агнесса.

Схватив Шарлотту под руку, Лириан потащила ее за собой. Ее веселый голосок вскоре стих в коридоре.

Миссис Эштон сняла шляпку и потрянула головой:

– Она всю дорогу только и говорила о Шарлотте.

– Прекрасно, что они такие друзья, – с энтузиазмом отозвался Генри Эштон.

Они с женой посмотрели друг на друга и одновременно отвели взгляды.

Миссис Эштон оказалась невысокой черноволосой женщиной с острым носиком и поджатыми губами. Она равнодушно осведомилась у миссис Норидж, как та освоилась, и так же безразлично выслушала ответ.

Когда сэр Генри вышел, она сказала:

– Прошу вас, не препятствуйте общению Лириан и Шарлотты. Возможно, вам покажется, что они проводят вместе слишком много времени. Но им обоим это только на пользу.

– Конечно, мэм, – согласилась миссис Норидж. И повинувшись внезапному чувству, добавила: – Мистер Эштон рассказал мне, что его родители были очень привязаны к миссис Пирс.

Агнесса усмехнулась.

– Только не его мать. После той истории с собачкой...

– С собачкой, мэм?

– Как, Генри не сказал? Когда Шарлотте было пятнадцать, ее за что-то наказали. Ее редко наказывали, она была довольно избалованной девушкой. А на следующий день исчезла любимая собачка матери Генри. Поначалу все думали, что она просто убежала, но вскоре садовник нашел ее в заброшенном колодце. Бедняжка разбилась насмерть. Очевидно, она перескочила через край колодца и свалилась вниз. Эти болонки бывают ужасно глупыми... После этого случая мать Генри почему-то резко охладела к Шарлотте. Должно быть, в глубине души она считала, что

девушка должна была лучше следить за собачкой.

– Должно быть, так, мэм, – согласилась миссис Норидж.

– Не слишком справедливо по отношению к бедной Шарлотте, – Агнесса покачала головой. – Старая миссис Эштон до самой смерти избегала ее.

Дэйзи Фишер резала спаржу, когда мимо кухонного окна что-то промелькнуло. Дэйзи вздрогнула, нож соскочил, и кровь потекла на светлые стебельки спаржи.

Когда кухарка бросила нож в раковину, руки ее дрожали.

День был солнечный – первый солнечный день за три недели, что прошли с возвращения домой мисс Лилиан, – и только поэтому она рискнула подойти к окну и посмотреть, что же ее испугало.

Ворона! Всего лишь ворона. Наглая птица сидела на живой изгороди, обрамлявшей лужайку, где играли в мяч Лилиан и миссис Норидж.

«Так недолго и с ума сойти, если шарахаться от каждой вороны», – подумала Дэйзи.

И в ужасе зажала себе рот окровавленной рукой.

Даже думать такое нельзя, не то что произносить!

Она забинтовала кровоточащий палец, ополоснула нож и принялась судорожно кромсать морковь.

Лишь полное безденежье вынудило ее полтора месяца назад предложить свои услуги в Эштонвилле. Платили здесь немного, но Дэйзи и тому была рада. Кухарка-то из нее так себе. Если подумать, даже странно, что мистер Эштон выбрал ее.

Но только лучше б ей тогда отказали. Не пришлось бы ей сейчас шарахаться от пролетающей вороны, не пришлось бы дрожать по ночам, слушая завывания под крышей и уговаривая себя, что это ветер воет тоскливым человеческим голосом.

Кто-то ходит ночью по дому, тяжело дышит под дверью. Кто-то плачет на чердаке, точно ребенок, а поднимешься, позовешь: «Мисс Лилиан!» – там никого и нет. А один раз, когда Дэйзи только легла спать, дверная ручка вдруг щелкнула и начала медленно поворачиваться. Но кто бы ни был с той стороны двери, он не вошел. Дэйзи так и просидела до утра, не в силах пошевелиться, не отрывая взгляда от металлического блика на ручке.

И ведь никому не пожалуешься! Служанки разбежались. Мистер Эштон все дни проводит в своем кабинете – говорят, пишет серьезную историческую книгу. Его жена смотрит на Дэйзи как на пустое место. А секретарь Кельвин то и дело в разъездах, собирает материал для сэра

Генри.

Еще остается миссис Норидж, но она сухарь сухарем. Удивительно, отчего маленькая Лилиан держится возле нее как приклеенная.

Про Шарлотту Пирс и говорить нечего. У Дэйзи каждый раз мурашки по коже, как завидит вдову. Одно хорошо было в их мрачном поместье – розы, растущие вдоль дорожки. Так миссис Пирс истребила их все! Обезглавила каждый цветок садовыми ножницами, ни одного не пропустила. Теперь торчат из земли сиротливо голые прутья.

Кухарка еще раз выглянула в окно и вздрогнула: возле изгороди, где минуту назад сидела ворона, теперь стояла Шарлотта Пирс.

– Лили, вы невнимательны сегодня, – заметила миссис Норидж.

Они с девочкой сидели над картой мира (Эмма Норидж считала необходимым давать детям представление о других странах). Но Лилиан, обычно увлеченно занимавшаяся географией, была сонной и вялой.

– И в мяч вы играли небрежно. Что-то случилось?

– Я плохо спала этой ночью.

Миссис Норидж внимательно взглянула на девочку.

То, что при первой встрече она приняла за враждебность, на поверку оказалось страхом. Дочь сэра Генри отчего-то боялась ее.

Лилиан вжималась в стену при виде гувернантки. Лилиан готова была сорваться и убежать во время занятий, стоило миссис Норидж сделать резкий жест. Она напоминала щенка, которого часто били.

Это было тем более необъяснимо, что никто никогда и пальцем не трогал Лилиан Эштон.

Там, где другая женщина стала бы действовать лаской и добротой, Эмма Норидж осталась верна себе. Она была строга и требовательна, она нагружала воспитанницу сверх меры и неукоснительно требовала выполнения заданий.

Лилиан выглядела слабенькой, и гувернантка заставляла ее играть в мяч и бегать наперегонки. Лилиан могла часами просиживать у окна, и миссис Норидж принесла ей блокнот для эскизов, требуя ежедневного пейзажного наброска.

Дэйзи, считавшая гувернантку бездушным сухарем, была бы удивлена тем, как быстро эти меры принесли плоды. До дружбы было еще далеко, но тонкая ниточка доверия уже протянулась от воспитанницы к наставнице.

Миссис Норидж свернула карту.

– Отчего же вы плохо спали, мисс Эштон?

– Мне мешали звуки из галереи.

– Вы же знаете, это сквозняки.

– Нет, – возразила побледневшая Лилиан, – не сквозняки! Я помню наизусть все голоса ветра. Этот голос другой. Как будто...

– Как будто что? – мягко спросила гувернантка, видя, что девочка замолчала.

Но Лилиан посмотрела на нее со страданием во взгляде и покачала головой.

– Если я скажу, – прошептала она, – вы тоже...

– Также что?

– Также сойдете с ума! – выпалила Лилиан Эштон и убежала.

На следующее утро, еще до завтрака, миссис Норидж вошла на кухню.

В эту минуту Дэйзи Фишер доставала из духовки сковородку с пирогом. Не замечая остановившуюся в дверях гувернантку, она понесла ее к разделочному столу.

Дождавшись, когда кухарка приблизится, миссис Норидж без предисловия спросила:

– От чего может защитить нас невинное создание?

Как она и ожидала, кухарка тотчас разжала руки. К счастью для проголодавшегося семейства Эштонов, сковорода упала на стол, и пирог остался цел.

– Господи, миссис Норидж! Разве так можно пугать людей!

Дэйзи схватила стеклянный кувшинчик с морсом, спрятанный в углу на подоконнике, и нервно отхлебнула из него.

– Даже доброго утра не пожелаете! – плаксиво укорила она, утирая губы.

Эмма Норидж прекрасно знала, что в ответ на пожелание доброго утра кухарка имеет обыкновение перечислять причины, почему именно это утро не задалось, и остановить поток ее жалоб весьма затруднительно.

– Хотела застать вас врасплох, – невозмутимо ответила она.

– У вас получилось! Чуть сердечко мое бедное не выскочило из груди.

Дэйзи еще раз глотнула из кувшина и удовлетворенно крикнула.

– Нет ничего лучше брусничного морса по утрам!

– На вашем месте я бы отдала предпочтение яблокам.

– У меня от них скулы сводит, – отмахнулась Дэйзи. – И изжога мучает. А еще...

Миссис Норидж не собиралась выслушивать подробности утреннего пищеварения кухарки.

– Кого вы боитесь, Дэйзи? – перебила она.

Женщина испуганно попятилась и наткнулась на плиту.

– Не пойму я, о чем вы толкуете, миссис Норидж.

Гувернантка молча придвинула стул, села и выжидательно взглянула на кухарку.

Дэйзи Фишер тяжело вздохнула. Нет, от этого репейника так просто не отвяжешься: уж прицепится, так прицепится.

Она подошла, села напротив, теребя фартук.

– Вы правда не знаете?

– Не имею ни малейшего понятия.

Дэйзи сделала последний глоток и плотно прикрыла ладонью горлышко кувшина. Это придало ей храбрости.

– Скрывают они эту историю, – хриповато сказала она, наклонившись к гувернантке. – Мне-то помощник проговорился.

– Кельвин Кози?

– Он самый. Востроносый хлыщ. Самодовольный, точно лорд, но как начнет пить – слабак слабаком.

Кухарка осуждающе поджала губы.

– Пришел он как-то на кухню, хлебнул моей яблочной настойки... Его и развезло.

– Когда это случилось, Дэйзи?

Кухарка почесала нос.

– Да едва я только устроилась сюда. Он вроде как клинья ко мне подбивал. Говорю же, хлыщ!

Миссис Норидж кивнула.

– В общем, слово за слово, зашел у нас с ним разговор об этом доме. Жутковато, говорю, тут у вас по вечерам. Ну и хихикнула – вроде как я это не всерьез. А он вылупил свои тараканьи буркала и говорит недоверчиво: что, только по вечерам? И замолчал. Я почувяла неладное и давай его теревить. Он и проболтался. Хе-хе! Говорю же, форсу много, а как дойдет до дела...

– Дэйзи, не отвлекайтесь, – попросила миссис Норидж.

Кухарка взяла кружку и налила морса до краев. Но на этот раз не отпила.

– Рассказал мне жуткую историю, – сказала она, посерьезнев. – Сто лет назад здесь жил со своим семейством Тимоти Эштон. Один сын у него был и четыре дочери. Рассказывают, старый Эштон не слишком-то любил своих девчонок. Все хотел, чтобы жена родила ему еще одного сына, а она возьми да скончайся шестыми родами, вот ведь невезенье какое. Старший сын женился на тихой девушке из небогатого семейства и привез ее сюда.

Старик был скрягой и держал своих дочерей в ежовых рукавицах. Одну из них как-то обидел – он и на язык был несдержан, – а она в отместку возьми да заяви, что дурной характер быстро сведет папашу в могилу. Тимоти Эштон был мужчина крепкий, здоровый, но после этих слов начал чахнуть, как стебелек на холоде. Он выгнал собственную дочь из дома, а когда трое других вступились за нее, он и их выставил за ворота. Да, железный был старикан, таких сейчас не найдешь...

В голосе Дэйзи прозвучало плохо скрытое восхищение.

– Тимоти Эштон был обычный семейный тиран, – сухо сказала миссис Норидж. – Что случилось дальше?

– В ту ночь, когда старик выгнал дочек, разразилась буря. У нас и так-то здесь места неприветливые, а уж если град зарядит, то и вовсе беда. Кажется, будто сам дьявол хочет сжить тебя со свету. Бедные девушки стучались, умоляя впустить их. Но Тимоти Эштон в это самое время лежал на смертном ложе и не мог поднять головы. Сын его был в отъезде, слуги разбежались, и возле постели старика оставалась только кроткая невестка. Но если вы подумали, миссис Норидж, что старикан был настолько жесток, что хотел смерти родным дочерям, то ошиблись.

Дэйзи Фишер внезапно склонила голову и проскрипела, очень точно подражая старческому голосу:

– Кто это там стучится, Мюриэл?

И тут же, придав лицу невинное выражение, ответила нежным голоском:

– Это ставни стучат, отец.

Миссис Норидж вскинула брови – до того похоже Дэйзи изобразила старика и молодую женщину. Эти двое точно живые встали у нее перед глазами.

– А кто там кричит у порога? – старческим голосом продолжала кухарка. И ответила сама себе тоненько: – Это собаки лают, отец. – А кто там плачет так жалобно, Мюриэл? – Это ветер воет, отец!

Дэйзи приподнялась, вся во власти разыгрываемой ею трагичной сцены.

– А что у тебя в руках, Мюриэл? – Это питье для вас, отец.

Жестом, полным драматизма, она протянула кружку с морсом миссис Норидж.

– Старый Эштон собирался осушить чашку с лекарством, как вдруг громыхнул гром. Чашка выпала из пальцев. Питье разлилось по полу, и подбежавший пес мигом слизал его. И тогда старик в ужасе увидел, что у собаки закатываются глаза. В лекарстве был яд!

Дэйзи Фишер с такой силой стукнула кружкой по столу, что часть содержимого выплеснулась и растеклась маслянистыми лужицами.

– Тогда-то до Тимоти Эштона дошло, кто виновник его недуга! Хотел он что-то сказать, но уж было поздно – силы оставили его. А эта дрянь, Мюриэл, рассмеялась ему в лицо. «Старый дурень! Ты думал, твои дочери виноваты? А это я изводила тебя! Я заставила тебя выгнать их, я свела тебя в могилу раньше срока. Зато все твои деньги достанутся моему мужу. А скоро и ему придет конец, уж я-то постараюсь».

Дэйзи перевела дух.

– Но про мужа-то она зря сказала. Старый Эштон готов был встретить смерть. Но не мог позволить, чтобы погиб его единственный сын. Он поднялся и выкрикнул из последних сил: «Дьявол! Слышишь ли, дьявол?! Забери мою душу в ад, но только дай мне вершить в Эштонвилле суд над каждым, кто совершит убийство! Клянусь, что за это буду вечно служить тебе!» Ударил молния, пламя в камине вспыхнуло ярче, и из него вдруг выскочил маленький огонек. Он пробежал по полу, взобрался на кровать и впился в руку мистера Эштона. Когда старик разжал ладонь, на ней остался выжженный знак – копыто дьявола.

Кухарка облизнула пересохшие губы.

– Вот так сам сатана поставил на Тимоти Эштона свое клеймо. Это был знак, что просьба его будет исполнена. Старый Тимоти взглянул на свою изувеченную ладонь и расхохотался. «Что, Мюриэл! – громогласно выкрикнул он. – Попробуй, убей моего сына. Встретишься со мной! Ха-ха-ха!» Так он сказал и упал замертво.

Дэйзи кивнула несколько раз в знак того, что это истинная правда. И наконец-то позволила себе отпить из кружки. Лоб ее блестел от пота, щеки покраснели. Лицо выражало странную смесь удовлетворения и страха.

– Когда вернулся сын, все было кончено. Мюриэл сбежала, и никто ее больше не видел. Но дьявол не отступился от старого Эштона. Его призрак остался в поместье. Куда ему деться, если он связан клятвой преследовать убийц под крышей своего дома! Несколько лет спустя в сарай забрался беглый каторжник. Хотел лишь переночевать, бедолага. А вместо этого зачем-то полез на чердак и спрыгнул оттуда. Вот какое дело!

– И вы полагаете, в этом виноват призрак?

– Точно так, миссис Норидж. Обычно покойный сэр Тимоти ведет себя тихо. Но лишь до тех пор, пока здесь не появится убийца. Не может он вытерпеть в своем поместье того, на чьих руках кровь. Говорят, смягчить его ярость может лишь дитя. Но только, скажу по правде, миссис Норидж, не больно-то это заметно.

Гувернантка поблагодарила свою собеседницу коротким кивком и поднялась.

Кухарка облегченно выдохнула и поднесла кружку ко рту, но на плечо ей легла тяжелая рука.

– Я думаю, Дэйзи, это питье давно прокисло, – сказала миссис Норидж.

Несчастливая кухарка, потеряв дар речи, следила за тем, как гувернантка выливает содержимое кружки, а затем и кувшина. Ее драгоценного кувшинчика! Ни один человек за полтора месяца не догадался, что в нем вовсе не морс!

– Готова поспорить, что пьяниц Тимоти Эштон тоже недолюбливал, – сказала миссис Норидж. – Так что спрячьте свою настойку подальше. И не пейте больше, Дэйзи.

Когда гувернантка удалилась, кухарка, кряхтя, полезла на самую верхнюю полку шкафа. Оттуда она достала точно такой же кувшинчик. Откупорила, отхлебнула – и улыбка блаженства расплзлась по ее покрасневшему лицу.

«Не пейте больше!» Ну миссис Норидж, скажет тоже...

Как не пить, когда призрак Томаса Эштона вот-вот окажется у тебя за спиной?

В доме убийца, каждому ясно. Старый Томас не успокоится, пока не сведет с ним счеты.

Часом позже гувернантка вошла под своды старой церкви, такой же темной и сырой, как ее комната. Старенький священник с любопытством выслушал ее просьбу и согласно кивнул:

– Да-да, миссис Норидж, все верно. Я встречал эту легенду, когда рылся в старых архивах. Местные жители до сих пор убеждены, что можно разгневать призрак Томаса Эштона.

– Если под крышей поместья появится убийца?

– Совершенно верно. Для самих Эштонов призрак – что-то вроде мрачноватого предмета родовой гордости. Как шестой палец на ноге или черное ухо... Их обычно принято скрывать. Но в то же время это знак отличия от всех прочих.

Миссис Норидж не смогла сдержать удивления:

– Неужели и вы верите в эту легенду?

– Я не сказал, что верю в призрака. Я лишь сказал, что легенда существует.

– Простите, но эта история – глупая выдумка.

Священник усмехнулся:

– Выдумка? Что ж, может быть... Но хотите, я расскажу вам кое-что, не поддающееся объяснению?

– Конечно.

– Лет шесть назад Эштонов навестил их дальний родственник. Он служил в Индии, а в Британию приехал ненадолго, по делам. Ходили слухи, что в Индии этот человек отличался жестокостью по отношению к местному населению. Якобы там он оказался вовлечен в дурную историю, закончившуюся смертью мальчика-слуги. Историю замяли, как нередко случается. И вот этот самый родственник смог прожить в Эштонвилле лишь два дня и вынужден был буквально спастись оттуда бегством.

– Отчего же?

– Во-первых, двое суток над поместьем бушевала небывалая гроза. Молния спалила старую липу. Видите черное дерево?

Миссис Норидж взглянула на обугленный ствол – на нем снова сидела ворона.

– Его оставили как напоминание о той грозе. Но это еще не все. Когда стих ветер и гость Эштонов смог выйти из дома, сверху на него обрушились камни.

Лицо миссис Норидж выразило явственное сомнение.

Священник заметил это и слегка обиделся:

– Не думаете же вы, что я фантазирую? У меня прекрасная память на детали. Я треть века служу в этой церкви при поместье и помню каждый день из этих тридцати лет.

– Простите, святой отец. Но камни с неба...

– Да нет же, не с неба. Вы, несомненно, видели декоративные башенки на крыше? Их сейчас три, а вот четвертая рухнула как раз тогда, и ее до сих пор не восстановили. Родственник сэра Генри чудом остался жив. Он обязан спасением миссис Эштон, которая издали заметила, что башня кренится, подбежала и оттолкнула его. Но после всех этих событий он незамедлительно покинул поместье и больше не возвращался. Не спрашивайте меня, миссис Норидж, как это объяснить. Я не знаю...

Когда на поместье опустилась ночь, миссис Норидж вышла из своей комнаты и тихо прикрыла дверь.

Дом не спал. Под порывами ветра он раскачивался, будто охваченный горем старик. Сырость разъедала стены, жуки-древоточцы понемногу перемалывали его внутренности, превращая их в труху. Остальное довершало безжалостное время.

Дом разговаривал сам с собой. Коридоры наполняло шуршание, неявный шелест шагов. Тяжелые шторы колыхались, словно за ними кто-то прятался. Где-то монотонно постукивала незакрытая ставня. Скрип – и короткий стук. Несколько минут тишины и вновь – долгий скрип и стук. Словно дом, подобно тонущему кораблю, отправлял в ночное пространство сигнал с мольбой о спасении.

Но только глухой, грозный шум далекого леса был ему ответом.

Дойдя до лестницы, миссис Норидж сняла домашние туфли и оставила их возле нижней ступеньки. Неслышно переступая босыми ногами, она поднялась на второй этаж и притаилась за углом. Дальше начиналась галерея.

Здесь когда-то портреты предков Генри Эштона надменно взирали на суетящихся внизу людей. Но уже много лет все картины были убраны в хранилище. Пара аляповатых китайских ваз в человеческий рост и одинокий железный рыцарь, страж этих подделок, – вот все, что осталось от некогда роскошной галереи.

Стоя за углом, миссис Норидж отчетливо слышала какое-то позвякивание. С таким звуком рыцарь мог пытаться сойти со своего постамента. Эмма не верила в ожившие доспехи, она верила в злую человеческую волю.

И потому бесстрашно шагнула вперед, готовясь поймать с поличным того, кто издавал это бряцание.

Однако миссис Норидж увидела совсем не того человека, которого ожидала.

На стремянке под вентиляционной трубой стоял Кельвин Кози, секретарь мистера Эштона. Он просунул обе руки в трубу и что-то устанавливал там.

Миссис Норидж отступила в тень. Прошло несколько минут, в течение которых до нее доносились шуршание и тихая ругань. Наконец возня стихла. Когда она осторожно выглянула из-за угла, Кельвин Кози уже удалялся, но забытая им стремянка оставалась под трубой.

Гувернантка не раздумывала: она тотчас вышла из своего укрытия, на цыпочках подбежала к лестнице, забралась по ней и просунула руку в трубу.

У нее было не больше минуты, пока секретарь не спохватился.

Одна секунда, вторая, третья... Эмма ощупывала предмет, который он оставил в трубе. В той стороне, где скрылся Кози, раздалось ругательство: секретарь понял, какую промашку он допустил. Шаги его быстро стали приближаться. Но за миг до того, как он вышел из темноты, Эмма Норидж

успела спрыгнуть вниз и присесть на корточки за стоявшей рядом китайской вазой.

Когда секретарь ушел, не заметив ее, она выпрямилась и задумчиво поглядела на трубу. Ее предположение подтвердилось. Предмет, который она нащупала, оказался коробкой с двумя отверстиями в противоположных стенках.

Нехитрая вещица. Эмма и сама мастерила такую в детстве. Если внутри расположить под правильным углом тонкие металлические листы и поймать поток воздуха, коробка начнет издавать жуткий вой.

Тихое потустороннее завывание из трубы было ей ответом. В вентиляции всегда гулял сквозняк. Неудивительно, что этот вой может продолжаться целую ночь.

Что ж, ответ на один вопрос найден.

Миссис Норидж вернулась в свою комнату и легла спать почти удовлетворенная. Многие события так и не получили объяснения, но зато теперь ясно, кто причастен к стонам из галереи.

Она решила, что утром на глазах мистера Эштона извлечет коробку и потребует объяснений от секретаря.

Но вскоре случилось то, что нарушило ее планы.

В четыре часа утра миссис Норидж проснулась и резко села на постели, пронзенная неприятной мыслью.

Она забыла под лестницей свою обувь!

Эмме с детства было не привыкать к холоду, но сейчас, стоило вылезти из-под одеяла, ее охватила настоящая дрожь. Грелка давно остыла. Растирая руки, миссис Норидж почти бегом добралась до лестницы и облегченно сунула ноги в мягкие туфли.

Она уже собиралась бежать обратно, как вдруг из галереи до нее донесся какой-то звук.

Миссис Норидж насторожилась. Кельвин Кози не мог до сих пор находиться наверху. Он оставил коробку и ушел – зачем ему возвращаться?

Забыв о холоде, миссис Норидж двинулась вверх. Ее охватило предчувствие неприятного сюрприза.

И оно оправдало себя. Выглянув из-за угла, гувернантка обнаружила, что Кельвина Кози на его посту сменила Шарлотта Пирс. Она стояла на табуретке, вытянувшись, под вентиляционным отверстием, одной рукой нащупывая коробку, а другой придерживаясь за стену. Белое лицо, вполоборота повернутое к гувернантке, выделялось на фоне темных стен, как камей. Тонкий нос, большие глаза – ошибиться было невозможно.

Миссис Норидж быстро подалась назад и прижалась к стене. Несколько минут она вслушивалась в шуршание. Затем все стихло и наступила тишина. Шарлотта Пирс сделала, что хотела, и исчезла.

Дождавшись, пока галерея опустеет, миссис Норидж осторожно вышла из тени. Прислушиваясь, не возвращается ли секретарь или сама Шарлотта, она подошла к тому месту, где эти двое сменяли друг друга.

Ей пришлось подпрыгнуть несколько раз, прежде чем удалось достать до вентиляционного отверстия. Коробка исчезла. К счастью, предмет, который положила туда кухня Генри Эштона, лежал на самом краю. Он упал под ноги миссис Норидж, и она очень осторожно, чтобы не пораниться, подняла его.

Красная роза – вот что оставила в трубе Шарлотта Пирс.

От прыжков под вентиляцией, совершенно недопустимых для женщины с ее репутацией, была одна несомненная польза: миссис Норидж согрелась. Поэтому она не легла в постель, а зажгла лампу и подвинула к себе перочинный ножик и яблоко – спутники ее размышлений на протяжении последних трех недель.

Первый надрез. Чердачное окно.

Второй надрез. Галерея и роза.

Третий надрез. Болонка, найденная мертвой в колодце.

Миссис Норидж нахмурилась. Если все перечисленное объединить в одну картину, то становится очевидно одно: вскоре дом Эштонов ждут новые неприятные события.

Но она вновь ошиблась.

На следующее утро, стоило гувернантке войти в столовую, она увидела бегущую ей навстречу Лилиан. Волосы девочки растрепались, лицо пылало в радостном предвкушении.

– Миссис Норидж! Миссис Норидж! К нам едет папин друг!

Вслед за дочерью подошел мистер Эштон, сжимая в руке письмо.

– Роджер Хинкли, мой старый товарищ по детским играм собирается приехать! – Сэр Генри не мог скрыть волнения. – Бог знает сколько лет мы с ним не виделись! Ох, что-то будет!

Приезд мистера Хинкли взбудоражил всех обитателей. «Ох, что-то будет!» – словно повторяли про себя все. Но каждый вкладывал в эти слова свой смысл.

Кельвин Кози, казалось, потирал руки в ожидании чего-то плохого, и его длинный нос морщился сильнее обычного. Лилиан бесхитростно

радовалась. Дэйзи на кухне вдохновенно изобретала новые блюда, такие же малосъедобные, как и обычно. Даже Шарлотта Пирс оживилась. На скулах ее появился румянец, когда она сказала, что помнит Роджера – он был очаровательным увальнем.

Лишь один человек не разделял всеобщего возбуждения. Агнесса Эштон поджимала тонкие губы и хмурилась, слыша о скором приезде Хинкли. Миссис Норидж ловила предостерегающие взгляды, которые Агнесса бросала на мужа. Но сэр Генри был так увлечен воспоминаниями о детских проказах, что ничего не замечал.

В один из вечеров миссис Норидж стала невольной свидетельницей горячего спора между супругами. Гувернантка проходила мимо библиотеки и заметила, что дверь приоткрыта. Когда она подошла, до нее донесся обрывок разговора.

– Не разрешай ему приезжать, Генри! – просила миссис Эштон.

– Но мы должны, дорогая!

– Нет, прошу тебя! Ты навлечешь несчастье на всех нас!

– Ну-ну... Не говори глупостей.

– Это вовсе не глупости! – воскликнула Агнесса с отчаянием в голосе. – Призрак существует, мы оба знаем это!

Мистер Эштон ничего не ответил.

Роджер Хинкли приехал раньше ожидаемого. Все вокруг было еще затянуто густой пеленой тумана. Не успел стихнуть топот лошадиных копыт, увозивших кэб, как тишину сонного сада нарушили четкие бодрые шаги.

Дом насторожился. Он приоткрыл ставни, недоверчиво прислушиваясь. Он обратил все свои помутневшие окна на гостя. А тот, ни о чем не подозревая, приближался к дверям.

Пока чета Эштонов встречала его, миссис Норидж наблюдала в стороне. Она опасалась, что с приездом Роджера Хинкли разыграется последний акт этой пьесы. Необходимо было понять, что за актер вступил на сцену.

Роджер оказался вовсе не милым увальнем. Это был седой, крепкий, коротко стриженный джентльмен с гладко выбритым лицом и умными карими глазами. Он обнял сэра Генри и тепло поздоровался с Лилиан и Агнессой.

Девочке мистер Хинкли тут же вручил подарок. Когда Лилиан развернула пакет, в нем обнаружилась прекрасно изданная книга с иллюстрациями лучших пейзажистов Англии. Не было вернее способа

завоевать ее сердце.

– Миссис Норидж! Смотрите, какое чудо!

А Генри уже вел старого друга осматривать поместье.

Мрачные окрестности не произвели на Роджера никакого впечатления – вернувшись, он выглядел по-прежнему совершенно спокойным. Это спокойствие он утратил лишь раз: когда увидел спускавшуюся с лестницы Шарлотту Пирс.

Смущение Роджера Хинкли было вполне понятно. Шарлотта сменила черное платье на жемчужно-серое, и, несмотря на его скромный покррой, казалась прекрасной как никогда. Глаза сияли, кожа порозовела – не то сказочная принцесса, очнувшаяся от столетнего сна, не то сирена, заманивающая путника в свои сети.

– Как будто и не было всех этих лет, милый Роджер, – сказала она, подставляя щеку для поцелуя.

– Для вас, но не для меня, – неловко возразил он. – Шарлотта, вы не изменились.

– А вы стали льстецом. Когда мы виделись в последний раз, мне было всего шестнадцать.

Роджер Хинкли пробормотал что-то невнятное и замолчал.

За ужином он взглядывал на Шарлотту лишь изредка и сразу отводил глаза. А вот миссис Пирс, не скрываясь, рассматривала его. Она казалась удивленной и одновременно обрадованной, словно человек, вернувшийся в места своего детства и обнаруживший, что там все осталось неизменным.

Мистер Хинкли начал пересказывать эпизод из своей военной службы и запнулся, увидев, как пристально она смотрит на него.

– Шарлотта, ты смущаешь Роджера, – заметил Генри Эштон.

– Мне всего лишь нравится слушать его рассказ, – тихо возразила она. – Роджер, вы не возражаете?

– Как я могу быть против?

Он открыто улыбнулся ей.

Супруги Эштон обменялись быстрыми тревожными взглядами.

После ужина Шарлотта без всяких церемоний взяла гостя под локоть и увела на прогулку. Миссис Норидж показалось, что Роджер Хинкли совсем не протестовал. Но Агнесса Эштон осуждающе бросила им вслед:

– Подумать только! Какой напор!

– Шарлотта всего лишь излишне прямолинейна, – попытался оправдать кузину сэр Генри. – Посмотри, она будто ребенок с новой игрушкой.

Миссис Эштон повернулась и проговорила с тихой угрозой:

– Будем надеяться, эту игрушку она не ломает.

И еще один обитатель Эштонвилла не радовался происходящему. Кельвин Кози с появлением мистера Хинкли превратился в тень, шныряющую по углам. Он следил за Роджером и Шарлоттой, и его маленькие крысиные глазки злобно сверкали из темноты.

Миссис Пирс ничего не замечала.

Зато миссис Норидж замечала многое.

И чем больше она видела, тем острее ощущала, как нарастает вокруг напряженность. Сторонний наблюдатель удивился бы, услышав это. Так путник смотрит на проплывающий мимо корабль, с которого доносятся веселые голоса, и думает о том, как устойчиво и крепко это судно. А те, кто на корабле, криками и смехом заглушают рокот гигантского водопада, к которому неумолимо несет их течение.

Корзина с яблоками в комнате Эммы почти опустела, а гувернантка до сих пор была далека от разгадки.

Очищая последнее яблоко, миссис Норидж обдумывала, что ей известно.

Итак, бедная сирота Шарлотта вышла замуж в таком возрасте, в котором к женщине уже прочно приклеен ярлык старой девы. Однако муж ее вскоре скончался, и овдовевшая миссис Пирс вернулась обратно в родовое гнездо. Генри Эштон принял ее с теплотой, невзирая на некоторые странности кузины.

Что случилось вскоре после этого? Три человека сошли с ума. Одного из них миссис Норидж видела собственными глазами.

Легенда гласит, что в поместье вот уже сотню лет обитает призрак, просыпающийся лишь тогда, когда под крышей Эштонвилла оказывается убийца. Мистер Эштон не верит в эту историю, зато верит его жена. «Ты навлечешь несчастье на всех нас!» – крикнула она мужу, и голос ее был полон неподдельного страха. Возможно, она знала о Роджере Хинкли то, чего не знали другие.

Однако Генри Эштон не послушался.

Чего же он не должен был делать? Приглашать Роджера Хинкли? Позволять своей кухне очаровывать его?

И что стоит за выходкой Кельвина Кози?

«Я по-прежнему убеждена, что нечто ужасное поселилось в Эштонвилле, и всем, кто там живет, угрожает опасность», – написала взволнованная Кэтрин. Еще три недели назад Эмма Норидж была уверена, что все дело в излишней впечатлительности ее подруги. Но теперь она

хорошо понимала ее чувства.

Какое-то звено из цепи событий ускользало от нее. Картина происходящего не складывалась, разбиваясь на отдельные кусочки.

Мать мистера Эштона не разговаривала с племянницей до самой смерти. Шарлотта Пирс зачем-то забиралась на чердак, а еще она оставила красную розу в вентиляционной трубе. Роза для Кельвина Кози... Возможно ли, чтобы красавицу Шарлотту и секретаря что-то связывало?

Миссис Норидж попыталась вспомнить, видела ли она, чтобы эти двое разговаривали друг с другом? Кажется, они обменивались лишь скупыми приветствиями. Секретарь неприятен и склизок, как капустная улитка. Прежде Эмма думала, что он вызывает у Шарлотты лишь антипатию.

Выходит, она ошибалась.

«Я только и делаю, что ошибаюсь», – рассерженно подумала миссис Норидж. Одни лишь вопросы, вопросы без ответов!

И самый главный, не дающий ей покоя: отчего потеряли рассудок прежняя гувернантка, кухарка и дворецкий?

Со дня приезда Роджера прошло уже две недели, а призрак Тимоти Эштона не давал о себе знать. Завывания в галерее прекратились, и Лилиан снова стала крепко спать по ночам. Шарлотта выглядела помолодевшей на десять лет, Роджер Хинкли – влюбленным.

Если и был человек, начавший сходить с ума, то это миссис Эштон.

Что-то странное происходило с женой сэра Генри. Агнесса похудела, в ее глазах поселился страх. Миссис Норидж заметила, что она старается не оставлять мужа одного. Боялась ли миссис Эштон, что месть призрака обрушится на него? Или ей было страшно за себя?

Генри, казалось, не замечал грызущей ее тревоги. Он по-прежнему много работал, закрывшись в кабинете со своим секретарем, а Агнесса часами бродила вокруг.

Ее болезненное возбуждение заметила даже кухарка.

– Миссис Норидж, с нашей леди творится неладное. Вчера пришла сюда и давай меня выспрашивать, не храню ли я у себя каких лекарств.

– А вы храните, Дэйзи?

– Да господь с вами! У меня одно лекарство от всех болезней. – Кухарка подмигнула. – Да только хозяйке-то я это, понятное дело, не сказала. Ничего, говорю, у нас такого не водится.

– Она сказала, какие лекарства ей нужны? – спросила Эмма, нахмурившись.

– Вроде как от бессонницы ей нужны были капли. Хочу, говорит, так

спать, чтобы от самого сильного шума не просыпаться. И смотрит на меня. А глаза у нее при этом дикие и будто бы неподвижные. Вот такие!

Дэйзи вытаращила глаза и застыла, плотно сжав губы.

– Я ей говорю, что, мол, к доктору надо за такими каплями. А она смотрит и молчит. Как будто и не слышала. Я, значит, повторяю, а она возьми да крикни: «При чем здесь доктор?!» Схватила за виски, будто у нее голова разламывается пополам, и ушла. Не нравится мне все это, миссис Норидж, ой как не нравится...

– Не говорите об этом никому, Дэйзи, – предупредила миссис Норидж. Уже выходя, обернулась и добавила: – И запирайте дверь на ночь.

С этого дня гувернантка взяла за правило обходить дом в полночь. Она передвигалась очень осторожно, опасаясь наткнуться на Кельвина Кози или Шарлотту. Но они больше не приходили в галерею. Вентиляционная труба оставалась пустой.

Две ночи прошли спокойно. А на третью случилось неожиданное.

Едва миссис Норидж вышла за порог комнаты, у нее возникло странное чувство. Она прислушалась и поняла: к привычным запахам добавился новый. Вокруг пахло старым деревом, отсыревшими стенами, пыльными шторами, коврами, которые давно не выбивали... Но это все было ей знакомо.

Слабый запах дыма – вот что было новым. Где-то горела свеча.

Ночь выдалась безлунная. Тот, кто шел по дому, ничего не мог разглядеть, и потому зажег свечу.

Миссис Норидж могла бы проделать знакомый путь с закрытыми глазами. Ведя рукой по стене, она неслышно двинулась к лестнице.

Слабый отблеск был виден издали. Кто-то стоял на втором этаже, прикрывая лепесток пламени рукой, чтобы не погас от сквозняка. Миссис Норидж показалось, что это мужчина. Но не успела она присмотреться, как свет проплыл вперед – и исчез.

Тот, кто шел со свечой, свернул в коридор.

Эмма торопливо двинулась за ним. Она почти бегом поднялась по лестнице и устремилась в левое крыло.

Тусклый свет замаячил впереди. Определенно, человек шел к комнате Шарлотты Пирс.

На миг у миссис Норидж зародилось подозрение, что это Роджер Хинкли. Но она почти сразу вспомнила, что для Хинкли отвели комнату неподалеку. Ему не было необходимости идти к лестнице, чтобы попасть к Шарлотте.

Нет, это не Хинкли. Оставались Кельвин Кози и сам мистер Эштон. Вспомнив розу, миссис Норидж поморщилась. Выходит, это все-таки знак влюбленных?

И вдруг свеча погасла и раздался негромкий удивленный возглас.

– Ты?! Что ты здесь делаешь?

Эмма с неожиданным проворством отпрыгнула за выступ стены. Генри Эштон!

Ему что-то неразборчиво ответил тихий женский голос. Когда миссис Норидж узнала его, на лице ее отразилось изумление.

Это была вовсе не Шарлотта. Это была Агнесса Эштон!

Выходит, сэр Генри встретил собственную жену.

– Агнес, это немыслимо, – шепотом воскликнул Генри. – Ты с ума сошла!

– Это ты сумасшедший! Зачем ты пришел сюда, признайся!

– Я пришел за тобой. Обыскал весь дом, прежде чем догадался, где тебя можно найти.

– Ты лжешь!

– Я говорю тебе чистую правду.

Пауза – и вдруг короткий изумленный вскрик сэра Генри:

– О господи! Что это у тебя?!

Миссис Норидж вздрогнула. Что его так испугало?

– Нож? – с недоверчивым ужасом проговорил мистер Эштон. – У тебя нож?! Агнесса!

В этот миг гувернантка с трудом удержалась, чтобы не выйти из укрытия.

– Я... Я бы ничего не сделала, – запинаясь, пробормотала его жена.

– Как ты могла?!

– Клянусь, Генри!

– Ты понимаешь, что это было бы убийство?

Миссис Эштон заплакала.

– Чш-ш-ш! Ты разбудишь Шарлотту.

– Я бы не стала... – сквозь слезы проговорила она. – Нет, только не убийство!

– Отдай. Отдай мне его. Ты порежешься.

Теперь Генри разговаривал с женой как с ребенком. Послышалось звяканье: Агнесса выпустила оружие из рук.

– Хорошо. Я подниму его, и мы уйдем отсюда.

Горестные всхлипы были ему ответом.

– Прости меня, Генри!

- Ну что ты, дорогая!
- Ох, Генри, я так боюсь...
- Все будет хорошо. Поверь мне, все будет хорошо. Пойдем. Подожди, свеча!
- Где она?
- Сейчас найду. – Недолгое шуршание. – Агнесса, послушай...
- Да?
- Запомни: Шарлотта не должна ничего узнать.

Послышались шаги. Миссис Норидж вжалась в стену. Агнесса и Генри Эштон медленно прошли мимо нее. Генри поддерживал жену под локоть. Агнесса с растрепанными волосами выглядела постаревшей и очень несчастной.

Эмма проводила их взглядом. Но он был прикован не к двум силуэтам, сливавшимся в один, а к ножу в руке сэра Генри. Это был не просто столовый нож, а длинный острый тесак для разделки мяса.

«Завтра Дэйзи обнаружит пропажу», – подумала миссис Норидж.

Не заметив ее, супруги свернули к лестнице, и вскоре огонек свечи растворился в недрах дома.

Только тогда Эмма вышла из тени. Она подкралась к комнате Шарлотты и прижалась ухом к двери.

Тихо. Ни звука.

Первым делом миссис Норидж спустилась на кухню, чтобы проверить свою догадку. Так и есть: одного ножа не хватает. Унесла ли Агнесса его незаметно во время разговора с Дэйзи, или же специально сходила за ним ночью в кухню? Как бы там ни было, нож она взяла и собиралась им воспользоваться.

Но отчего сэр Генри решил скрыть это от Шарлотты? Если Агнесса опасна, не преступно ли оставлять ее потенциальную жертву в неведении?

Миссис Норидж зажгла лампу и наклонилась над ящиком, где кухарка держала яблоки. Ящик оказался пуст. Эмма выпрямилась с коротким возмущенным возгласом.

Что же делать? Сейчас ей как никогда требовалось занять руки, чтобы освободить голову.

Пошарив по корзинам и ящикам, гувернантка отыскала грушу. Выбора не оставалось: она уселась с грушей за стол и сняла с плода первый мягкий слой.

Что случилось этой ночью? Агнесса Эштон пришла к комнате Шарлотты посреди ночи и поджидала под ее дверью с ножом. Генри

отыскал жену, отобрал у нее оружие и увел.

«Я бы ничего не сделала», – сказала Агнесса Эштон.

Неужели хозяин поместья все это время скрывал болезнь жены?

Миссис Норидж вспомнила свое первое впечатление от хозяйки Эштонвилла. Нет, тогда она вовсе не выглядела сумасшедшей. Высокомерной и не слишком умной – пожалуй. Но не более помешанной, чем ее муж.

Быть может, Агнесса влюбилась в Роджера Хинкли и приревновала?

Или возненавидела Шарлотту за то, что Лилиан привязана к ней сильнее, чем к матери?

Миссис Норидж раздраженно отбросила ножик. Не то, все не то! Каждое из этих предположений – полная ерунда. А главное, ни одно из них не объясняет, отчего помешались те трое! Даже если Агнесса Эштон безумна, как шляпник, ей не под силу свести их с ума.

И Кельвин Кози с его коробкой не выходит у нее из головы. Будь на его месте другой человек, Эмма заподозрила бы недобрую шутку. Но секретарь ничего не делает без собственной выгоды. Чего же он добивался, пугая обитателей дома?

Миссис Норидж вдруг подумала, что за выходкой Кельвина вполне может стоять мистер Эштон. Странно, что эта мысль не приходила к ней раньше. Генри Эштон – единственный человек, к которому Кози относится с почтением. Он мог исполнять его просьбу...

Но зачем это нужно сэру Генри?

Каждое предположение громоздит над собой лишь новую гору вопросов.

И самый главный по-прежнему остается неразрешенным. Три человека... Три человека!

Как они сошли с ума?

Эмма даже зажмурилась от напряжения. А потом усмехнулась. Пожалуй, подумала она, ей известно, как это случилось. Первым помешался дворецкий, боявшийся призраков с гильотиной. А кухарка и гувернантка обезумели в бесплодных попытках понять, отчего он свихнулся.

Мрачноватый юмор этой версии пришелся по душе миссис Норидж. Гувернантка иногда шутила – когда была уверена, что никто ее не видит. Она признавала лишь один вид смеха – смех наедине с собой.

А главное, эта гипотеза не оставляла сомнений в том, кто станет четвертым помешавшимся. Им будет она сама. Ее бедные мозги вот-вот скрипнут, щелкнут и придут в полную негодность. Тогда-то и разразится

Эмма Норидж демоническим смехом, представляя появление следующего несчастного, который попытается разобраться в этой загадке.

– Гм-гм, – вслух сказала миссис Норидж, пристукнув кулаком по столу. – Вернемся к нашему делу.

Она отогнула большой палец: призрак Томаса Эштона – раз. Секретарь ничего не выдумал, когда рассказывал о нем кухарке. Легенда есть, и большинство из живущих здесь верят в нее.

Указательный палец: нож в руках Агнессы – два.

Средний палец: коробка Кельвина Кози – три. Велико искушение заподозрить секретаря в помешательстве слуг. Но одного ночного воя недостаточно, чтобы человек обезумел.

Было что-то еще! Что-то еще... Но что?

Эмма отодвинула бесполезную грушу. Пальцы ее погрузились в сочную мякоть, и гувернантка брезгливо отдернула руку. Груша была гнилой.

Миссис Норидж на время забыла о своем расследовании. Она встала, заглянула в корзину и обнаружила, что все груши испортились. Те, что лежали на дне, размякли и превратились в компот. Верхние еще пытались притворяться доброкачественными, но и их уже облепили мелкие назойливые мошки.

Миссис Норидж поморщилась. Ох уж эта Дэйзи! Конечно, кухарка купила сорт «Беренис». Любой хозяйке известно, что груши этого сорта покупают твердыми и дают им дозреть на подоконнике. Хочешь получить к столу мягкую грушу, выбирай на рынке самые жесткие плоды.

Полная корзина раскисших груш! Если бы в этот момент Дэйзи увидела гувернантку, она бы бежала в страхе, ибо миссис Норидж разгневалась не на шутку. Она могла простить холодную овсянку и подгорелый бифштекс. Но только не фрукты! Если купишь два фунта мягких груш, получишь два фунта гнилых груш.

Как можно не знать таких очевидных вещей!

Миссис Норидж выпрямилась и замерла.

Постойте, постойте... Очевидных вещей?

В голове ее молнией сверкнула невероятная догадка.

Миссис Норидж вернулась к столу, подняла грушу и добрых три минуты смотрела, не отрываясь, на желтую прозрачную мякоть. Сладкий сок стекал по запястью, но Эмма не замечала этого.

Все загадочные события крутились перед ее глазами, будто во вращающемся калейдоскопе, и стремительно складывались в цельную картину. И пусть картина была пестрой, но каждая деталь занимала в ней

свое место.

Бог ты мой, как она могла быть такой слепой! Самое простое объяснение, лежавшее на поверхности, все время было у нее перед глазами.

Испорченная груша!

Ночь закутала Эштонвилл в черный кокон. В небе изредка проскальзывала волнистая прядь облака, словно хвост летящего дракона, но и ее тут же поглощала темнота. Вдалеке неумолчно шумел лес. Гул его то стихал, то вновь набирал силу, будто зеленые волны накатывали на берег и отступали обратно.

Лишь один раз непроглядная мгла рассеялась. Дверь дома приоткрылась, выпустив наружу боязливый узкий луч света, и тут же захлопнулась.

Вышедший наружу человек быстро зашагал по дорожке. Он двигался, полагаясь больше на собственную память, чем на зрение, и двигался быстро. Ноги сами обходили все выбоины и щели, внутреннее чутье верно подсказывало направление.

Человеком, покинувшим Эштонвилл в два часа ночи, была Эмма Норидж. Она собиралась получить подтверждение своей версии немедленно, и никакая темнота не смогла бы ее остановить.

Час спустя в окошко маленького домика, притулившегося возле церкви, постучали. Священнику спросонья показалось, что это ветки скребут о стекло. Но когда стук повторился, он вскочил, зажег лампу и бросился к двери.

Из темноты выступила высокая фигура в длинном плаще.

– Миссис Норидж? – ахнул старый священник, подслеповато вглядываясь в гувернантку. – Бог мой! Что случилось? Кто-то умер?

– Нет, но может умереть в скором времени.

– Что вы такое говорите?

Старик отступил, пропуская ее в дом. Миссис Норидж вошла с таким спокойствием, будто в ее ночном визите не было ничего необычного.

– Так что случилось? – волновался священник.

– Простите за позднее вторжение, но мне необходимо было поговорить с вами.

– Я слушаю!

– Вы сказали, что у вас хорошая память на детали.

– Да, это так, – подтвердил ничего не понимающий старик.

– Тогда ответьте мне: вы помните, как погибла собачка старой миссис Эштон?

Священник посмотрел на гувернантку долгим взглядом и сделал осторожный шаг назад.

– Я не сошла с ума! – нетерпеливо сказала Эмма. – Но это очень важно. От вашего ответа зависит жизнь и смерть кого-то из обитателей Эштонвилла.

– Что?!

– Прошу вас, ответьте, – повторила миссис Норидж. – Вы столько лет прожили рядом с Эштонами. Неужели вы забыли? Я понимаю, в вашем возрасте сложно помнить все...

Старик горделиво выпрямился.

– Моя дорогая миссис Норидж! В моем, как вы заметили, возрасте действительно непросто помнить все. Однако если вы спрашиваете меня о собаке старой миссис Эштон, то моя голова отлично сохранила то, что ее касается.

– И отчего же она умерла?

– Она не умирала.

– Как?

– Она не умирала, потому что и не жила, – разъяснил священник. – У миссис Эштон не было никакой собачки.

Эмма Норидж подалась к нему:

– Святой отец, вы уверены?

– Нет, это просто смехотворно! – возмутился старик. – Сначала вы врываетесь ко мне глубокой ночью, затем требуете ответа на глупейший вопрос... А когда я говорю вам, что вопрос лишен смысла, вы ставите мои слова под сомнение. Возмутительно!

– Но собачка... – начала Эмма Норидж.

– Глория Эштон терпеть не могла собак! – отрезал священник. – У нее был полный дом кошек. Уж поверьте, этого я бы не смог забыть. У меня у самого жил терьер, и миссис Эштон каждый раз напоминала мне, чтобы я держал его подальше от нее.

– Терпеть не могла собак... – медленно повторила миссис Норидж.

И вдруг улыбнулась. Это была удовлетворенная улыбка человека, подтвердившего свою правоту.

– Прекрасно, просто прекрасно, – вполголоса сказала она самой себе.

– Что именно? – спросил священник, окончательно растерявшись. Он впервые увидел улыбку на сдержанном лице миссис Норидж, и это поразило его едва ли не сильнее, чем ее ночной визит и странные расспросы.

– То, что Глория Эштон терпеть не могла собак. Спасибо вам, святой

отец. И еще раз примите мои глубочайшие извинения.

– Куда вы?!

– Обратно, разумеется! – Миссис Норидж уже стояла на пороге. Ветер развеивал полы ее плаща.

– Но вы не найдете дорогу! – всполошился священник. – Безумная вы женщина, подождите, я хотя бы дам вам лампу!

– Не стоит, святой отец. Спасибо вам за заботу, но я предпочла бы вернуться незамеченной.

– Да постоит же! Могу я хоть чем-нибудь вам помочь, раз уж вы предприняли такой путь?

Миссис Норидж ненадолго задумалась. Затем лицо ее просветлело.

– Вы весьма меня обяжете, если найдете пару яблок.

...На другой день, едва рассвело, Агнесса Эштон вышла в сад. Ей нужно прийти в себя. Руки немножко дрожат с утра, глаз дергается, и тик выводит из равновесия. Если бы не это, она бы совсем не нервничала.

Да и отчего ей тревожиться? Генри ночью пообещал, что все будет хорошо, а он никогда не обманывал ее.

Агнесса остановилась. Взгляд ее упал на обломанный и уже почерневший черенок розы. О, как отвратительно! Гнев вдруг вспыхнул в ее груди с новой силой. Женщина обхватила стебель и с силой сжала его, не замечая, что острые колючки прокалывают кожу.

Она очнулась только тогда, когда заметила стекающую по руке струйку крови. Испуганно отдернула руку.

Нет-нет, так нельзя... Агнесса заставила себя выпустить стебель и машинально вытерла кровь о подол платья.

Все хорошо. События той ночи – лишь морок, который развеется, едва уедет Роджер Хинкли.

Но тогда откуда эта червоточина в душе?

Эхо дикого хохота отдалось у нее в ушах, а перед глазами встало бледное, искаженное ужасом лицо прежней гувернантки. Агнесса провела рукой по лбу, отгоняя дурные воспоминания. Разве можно винить ее в том, что девушка кончила психиатрической лечебницей? Она не виновата! Никто не виноват в том, что случилось!

В любом случае, это все позади. Генри обещал поговорить с Роджером и раскрыть ему глаза на Шарлотту. Хинкли уедет, и все вернется на круги своя.

Агнесса сделала еще несколько шагов и вдруг в зарослях акации увидела два силуэта.

В лучах восходящего солнца казалось, будто золотистые волосы Шарлотты Пирс излучают сияние. Что касается Роджера Хинкли, он тоже сиял, но скорее не от солнца, а оттого, что сжимал Шарлотту в своих объятиях.

Агнесса вздрогнула и прижала ладонь к губам. Какое неслыханное бесстыдство!

Роджер наклонился к Шарлотте, и шокированная миссис Эштон торопливо отвернулась.

В окне первого этажа мелькнула мужская фигура. Агнессе не нужно было вглядываться, чтобы узнать мужа. Генри видел все то же, что и она.

Она знала, о чем думает ее муж, глядя на целующуюся пару. Генри тоже понимает, что время упущено. Они должны были раньше объявить Роджеру, что Шарлотта Пирс – чудовище. Тогда еще была бы надежда, что все закончится хорошо.

Но теперь, когда дело зашло так далеко, Роджер не прислушается к ним. Влюбленные мужчины глухи к любым голосам, кроме зова собственной страсти.

Значит, остается лишь одно: попытаться исправить то, что еще возможно.

За ужином некоторая принужденность ощущалась во всех. Даже Роджер Хинкли, счастливый, как мальчишка, почувствовал ее и озадаченно присматривался к окружающим, не понимая, откуда исходит напряжение.

Шарлотта всегда пила травяной чай с анисом. Остальные не любили этот вкус, поэтому для миссис Пирс чай заваривали отдельно. Вот и сейчас Дэйзи принесла на подносе два чайника: один она поставила перед миссис Пирс, а со вторым приблизилась к Агнессе. Но вдруг вскрикнула и едва не опрокинула поднос на хозяйку.

– Господи, Дэйзи! – вскрикнула та. – Что с вами?

Генри приподнялся:

– Милая, все в порядке?

– Да-да, все хорошо, – нервно кусая губы, ответила Агнесса.

– Но что произошло?

Дэйзи покраснела.

– Я... мне показалось... – пролепетала она. – Мне показалось, что на вашем платье пятна, миссис Эштон. Красные пятна.

Агнесса опустила взгляд:

– Это всего лишь игра теней!

– Закат сегодня красный, – поддержал ее Роджер. – Вероятно, завтра

будет дождь.

Шарлотта поймала кухарку за руку.

– Вы сами не обожглись, Дэйзи?

– Нет-нет. Простите, миссис Эштон! Пожалуйста, простите!

Агнесса махнула рукой, и донельзя смущенная Дэйзи исчезла.

Все спокойствие Агнессы как рукой сняло. Видно было, что она с трудом сдерживается, чтобы не разрыдаться.

Генри положил руку на плечо жене и заговорил успокаивающе и ласково. В это время Шарлотта быстро допила чай и поднялась.

– Простите, я вас оставлю.

Сэр Генри обернулся к ней:

– Так скоро?

– Меня что-то клонит в сон. Должно быть, от долгих прогулок.

Она улыбнулась Роджеру и направилась к дверям. Но за секунду до того, как выйти, Шарлотта бросила взгляд на миссис Норидж, игравшую в углу с Лилиан.

Роджер Хинкли заметил этот взгляд. Он изумился тому, как быстро и сильно преобразилось ее нежное лицо. В углах губ залегли жесткие складки, губы сжались в тонкую линию. В глазах сверкнула ярость, испугавшая его.

Но это продолжалось лишь несколько мгновений. Миссис Норидж ответила Шарлотте своим обычным бесстрастным взглядом, и та вышла.

Передвинув шахматную фигуру, миссис Норидж положила узкую ладонь на руку девочки.

– Послушайте, Лилиан, я хочу кое о чем вас попросить, – негромко, чтобы не услышали остальные, сказала гувернантка.

– Конечно, миссис Норидж, – с готовностью отозвалась та.

– Пожалуйста, переночуйте сегодня в моей комнате.

Голубые глаза Лилиан расширились от удивления.

– Миссис Норидж...

– Тише, дитя мое.

Девочка осеклась, услышав непривычное обращение.

– Только одну ночь, – продолжала миссис Норидж. – Обещаю вам, что это никому не принесет вреда.

– Хорошо, но где же вы сами будете спать?

– Сомневаюсь, что мне вообще придется спать этой ночью, – пробормотала миссис Норидж.

На закате поднялся ураганный ветер. Он промчался по городу, низко

прижавшись к земле, точно охотничий пес, взявший след. Свернул в сторону Эштонвилла, сломав по дороге старый вяз и опрокинув указатель. Добравшись до поместья, ветер выпрямился в полный рост и со всей мощью обрушился на многострадальный дом.

Обезглавленные розы были прибиты к земле. Ветер вцепился в ставни, которые забыли закрыть на ночь, и с легкостью оторвал их. Но в дом ему не удалось проникнуть, как он ни пытался. С жутким воем ураган кружился вокруг, нападая то с одной стороны, то с другой, словно неприятельская армия, нащупывающая самое слабое место в обороне.

Лишь к полуночи он стих. Наступило тревожное затишье. Где-то вдалеке пролаяла собака и смолкла, будто испугавшись звука собственного голоса. После этого уже ничто не нарушало глухой ночной тишины.

Когда часы в гостиной пробили два раза, дверь отворилась. В зеркале, висевшем в дальнем конце коридора, смутно отразилась высокая фигура в белом платье. словно безмолвный призрак, она медленно двинулась в ту сторону, где находилась комната Роджера Хинкли. Только тихий шелест ткани сопровождал ее шаги.

Она прошла мимо зеркала, не повернув головы. В ее ровной бесшумной поступи не было ни сомнений, ни колебаний.

Рука бестрепетно сжимала острый нож, больше похожий на скальпель.

Возле комнаты Роджера человек с ножом замер и прильнул ухом к двери. Тишина убедила его, что ему ничего не угрожает. Просунув тонкое лезвие в щель, он поддел щеколду и откинул ее.

Дверь распахнулась сама, словно приглашая войти.

Роджер Хинкли спал. Одеяло на его кровати мерно вздымалось, рука была закинута за голову. Сон этот был крепок, раз его не прервал даже ураган.

Фигура в белом приблизилась и склонилась над спящим.

Казалось, на несколько секунд ночным гостем овладели сомнения. Еще можно было уйти, не тронув беззащитного человека. Не было свидетелей его вторжения, никто не выдал бы его.

Внезапно снаружи пронзительно и страшно ухнула сова. Роджер вздрогнул во сне, и тут же человек с ножом сдернул с него одеяло и молниеносно полоснул ножом по груди несчастного.

Треснула и разошлась ткань сорочки, обнажая кожу. На ней тотчас взбухла алая полоса, в темноте казавшаяся черной. От разреза в стороны разбежались тонкие ручейки.

Роджер Хинкли вскрикнул от боли и проснулся. Он резко сел, не понимая, что происходит, и прижал руку к груди. Второй его крик был

громче, он разнесся по всему дому. Роджер отнял от груди руку и недоуменно взглянул на испачканную ладонь.

– Что за черт... – начал он.

И тут заметил человека с ножом в руке.

Лицо было скрыто от него в сумраке, и все, что он мог рассмотреть, – лишь очертания фигуры в белом одеянии и серебристый блик, играющий на острие ножа.

– Кто вы? Что вам нужно? – Хинкли наклонился, всматриваясь в него.

Лезвие сверкнуло в темноте, не оставляя никаких сомнений в намерениях ночного гостя. Роджер подался назад и закричал во весь голос:

– На помощь! Ко мне, сюда!

Если человек с ножом рассчитывал, что его жертва онемееет от страха, то он просчитался. Роджер очень быстро понял, что происходит, и он был не испуган, а ошарашен. Но даже оторопь и боль не помешали ему броситься на фигуру в белом платье.

Однако прежде, чем Хинкли успел приблизиться, нападавший снова выбросил нож. Джентльмен отшатнулся, уклоняясь от удара, упал и, воспользовавшись этим, преступник бросился прочь из комнаты.

Хинкли со стоном схватил рубашку и зажал кровоточащую рану. Из глубины дома до него донеслось хлопанье дверей, шаги и недоуменные женские выкрики.

– Сюда, скорее! – снова позвал он.

С третьей попытки ему удалось зажечь лампу. Роджер бросился в коридор, не обращая внимания на боль, чуть не споткнулся о порог, но удержался на ногах.

Дом проснулся и загудел. На лестнице замелькал свет и послышался голос Эштона, спрашивавшего, что случилось.

– Генри!

Хинкли направился к лестнице, но, пройдя несколько шагов, остановился и обернулся.

Дверь соседней комнаты была чуть приоткрыта. Роджер точно помнил, что это – одна из нескольких комнат, которые не отпирали по меньше мере уже год.

Замолчав, он подошел ближе и замер, прислушиваясь.

– Роджер! Роджер! – звал неподалеку Генри Эштон.

Не отвечая, Хинкли приблизился к открытой комнате и наклонил голову. Изнутри послышался тихий шелест и еле уловимый звук легких шагов.

В комнате кто-то был.

Роджер больше не колебался. Он решительно поднял лампу повыше, толкнул локтем дверь и шагнул внутрь.

Спустя всего несколько секунд прибежал запыхавшийся Генри Эштон.

– Роджер! Роджер, где ты?!

– Я здесь, – глухо ответили ему.

– Господи, что ты там делаешь?

Генри распахнул дверь. Подбежавшая к нему Агнесса успела как раз вовремя, чтобы увидеть впечатляющую картину.

Роджер Хинкли стоял посреди комнаты. А у окна застыла Шарлотта Пирс, прикрывая ладонью глаза от яркого света.

В другой руке она сжимала маленький острый нож. Лезвие было обогрено кровью, красные следы выделялись на длинном белом платье Шарлотты, больше похожем на саван.

– Ты?!

В коротком восклицании Роджера смешались изумление, недоверие и боль.

– Роджер, что она с тобой сделала?

Генри подошел к другу и бережно раздвинул окровавленную рубашку на его груди.

– О господи! Агнесса, ты только взгляни!

– Пустяки, это всего лишь царапина. – Хинкли, морщась, снова прижал ткань к ране.

Шарлотта продолжала стоять неподвижно, словно механическая кукла, в которой кончился завод. Она уронила руки и отвернула голову к окну, щурясь от лампы.

– Надо отобрать у нее нож, – прошептала Агнесса. – Пока она еще кого-нибудь не зарезала.

– Не могу поверить... – Роджер сделал шаг к Шарлотте, но Генри ухватил его за руку.

– Стой! Ты не знаешь, на что она способна!

Шарлотта издала тихий стон.

– Я сам это сделаю. – В голосе Генри Эштона прозвучала неожиданная твердость. – Я во всем виноват. Но клянусь, больше никто не пострадает.

Он медленно подошел к Шарлотте. Роджер, несмотря на предостерегающий шепот Агнессы, последовал за ним. Генри Эштон осторожно вынул оружие из пальцев женщины, и руки ее безвольно упали.

– Сядь, дорогая... – ласково попросил Генри. – Сядь.

Роджер подставил стул. Им пришлось нажать ей на плечи, чтобы она подчинилась.

– Что с ней? – с ужасом спросил Роджер, глядя на оцепеневшую фигуру. – За что она хотела меня... ранить?

– Убить, мой друг, убить, – со вздохом поправил его Генри. – Прости, я обязан был предупредить тебя.

– Шарлотта...

Роджер попытался заглянуть ей в глаза. На лице его были написаны страдание и мука, но Генри Эштон встал между ними:

– Не подходи к ней. Сейчас она в подобии забытья, но может очнуться и броситься на тебя. Такое уже случилось.

Хинкли содрогнулся.

– Но почему? Что с ней, Генри?

– Она больна! – резко бросила Агнесса. – У нее бывают приступы ярости, во время которых она не контролирует себя, а после начисто забывает о случившемся.

– Она пыталась убить почти каждого, кто появлялся в нашем доме, – вздохнув, добавил Генри. – Прости, Роджер! Я видел, как ты увлечен, и надеялся, что хотя бы на этот раз все пойдет по-другому. Мы скрывали от всех ее ужасную болезнь....

Он помолчал и закончил:

– И за это ее муж поплатился жизнью.

Хинкли вздрогнул и перевел на него расширенные глаза.

– Это правда, – с горечью подтвердила Агнесса. – Генри удалось спасти ее от суда и позора.

– ...но я не смог спасти ее от самой себя.

Эштон отошел в сторону и закрыл лицо руками.

Минута прошла в тягостном молчании. Шарлотта по-прежнему сидела не двигаясь.

– Она не боится ни лечебницы, ни тюрьмы, – тихо сказала Агнесса. – Никто не выдерживал долго в нашем доме: она выбиралась по ночам из комнаты и бросалась на людей. Ей удается вскрывать любые замки с поистине воровской ловкостью. Единственное, что может испугать ее, – это призрак Томаса Эштона. Когда мы узнали об этом, Генри придумал пугать ее завываниями. В такие ночи можно не беспокоиться, что она покинет спальню.

– Все зашло слишком далеко, – глухо сказал Генри Эштон, отняв руки от лица. – Но на этот раз я позабочусь о том, чтобы никто больше не пострадал. Прости меня, Агнесса! Ты была во всем права. Завтра же я привезу врача.

Он обернулся к другу:

– Роджер, ты сможешь задержаться на один день? Рассказать доктору о том, что случилось?

Хинкли кивнул.

– После этого, я думаю, тебе будет лучше уехать.

Роджер отошел к стене и опустил прямо на пол.

– Тебе плохо? – бросился к нему Генри. – Что, рана?

Тот молча покачал головой.

– Видишь ли, Генри... – тихим ровным голосом сказал он. – Я помнил девушку, в которую когда-то был влюблен. Прекрасное дитя, не похожее на остальных. Прошла целая жизнь – долгая, не самая простая жизнь. И вот я возвращаюсь сюда – и кого я вижу? Ту же девушку, ждущую меня. Как будто вся моя судьба, все печали и горести были лишь дорогой, ведущей к ней. Ты не можешь представить, как я был счастлив, Генри. Ибо сейчас, на закате лет, счастье обрести любимую ощущается в тысячу раз острее, чем в юности, что бы там ни говорили глупцы.

Он вскинул на друга сухие глаза:

– И что же я узнаю? Что женщина, которую я люблю, безумна. Что она убийца. Что лишь оболочка осталась от того существа, которое я знал когда-то, а душа его поражена гнилью. Я познал много утрат, Генри. Но ни одна из них не приносила мне столько горя.

Роджер поднялся, но отвел протянутую к нему дружескую руку.

– Прости, я должен сам вынести это.

Он сделал несколько неуверенных шагов к двери. Но вдруг обернулся и с силой выдохнул:

– Нет, я не верю, не могу поверить!

– И правильно делаете, мистер Хинкли, – проговорил сзади суховатый женский голос.

Все в комнате вздрогнули.

Гувернантка, одетая и тщательно причесанная, перешагнула через порог.

– Миссис Норидж? – раздраженно воскликнула Агнесса. – Что вы здесь делаете?

– Пытаюсь предотвратить преступление, миссис Эштон.

– Вы опоздали! – резко сказал Генри Эштон. – В этой комнате только один преступник, и он не в себе. Обещаю, Шарлотта понесет наказание. А теперь уходите. Это вас не касается.

Но миссис Норидж не двинулась с места.

– Простите, сэр, вы допустили три ошибки. Во-первых, меня это касается. Во-вторых, в этой комнате не один преступник, а два. И в-

третьих, тот, про кого вы сказали «не в себе», прекрасно все осознает.

Супруги разом обернулись к Шарлотте. Вскрик изумления сорвался с губ Агнессы. Генри оказался более сдержан, но даже он под гневным взглядом кухни отступил назад.

Шарлотта Пирс выпрямилась во весь рост и вскинула голову. На ее лице не осталось и следа сонливого отупения.

– Что, не ожидал, дорогой кузен? – звучно спросила она.

Агнесса пролепетала:

– Как? Как такое может быть?

– Возможно, все дело в чае, – предположила миссис Норидж. – В том самом чае для миссис Пирс, куда вы подсыпали средство, добытое для вас Кельвином Кози. Я бы также не стала исключать, что кто-то третий подменил отравленный чай нормальным и предупредил миссис Пирс, как ей нужно себя вести.

– Что?! Что вы несете?!

– Не стану скрывать, что кухарка нарочно отвлекла вас. Вы не должны были усомниться, что выпитый чай – именно тот, который вы заботливо приготовили для нее. Полагаю, вам хорошо известен запах вещества, которое подсыпали миссис Пирс. Кстати, что это за наркотик, который можно растворить в воде?

Агнесса ошеломленно молчала. Генри Эштон смотрел на гувернантку, разинув рот, не в силах сказать ни слова.

Не дождавшись ответа, миссис Норидж пожала плечами:

– Что ж, об этом расскажет химический анализ. Либо сам Кельвин Кози признается, что за вещество он принес вам.

– Анализ?! – выдавил Генри Эштон.

– Не думаете же вы, сэр, что чай был вылит, – укоризненно заметила миссис Норидж. – Я его сохранила. Но одного чая было недостаточно, и поэтому мы с миссис Пирс разыграли для вас небольшую сцену.

Окаменевший Роджер Хинкли наконец-то обрел дар речи:

– Шарлотта! Генри! Агнесса! Господи, что происходит?! Кто-нибудь может мне объяснить?!

Шарлотта с волнением взглянула на него:

– Миссис Норидж – вот кто может все объяснить. Но поверь мне, Роджер, я не сумасшедшая.

– Но нож? И твоё платье...

– Позвольте, сэр, я кое-что расскажу, – мягко сказала миссис Норидж. – Вы не были здесь долгое время и многое знаете лишь с одной стороны. Например, вы слышали, что Шарлотта Пирс вышла замуж. Но

вам неизвестно, что брак ее был очень счастливым. Господин Пирс был богат и боготворил свою супругу, а она любила его.

Шарлотта кивком подтвердила ее слова.

– Он посадил для меня сад, полный красных роз, – тихо сказала она. – Говорил, что я прекрасна, как они.

– Ты убила его! – вдруг выкрикнула Агнесса. Лицо ее перекопилось от злости. – Ты свела его в могилу!

Шарлотта побледнела. Не владея собой, она двинулась к миссис Эштон, но спокойный голос Эммы Норидж заставил ее остановиться.

– Мистер Пирс был намного старше своей жены, – сказала гувернантка. – Он заболел и умер. Смерть его была большим несчастьем, но она случилась по естественным причинам. Он не имел никакой родни, и Шарлотта Пирс осталась его единственной наследницей. О, целое состояние! И это в то время, когда вы, мистер Эштон, едва сводили концы с концами.

– Ложь!

– Оглянитесь вокруг, сэр. Этот дом – лучшее подтверждение плачевности вашего положения. У вас никогда не было больших доходов, но вы растратили и все то, что имели. Даже картины из галереи – и те не спрятаны, а проданы. Когда миссис Пирс овдовела, и возник этот хитроумный план. Если бы вас признали опекуном кухни, вы смогли бы распоряжаться ее деньгами.

– Какая чушь! Скажите еще, что я хотел убить Шарлотту! – насмешливо бросил Генри Эштон.

– Вы, безусловно, хотели ее убить, – невозмутимо согласилась миссис Норидж. – Но вас остановила жена. Ведь миссис Эштон свято верит в легенду, которая предрекает несчастье любому убийце, оказавшемуся под кровом этого дома. Она настолько верит в нее, что готова была с ножом защищать от вас Шарлотту Пирс, когда ей показалось, что вы готовы покончить с сестрой. Ах, мне следовало догадаться, что нож она взяла не для миссис Пирс! Ваша жена боялась того, что выможете совершить. И разве у нее не было для этого оснований?

– Что за бред! Какие еще основания?

– Ну как же, мистер Эштон! – укоризненно покачала головой гувернантка. – Ваш дальний родственник, приезжавший из Индии. Это был ваш первый шанс на наследство, хотя этот джентльмен, конечно, не так богат, как миссис Пирс. Вы заблаговременно распустили слухи, что он кого-то убил и скрыл свое преступление, а затем расшатали камни в основании башенки на крыше. Сама природа подыграла вам, устроив

небольшую бурю. Если бы упавшим камнем вашего гостя убило на месте, все решили бы, что это месть призрака. Но ваша жена вовремя вмешалась, страшась проклятия. Надо признать, что лишь благодаря ей и покойному Томасу Шарлотта Пирс до сих пор жива.

Пока она говорила, Генри успел овладеть собой. Он снисходительно улыбнулся:

– Миссис Норидж, ваши фантазии любопытны, но беспочвенны. Шарлотта свела с ума трех слуг, пугая их по ночам. Или вы будете отрицать их безумие?

Глаза гувернантки заблестели ярче.

– О да, безумцы! Я могла объяснить все, кроме них. Вот где был настоящий камень преткновения. Если бы не случайность, вряд ли мне удалось бы разгадать ваш замысел, сэр.

– Какая случайность?

– Груша. Гнилая груша.

– При чем здесь груша?! – не выдержал Роджер Хинкли, лихорадочно переводивший взгляд с одного на другого.

Миссис Норидж обернулась к нему.

– Видите ли, сэр, если купить на рынке мягкие груши и принести домой, то через два дня они испортятся.

Роджер Хинкли заподозрил бы, что над ним смеются, но серьезное бледное лицо Шарлотты убеждало его в обратном.

– К чему эта лекция по домашнему хозяйству? – резче, чем следовало, осведомился он.

– А если найти трех помешанных, – с той же интонацией продолжала гувернантка, – и поселить их в Эштонвилле, то рано или поздно их болезнь даст о себе знать.

Повисло молчание. Нарушил его Роджер Хинкли.

– Вы хотите сказать... – медленно начал он.

– Я хочу сказать, сэр, что мистер Эштон задался целью доказать, будто его кузина – сумасшедшая. Ее всегда считали женщиной со странностями – простите, миссис Пирс! – но между чудачествами и болезнью целая пропасть. Первая попытка не увенчалась успехом: доктора не обнаружили у Шарлотты Пирс душевного расстройства. И тогда мистер Эштон решил пойти другим путем. Если в некоем поместье один за другим сошли с ума три человека, то никто не удивится, когда это же несчастье постигнет и четвертого. Старинная легенда на этот раз помогла ему.

– Вы лжете... – сдавленным голосом проговорила Агнесса.

– Вовсе нет, мэм, и вам это хорошо известно. Кельвин Кози в своих

поездках не искал материал для книги. Он искал сумасшедших. Подбирал крохи сплетен, крупницы пересудов. О, ваш секретарь проделал действительно кропотливую работу! И ему удалось найти нужных людей. Безумцы, чье помешательство не сразу бросалось в глаза. Душевнобольные, чья болезнь таилась в глубине, до поры до времени не прорываясь наружу. Вам, сэр Генри, оставалось лишь планомерно доводить их до приступов. Вой несуществующего призрака, стук в дверь, шаги по ночам... Несколько капель страха – и плотину прорывало.

– Это ты! – горячо воскликнула Шарлотта. – Ты свел с ума ту молодую женщину! И кухарку, и дворецкого!

Генри Эштон отшатнулся от нее.

Но миссис Норидж не дала ему передышки:

– Все отмечали, что в поместье царит угнетающий дух, и приписывали это призраку. Однако все объяснялось гораздо проще. В вашем доме, сэр Генри, было тяжело находиться, потому что здесь люди медленно теряли рассудок. В глубине души все ждали, когда Шарлотта Пирс, убившая своего мужа, тоже сойдет с ума. На этом призрак старого Томаса угомонился бы, не так ли?

Генри Эштон лишь поморщился.

– Вы делали для этого все возможное, сэр. Для гувернантки отвели самую крошечную и унылую комнату, хотя в доме полно других, окна которых выходят в сад, а не на кладбище. Уволили предыдущую, которая оказалась слишком нормальна для вас. Вы и меня не хотели брать поначалу, даже выдумали несуществующие капризы Лилиан.

– Надо было слушать свой внутренний голос, – вдруг холодно сказал Генри Эштон. – Вы мне сразу не понравились. Но должен же был кто-то заниматься с Лили...

– Молчи, Генри! – взмолилась Агнесса. – А вы, вы, миссис Норидж... Уходите! Уйдите прочь!

Но ее выкрик прозвучал жалко и беспомощно. Агнесса сама почувствовала это и съежилась, словно пытаясь укрыться от обвиняющих взглядов.

Гувернантка обернулась к ней:

– Вам, миссис Эштон, в определенной мере я обязана успехом своего расследования. История про собачку была выдумана вами, чтобы убедить меня в чудовищном характере миссис Пирс. Ведь любому слушателю сразу было понятно, что бедное животное погибло от рук испорченной девушки. К счастью, я догадалась проверить эту историю. Если прежде у меня были сомнения, то после проверки они рассеялись. Старая миссис Эштон

терпеть не могла собак. Несчастной болонки, погибшей в колодце, попросту никогда не существовало.

– А, так у вас все-таки были сомнения, – со странной интонацией проговорил Роджер Хинкли. Он смотрел на миссис Норидж недоверчивыми глазами и, кажется, до сих пор не мог поверить в происходящее. Только боль от раны на груди убеждала его в том, что все это ему не снится.

– Боюсь, я давала достаточно поводов для подозрений, – смущенно призналась Шарлотта.

– Всего два, – уточнила миссис Норидж. – Первый раз, когда я застала вас на чердаке. Вы, несомненно, искали какое-то устройство.

– Я предполагала, что прежнюю гувернантку пугал Кельвин Кози, спуская что-то с чердака на ее окно.

– О, конечно! На чердаке вы ничего не обнаружили, зато вентиляционная труба оправдала ваши ожидания. Меня сбила с толку роза, которую вы оставили для него. Следовало бы раньше вспомнить, что вы не переносите вида красных роз, и ваш подарок – не обещание, а предостережение.

Шарлотта отошла к окну и глубоко вдохнула, будто ей не хватало воздуха.

– Я была слишком глупа и доверчива. Мне казалось, Кози делает все эти пакости по собственной воле, назло. А за ним стоял ты, Генри! Господи, почему ты просто не попросил у меня денег? Неужели ты думаешь, я отказала бы тебе?

Генри Эштон запрокинул голову и рассмеялся.

– Зависеть от твоей милости? От воли сумасбродки? О нет, благодарю покорно!

– Да, сэр, вы предпочитаете все держать в своих руках, – согласилась миссис Норидж. – Когда приехал ваш старый друг, вы испугались. Мистер Хинкли готов был сделать предложение, и Шарлотта покинула бы вас, а с ней – и ее состояние. Только один человек удерживал сестру в вашем доме. Но с появлением мистера Хинкли даже он отошел бы на задний план.

– И кто же это? – удивленно спросил Роджер.

– Лилиан. Ваша невеста, сэр, любит девочку. А Лилиан любит ее.

Шарлотта молча кивнула. В глазах ее заблестели слезы.

– Мистер и миссис Эштон быстро заметили это, – объяснила миссис Норидж, – и воспользовались собственной дочерью как приманкой. Вы не уехали бы из Эштонвилла, миссис Пирс, пока Лилиан оставалась здесь. Но когда появился Роджер Хинкли, все изменилось.

Генри Эштон внезапно шагнул к двери.

– Довольно! – заявил он. – Я больше не намерен это слушать. Вы оба можете уезжать куда хотите, а вы, миссис Норидж, уволены.

– Боюсь, сэр Генри, вам придется меня дослушать, – очень почтительно заметила миссис Норидж. – В сложившихся обстоятельствах это поможет вам принять правильное решение.

Генри Эштон остановился.

– О чем вы говорите?

– О преступлении, на которое вы пошли, чтобы убедить мистера Хинкли свидетельствовать против его любимой.

Седовласый джентльмен долго смотрел на нее, не отрываясь. Наконец, не теряя высокомерного выражения, он вернулся обратно, поставил стул посреди комнаты и сел, положив ногу на ногу.

– У вас три минуты, миссис Норидж.

– Я уложусь в половину этого срока, сэр. Вас нельзя обвинить в том, что вы свели трех людей с ума и задумали закрыть четвертого в психиатрической лечебнице до конца его дней. Но этой ночью вы переоделись в белое платье, взяли нож и зашли в комнату мистера Хинкли. Ваша жена, уверенная, что она опоила миссис Пирс, ждала с ней в соседней комнате. Вы нанесли небольшую рану мистеру Хинкли – все-таки он ваш друг, и это удержало вашу руку, – выбежали из его спальни, зашли в соседнюю комнату и быстро сунули нож в руку Шарлотты. Окровавленные руки вы вытерли о ее ночную рубашку. На все это у вас ушло несколько секунд. Когда мистер Хинкли выбежал в коридор, вы уже на лестнице срывали с себя платье, под которым у вас был этот чудесный спальный костюм. Ваша жена отнесла платье в свою комнату и вернулась.

И вот тут Роджер Хинкли окончательно прозрел.

– Бог мой... – проговорил он, глядя перед собой невидящими глазами. – Ну конечно! Это был ты, Генри! Если бы Шарлотта нападала на меня, у нее бы сбилось дыхание. А ведь она стояла совершенно спокойная, как во сне.

– Однако, сэр, это соображение пришло вам в голову только сейчас, – заметила миссис Норидж. – Если бы все шло по плану мистера Эштона, завтра вы засвидетельствовали бы перед докторами, что Шарлотта Пирс пыталась вас убить. После этого ее судьба была бы решена. Вряд ли мистер Эштон выпустил бы ее из сумасшедшего дома.

– Это был бы очень хороший сумасшедший дом, – со смешком заметил сэр Генри. – Лучший, который можно обеспечить за деньги. – Он издевательски поклонился сестре. – За твои деньги, дорогая.

Роджер Хинкли пошел на него, сжав кулаки.

– С вашего позволения, сэр, я не закончила, – строго напомнила гувернантка.

И Роджер Хинкли, к собственному удивлению, остановился.

– Ваша кухня не была опоена, – обращаясь к Генри Эштону, сказала миссис Норидж. – Она лишь притворилась по моей просьбе. Это стоило ей нескольких неприятных минут, но зато теперь, сэр Генри, каждый из нас троих готов дать против вас показания.

Поняв ее замысел, Роджер недобро усмехнулся.

– О, Генри! Это будет лучшая тюремная камера, которую можно обеспечить за деньги.

Первый раз за все время Генри Эштону изменило самообладание. Он вскочил и попятился.

– Шарлотта, ты этого не сделаешь! Я – в тюрьме?! Это невозможно!

– Что остановит меня, Генри? – тихо, но твердо спросила его кухня.

– Я буду умолять тебя! Агнесса будет умолять тебя! Шарлотта, пощади!

Но та отрицательно покачала головой.

– Вам обоим нет прощения. Не из-за того, что вы хотели сделать со мной. Если бы дело заключалось лишь в этом, я бы смогла простить.

– Но что же, что тогда?

– Лилиан, вот что! – звонким от слез голосом сказала Шарлотта. – Вы сделали ребенка заложником своего гадкого замысла. Вы окружили ее душевнобольными!

– Да, это было очень жестоко, – медленно проговорила миссис Норидж. – Пожалуй, самое жестокое из всего, что вы сотворили, мистер Эштон. Ваша дочь, ничего не понимая, смотрела, как ее собственная гувернантка сходит с ума. Ведь от той наставницы, которую она любила, вы предусмотрительно избавились. Безумный дворецкий наводил на Лилиан ужас, из-за кухарки она боялась выходить из комнаты. Самое же страшное заключалось в том, что ее собственные мать и отец никак не развеивали ее страхи. Ведь в противном случае девочка могла вас случайно выдать. У нее оставалась лишь одна отдушина – миссис Пирс. Та самая Шарлотта Пирс, про которую украдкой шептались, что она не в себе. Невозможно представить, что творилось в душе Лилиан. Но разве это могло вас остановить?

Генри Эштон сказал, кусая губы:

– Дети быстро забывают свои беды. Немного времени – и Лилиан успокоилась бы. Зато, если б у меня все получилось, ее ждала настоящая

жизнь, а не это прозябание!

– Да ты чудовище, – ужаснулась Шарлотта. – Ты и твоя жена! Вы в грош не ставили чувства Лили. А ведь она так боялась! Господи, бедная моя, храбрая моя девочка!

Шарлотта уткнулась в ладони и расплакалась. Роджер Хинкли бросился к ней и бережно обнял.

– Лилиан ведь не пострадала, – попыталась сказать Агнесса.

Но, поймав взгляд Роджера, стыдливо умолкла.

Миссис Норидж скрестила на груди руки:

– Не пострадала? Я до последнего не была уверена, кого вы выберете своей жертвой. Вы могли счесть мистера Хинкли слишком опасным и отвести ему лишь роль свидетеля. Да простит меня бог за эти слова, миссис Эштон, но вы не заслуживаете такого ребенка, как Лилиан. Не сомневаюсь, что судья примет во внимание ваше отношение к родной дочери.

Агнесса вцепилась в мужа.

– Неужели... Неужели вы все-таки отправите нас под суд? – срывающимся голосом проговорила она.

Шарлотта подняла мокрое от слез лицо.

– Да, – без тени сомнения кивнула она.

– Да! – твердо повторил Роджер Хинкли.

– Нет, – сказала миссис Норидж.

– *Что?!*

Это восклицание издали трое из четверых людей, стоявших вокруг гувернантки. Только Шарлотта молча глядела на нее, но в глазах ее застыл тот же вопрос.

– Нет, – повторила миссис Норидж, – не отправим. При одном условии.

Генри Эштон сглотнул.

– Каком?

Миссис Норидж, что-то обдумывая, подошла к окну и обернулась к ним.

– Если вы подпишете согласие на то, чтобы ваша дочь проводила у миссис Пирс четыре месяца из каждых двенадцати, – отчеканила она. – И шесть месяцев, если девочка сама изъявит на то желание.

После слов миссис Норидж повисло ошеломленное молчание. Роджер еще не успел ничего понять. Агнесса и Генри переглянулись. И вдруг в этой тишине раздался тихий счастливый смех.

Шарлотта Пирс смеялась сквозь слезы.

– Господи, мы согласны, – торопливо проговорила Агнесса. –

Согласны!

Миссис Норидж вопросительно взглянула на ее мужа:

– Что вы скажете, сэр Генри?

На лице сэра Генри выразилось такое облегчение, что в его ответе можно было не сомневаться.

– Разумеется, да!

Шарлотта вскочила и схватила Роджера за руку:

– А ты? – она тревожно вглядывалась в него. – Ты согласен?

Роджер покачал головой и улыбнулся:

– Шарлотта, для человека, который знаком со мной двадцать лет, ты удивительно плохо меня знаешь. Конечно же я согласен, любовь моя.

Франция, четыре недели спустя

В саду было тепло и солнечно. Золотистое кружево дрожало на белой скатерти, ненадолго исчезая, если по небу пробегало редкое облако.

Кэтрин подвинула к Эмме Норидж тарелку с яблоками.

– Ранний сорт, дорогая. Я выращиваю его специально для тебя.

Глядя на подругу, немедленно схватившуюся за фруктовый нож, она улыбнулась, но тут же вновь стала серьезной:

– Эмма, у меня нет слов, чтобы поблагодарить тебя. Ты не представляешь, как много сделала для всех нас.

Миссис Норидж снисходительно отмахнулась от похвалы.

Но Кэтрин не унималась:

– Невероятно, до чего быстро тебе удалось распутать этот клубок!

– Скажу без ложной скромности, я прикладывала к этому большие усилия, – сказала миссис Норидж. – У меня был серьезный стимул, чтобы разобраться во всем как можно скорее.

Кэтрин понимающе кивнула и рассмеялась:

– Все дело в девочке, да? Ах, милая Эмма! Говори что хочешь, но твое сердце вовсе не такое каменное, каким ты хочешь его представить.

– Сердце здесь совершенно ни при чем, – заверила миссис Норидж. – Мистер Эштон положил мне тридцать фунтов в год. Неужели ты полагаешь, что я стала бы работать за эти смехотворные деньги больше двух месяцев?

Дело о мертвой собаке

Если бывают люди, о которых можно без преувеличения сказать, что они наступают на одни и те же грабли, то для миссис Питипэт вся жизнь была вдохновенным танцем на граблях. В искусстве исполнения разнообразных па и фуэте на столь мало пригодном для этого сельскохозяйственном инструменте Молли Питипэт не было равных.

– Пока был жив викарий, он сдерживал ее порывы, – со вздохом сказала Аманда Прю. – Мне это не под силу.

Две женщины стояли на склоне холма, глядя на аккуратный белый домик, притулившийся на противоположной стороне. Земля в этих местах не была плодородной, но за невысокой живой изгородью цвел розмарин, овеянный нежно-лиловой дымкой, а возле двери приветственно покачивали голубыми шапками кусты гортензии. Словно принарядившаяся для поездки в город простодушная деревенская кокетка, дом горделиво выставлял напоказ свой лучший наряд.

Миссис Норидж поправила шляпу. Пока они спускались сюда, ветер так и норовил сорвать ее.

– Какие же порывы? – спросила она.

– О, на первый взгляд совершенно невинные. Наша Молли творит добрые дела.

В голосе Аманды Прю отчего-то не было воодушевления.

– Все началось с бродяги, которого она подобрала где-то под Рэйделом и поселила в пристройке для слуг.

– Миссис Питипэт решила спасти его заблудшую душу?

– Несложно догадаться, верно? – уныло отозвалась мисс Прю. – Молли порхала вокруг него, с утра до вечера читая проповеди. Вбила в голову, что должна обратить черную овцу к свету.

– А что бродяга?

– Этот тип быстро смекнул, как ему повезло. То провозглашал, что слышит господу, то угрожал вновь ринуться в бездну греха. Верно, рассчитывал, что его спасение займет лет пять.

– На полном пансионе торопиться некуда, – согласилась миссис Норидж.

Женщины обменялись понимающими взглядами.

Аманда Прю доверительно взяла гувернантку под локоть и повела вниз по петляющей тропинке, осторожно переступая через камни.

– Мы с Молли дружим пятьдесят лет – с того самого дня, как нам вместе пришлось удирать от разъяренного индюка. Но временами я близка к тому, чтобы разбить об ее упрямый лоб что-нибудь тяжелое. Целый месяц она не могла говорить ни о чем, кроме своего мерзкого бродяги. А потом привела нового.

– Две спасенные овцы лучше, чем одна, – кивнула миссис Норидж.

– Две! А что вы скажете о четырех?

– Скажу, что в таком случае математика бессильна.

– Эти ленивые бездельники лопали за десятерых, но сами не желали взрыхлить даже клумбу. А потом появился пятый. Джонатан Белл.

– Вы запомнили его имя?

– Еще бы не запомнить! Двое суток мистер Белл слушал нравоучения Молли, а к вечеру третьего дня громогласно послал ее к дьяволу вместе со всем сонмом ангелов и покойным викарием. Он спустился в ближайший кабак, напился как свинья и отправился в город, крича во всю глотку: «Я Джонатан Белл, чертов грешник, а кого это не устраивает, тот пусть скажет мне об этом в лицо!»

– Полагаю, желающих не нашлось? – осведомилась миссис Норидж.

– Мистер Белл – очень крупный мужчина, – уклончиво ответила мисс Прю. – Настоящий здоровяк, заросший рыжей шерстью.

– Я слышала, это свидетельствует о буйном темпераменте.

– Уж можете не сомневаться. Он разнес в щепки два сарая – искал публичный дом. Горланил такие песни, что краснели даже извозчики. А под конец заявился к особняку мэра и спел под окнами про малютку Дженни из порта Ливерпуль. А ведь у мэра три дочери!

– Должно быть, они узнали много нового, – невозмутимо заметила миссис Норидж. – А как же те четыре заблудшие овцы, что оставались у миссис Питипэт?

– Увы, последовали примеру мистера Белла. Разбитые окна, выломанные двери, похабные надписи на стенах... Доброта Молли обошлась городу в круглую сумму. И это без учета морального ущерба, нанесенного семье мэра.

Аманда Прю остановилась и перевела дыхание.

– Подождите минутку, дорогая. Старость – это когда спуск под гору становится не менее трудным, чем подъем.

Эмма Норидж не стала убеждать мисс Прю, что до старости ей еще далеко. Она терпеливо ждала, пока пожилая леди отдохнет.

– Я надеялась, что Молли получила хороший урок, – посетовала Аманда. – Но я никак не ожидала того, что случится потом.

Они снова двинулись вниз.

– Следующим объектом ее доброты стала одна несчастная девушка.

– Соблазненная и брошенная каким-нибудь негодяем?

– Вы поразительно догадливы. Такая трогательная девушка! Большеглазая и хрупкая, несмотря на огромный живот.

Мисс Прю помолчала, будто умиляясь воспоминаниям.

– Бедняжка родила, живя у Питипэт. А когда младенцу было четыре месяца, сбежала, бросив собственное дитя.

– Одна?

– Увы, нет. Она прихватила с собой управляющего нашего банка. А тот прихватил с собой изрядную часть вкладов.

– Не самая плохая компания, – серьезно заметила миссис Норидж. – Я, конечно, имею в виду вклады.

– Питипэт стоило огромного труда отыскать родственников девушки и уговорить их забрать ребенка. Не знаю, во сколько ей это обошлось, но, кажется, один чахлый младенец в денежном выражении весил не меньше, чем пятеро здоровых попрошаек.

Гувернантка понимающе кивнула:

– Дети бывают неоправданно дороги.

– После этого Молли разуверилась в людях и переключилась на собак.

Женщины пересекли низину и стали подниматься на холм, где белел домик миссис Питипэт. Здесь уклон был не такой крутой. Тропа свернула, огибая участок викария.

– Она стала подбирать бездомных дворняг, – продолжила мисс Прю. – Скоро у нее во дворе надрывалась целая свора. Я предупреждала ее, что ничем хорошим это не кончится. Но люди, твердо вступившие на путь добра, иногда страдают удивительной формой глухоты – они перестают слышать ближайших друзей.

Она вытерла испарину со лба.

– Взгляните туда, миссис Норидж.

Низкий серый дом, обосновавшийся среди замшелых валунов, издали казался насупленным.

Гувернантка прищурилась:

– А, так ее сосед – Юджин Финч? Говорят, он не ладит с миссис Питипэт.

Плохой характер фермера Финча был известен всему городу. Жена его умерла два года назад, и Юджин остался с двумя дочерьми пяти и пятнадцати лет.

– Стая вырвалась из двора и набросилась на его младшую девочку,

когда она возвращалась из школы, – сказала Аманда. – Девчушка осталась цела только потому, что вскарабкалась на дерево. Но когда фермер разогнал свору, ему пришлось силой отдирать ее руки от веток.

Мисс Прю отыскала большой валун, нагретый солнцем, расстелила на нем шаль и присела.

– Молли была в ужасе! Она пыталась сама извиниться перед девочкой, но Финч не пустил ее даже на порог.

– А что с собаками?

– Она их немедленно раздала. Не смогла расстаться только с тремя, самыми добродушными.

Мисс Прю подняла к гувернантке круглое лицо, обрамленное седыми кудряшками.

– Вы, должно быть, гадаете, для чего я все это рассказываю?

– Я полагаю, вы сказали еще не все, – отозвалась миссис Норидж.

Аманда удрученно кивнула.

– С тех пор прошло полгода. Я надеялась, что эта история осталась в прошлом. Но позавчера Молли отправилась в соседний город на целый день. А когда она вернулась, собак не было.

– Сбежали?

– Они не могли сбежать, Молли держала их привязанными во дворе. Питипэт бросилась искать их и нашла одну.

Она помолчала, давая миссис Норидж возможность самой догадаться.

Той не потребовалось много времени.

– Мертвую?

– Да. Ее пристрелили и оставили валяться на дороге неподалеку отсюда.

– А две другие?

– Их нигде нет. Но я не сомневаюсь, что их постигла та же участь. Иначе они давно вернулись бы домой.

Гувернантка в задумчивости сделала несколько шагов и обернулась:

– Это выглядит странно. Зачем убивать собак сейчас?

– Финч – злопамятный человек. Может быть, его дочери опять начали сниться кошмары, и он решил отвести душу.

Женщины помолчали.

– Молли вне себя от горя. – Аманда наклонилась и отломилась веточку вереска. – Она не сомневается, что гибель собак – дело рук Юджина. И жаждет мести.

– У нее есть такая возможность?

– Увы, да. Участок, на котором мы с вами стоим, по документам

принадлежит Финчу, но в действительности права на него есть и у Молли. Это старая история, не буду углубляться в подробности. Питипэт собирается пойти в суд и отобрать у Финча землю. В прошлый раз дело закончилось перемирием. Теперь такого не случится.

– И вы боитесь этого, – утвердительно сказала миссис Норидж.

– Очень боюсь. Суд означает войну, а Молли уже не в том возрасте, чтобы безболезненно воевать с кем-нибудь. У нее слабое сердце. Я не хочу, чтобы она свела себя в могилу этой тяжбой. Упрямая дурочка!

Мисс Прю в сердцах отбросила вереск в сторону.

– Чем же я могу помочь? – напрямик спросила Эмма Норидж.

– Поговорите с ней, дорогая. – Аманда умоляюще взглянула на нее. – Вы рассудительный человек, и к тому же не из местных. У вас нет личной заинтересованности в исходе дела. Надеюсь, она к вам прислушается.

Надежды мисс Прю не оправдались. Маленькая вдова викария, распухшая от слез, отказалась разговаривать, едва услышала, зачем они пришли.

– Я никогда не прощу его, Аманда, – всхлипнула она. – У меня никого не было, кроме Белки, Жужу и Лотты.

– Ну что ты говоришь, родная! – Мисс Прю прижала руки к сердцу. – У тебя есть я.

Но Молли не слушала.

– Они прибежали ко мне по утрам, лизали мне ладони. Они понимали каждое мое слово!

Из глаз ее снова хлынули слезы.

– За что их убили? Мои собаки не обидели бы даже лягушку! Разве что Белка могла пошалить, гоняясь за птицами на лугу. Но зато никто не слышал от нее пустого лая. Она была молчаливой, моя умница, и такой сообразительной, что я диву давалась. Научилась поддевать щеколду носом и приносить мне тапочки...

Вдова викария стерла слезы с лица, не снимая перчаток, в которых полола сорняки. По ее пухлым щекам размазалась земля.

– А все Финч! Он хотел смерти моим собакам!

– Это вполне объяснимо, – заметила миссис Норидж.

Молли Питипэт гневно уставилась на нее.

– Да как вы смеете!

– Ваши любимицы едва не загрызли его дочь, – спокойно сказала гувернантка, взирая на собеседницу сверху вниз. – И это ваша вина. Вы не позаботились о том, чтобы дети могли без опаски ходить мимо вашего

дома.

Вместо того, чтобы взорваться, Молли сникла. Лицо ее побледнело. Это было видно даже под размазанной грязью.

– Вы правы, – тихо сказала она. – И Финч был бы прав, если бы тогда расправился с ними. Но – тогда, понимаете? Сразу! Зачем же было ждать полгода, пока я привяжусь к ним так сильно?

Она уткнулась в плечо Аманде и заплакала.

Когда они вышли, ветер усилился.

– Простите, моя дорогая, – сокрушенно сказала мисс Прю. Она выглядела постаревшей и очень уставшей. – Я зря втянула вас в это дело.

Миссис Норидж, казалось, не услышала ее.

– Где две другие собаки? – спросила она саму себя.

– Что?

Гувернантка обернулась к ней.

– Куда пропали две другие собаки? Миссис Питипэт нашла перерезанные веревки – значит, их увели, всех троих. Одну убили и бросили на видном месте. Если хотели побольнее уколоть вашу подругу, отчего же не подбросили всех?

Мисс Прю ахнула:

– Вы полагаете, нам нужно ждать появления следующего собачьего трупа?

Миссис Норидж пожала плечами.

Аманда судорожно сжала кулаки и быстро направилась вниз по тропе. Но, пройдя десять шагов, развернулась и с той же решительностью пошла обратно.

– Это гадко, гадко! – взволнованно бросила она. – Что за человек может проделывать такие вещи? Я могу понять убийство собак, хотя и не оправдываю его, конечно. Но издеваться над пожилой женщиной, которая оплакивает своих питомцев! Нет, невысказано!

На ее щеках запылал болезненный румянец.

– Мисс Прю, вам нельзя так волноваться.

– Но я не могу не переживать, – воскликнула Аманда. – Пусть Молли неразумна, пусть она упряма и даже глупа, но она – моя единственная подруга. Если ей подбросят еще и труп Жужу или Лотты, она сойдет с ума. Молли их любит, любит, понимаете вы? Господи, кого еще ей любить!

Мисс Прю отвернулась, глотая слезы. Что она пытается объяснить этой вечно невозмутимой миссис Норидж? Должно быть, гувернантка из тех людей, для которых смерть собаки – всего лишь повод завести новую.

Если бы в эту секунду Аманда Прю обернулась, она бы увидела на лице Эммы Норидж выражение, которое крайне редко появлялось на нем.

Эмма смотрела на нее с состраданием.

Но когда она заговорила, ее голос звучал ровно.

– Я хочу поговорить с Финчем. Составите мне компанию, мисс Прю?

– Зачем он вам?

Миссис Норидж не ответила. Внутренний голос подсказывал ей, что с этим похищением собак все не так просто, как кажется на первый взгляд. А своему внутреннему голосу она привыкла доверять больше, чем всем голосам вокруг, вместе взятым.

Волны вереска перекатывались вокруг серых валунов. Словно киты, выпрыгивающие из бурлящей воды, старые камни поднимались из земли.

На другой стороне дороги вересковое буйство сменялось геометрическим порядком: длинные полосы темно-зеленых грядок чередовались с идеально ровными дорожками. Чуть дальше виднелся золотистый лоскут овсяного поля.

– Это владения мистера Рейли, – пояснила мисс Прю. – Здесь он выращивает клубнику.

– Собаки миссис Питипэт не загоняли его на дерево?

Аманда улыбнулась:

– Мало какое дерево выдержит Питера Рейли. Да вы и сами увидите. Вон он!

К ним приближался лысый мужчина в твидовой куртке. Он напоминал Шалтая-Болтая. Его объемный живот колыхался при каждом шаге.

Миссис Норидж приложила ладонь козырьком к глазам.

– Кто это там за ним?

Аманда пригляделась.

– А, так это Джонатан Белл.

– Тот самый?

– Да, бродяга. Как ни удивительно, из него единственного вышел толк. Протрезвев, он приполз к Питеру и упросил дать ему работу. Молли настаивала на том, чтобы его уpekли за решетку, но Рейли взял смутьяна на поруки. С тех пор Белл работает на его земле.

– Настаивала, чтобы уpekли за решетку? – повторила миссис Норидж.

Питер Рейли приблизился к ним и отвесил на удивление грациозный поклон.

– Мисс Прю! Рад видеть вас.

Пока Аманда представляла их друг другу, миссис Норидж

рассматривала Питера Рейли. Перед ней стоял полнокровный, жизнерадостный человек. Но, кажется, он чем-то смущен и пытается это скрыть.

– Я навещала Молли, – сказала мисс Прю – Она страшно расстроена.

– Да, большое огорчение для миссис Питипэт, – сдержанно отозвался фермер.

– А по мне, так пусть бы все здешние псы передохли!

Все трое обернулись на грубый голос.

Высоченный рыжий детина с неопрятной щетиной на лице стоял в десяти шагах от них. В голубых глазах играла насмешка.

– Когда я свалил от вашей тухлой святоши, парочка каких-то дворняг тащилась за мной до самого кабака. Одна из них вцепилась мне в зад, что твой клещ. Еле оторвал! Надеюсь, она-то и окочурилась.

– Джонатан! – возмутился Питер Рейли.

– Да бросьте, хозяин. Все мы знаем, что Питипэт – слегка того. Она, должно быть, и псам читала мораль! А после этого один пес пошел да застрелился. Гореть ему теперь в аду.

Белл просунул большие пальцы в карманы штанов и издевательски подмигнул миссис Норидж.

– Я вижу, старания Молли изначально были обречены, – сухо сказала Аманда. – Милосердие не по вашей части.

– Видал я ваше милосердие в том самом месте, откуда паршивая тварь вырвала кусок моей драгоценной плоти!

– Джонатан!

– Ничего, мистер Рейли, – успокоила его мисс Прю. – Может быть, расправа с собаками – это дело рук вашего помощника?

– Может, и моих, – ухмыльнулся верзила. – Может, я стащил у хозяина двустволку и зарядил этому кобелю между глаз, а потом перетащил его сюда. Нашли-то его на этой дороге.

– Джонатан, замолчи! – обрушился на него побагровевший фермер. – Еще одно слово – и я ищу себе другого работника!

Аманда вскинула голову, собираясь сказать что-то резкое. Но не успела.

– Люди вашего образа жизни часто имеют дело с собаками, мистер Белл.

Эту фразу миссис Норидж уронила словно невзначай. Но после нее воцарилось напряженное молчание.

– Я хочу сказать, никто не разбирается в собаках лучше человека, на которого их часто спускают, – развила она свою мысль.

Рыжий бродяга нахмурился.

– К чему это вы клоните, мэм?

– Ваша клубника, мистер Рейли... – Гувернантка повернулась к фермеру. – Она растет на земле викария, не правда ли?

Питер Рейли вздрогнул и отступил назад.

– Мистер Питипэт скупал небольшие участки в разных местах, – сказала Аманда Прю, про себя удивляясь осведомленности миссис Норидж.

– Но его вдова не выращивает ничего, кроме цветов, – кивнула та. – Солнечное здесь место. Как раз подходящее для клубники.

– Ну, иначе я бы не взялся разводить ее, – неуклюже пошутил фермер.

– Нам пора идти. – Аманда улыбнулась покрасневшему толстяку. – Приятно было повидаться, мистер Рейли.

– И мне тоже, мисс Прю, и мне тоже...

Когда две женщины отошли, фермер вытер вспотевший лоб.

– Э-э! Так я не понял, мэм, что с собаками? – крикнул им вслед рыжий бродяга.

– Не связывайся ты с ней, – страдальчески пробормотал Питер.

Но было поздно.

– Видите ли, мистер Белл, – голос гувернантки донесся до них отчетливо, несмотря на разделявшее их расстояние, – я сомневаюсь, что при перечисленных обстоятельствах вы могли бы спутать суку с кобелем.

Юджин Финч вышел из сарая и сразу наткнулся взглядом на Энни. Девочка сидела на земле и тарасилась перед собой, мусоля во рту грязный палец. Судя по вьевшейся черной кайме вокруг губ, она сидела так уже долго.

Финч выругался сквозь зубы. Все равно она его не слышит. Ударь сейчас рядом с ней в колокол – даже не вздрогнет.

Что он только ни делал, чтобы расшевелить ее. Перепробовал все, от шлепков до уговоров. Но толку никакого.

Одно время старуха Прю повадилась таскаться к ним. Она возилась с малышкой, и дело вроде бы понемногу пошло на лад. Но после того случая он послал ее к черту. Так прямо и сказал – пусть проваливает, иначе он за себя не отвечает. Где она была раньше, когда ее ненормальная подруга устроила дома собачий приют? Вот то-то же. Значит, в том, что случилось, есть и ее вина.

Он все-таки позвал, не надеясь ни на что:

– Энни!

Девчонка даже головы не подняла. Финч сплюнул и пошел в дом.

Когда он поднялся на крыльцо, в глаза ему бросились две фигурки, медленно приближающиеся со стороны холмов. Одна – высокая и худая. Вторая – едва достающая ей до плеча и круглая, как булочка.

Стоило подумать о старухе Прю, как она легка на помине.

– Энни всегда была странной девочкой, – говорила Аманда, пока они шли через поле. – Диковатой, я бы сказала. После смерти матери она совсем замкнулась. А Финч был слишком убит горем, чтобы помочь ей.

– Он любил жену?

– Очень. И Милисент была счастлива с ним. Я часто видела, как они гуляли среди вереска рука об руку. Мне до сих пор иногда кажется, что я вижу ее здесь. Она идет, высокая, красивая, а в ее волосы вплетены лиловые цветы. Финч как-то сказал, что его жена до сих пор с ним. И я понимаю, о чем он.

Мисс Прю тяжело вздохнула.

– У Финча ведь есть и старшая дочь? – спросила миссис Норидж, чтобы отвлечь ее от грустных мыслей.

– Да, Лора. Славная девушка. Отец охраняет ее, как цербер.

– От кого же?

– От всех подряд. У Питипэт сейчас живет художник по имени Дэвид. Он снимал комнату в городе, но это стало ему не по карману, и до конца лета она разрешила ему поселиться в пристройке для слуг.

– Без всякой платы?

– Чтобы Молли брала с кого-нибудь деньги? Да раньше эти валуны уйдут со своих мест! Но Дэвид в благодарность брал ее собак на дальние прогулки. Ах да, и еще он написал ее портрет. Очень хороший, поверьте.

– Вот как? – заинтересовалась миссис Норидж. – Любопытно было бы взглянуть.

– Мы можем зайти к ним на обратном пути. Дэвид, наверное, к тому времени уже вернется. Раньше он приходил работать сюда, но Финч вбил себе в голову, что его интересуют не вереск и камни, а Лора.

– Так оно и было?

Аманда рассмеялась.

– Дэвид целиком погружен в свои картины. Не думаю, что он вообще догадывался о ее существовании. Но Финч гнал его отсюда до самой дороги, ругаясь, как сапожник. Хорошая иллюстрация к портрету человека, к которому вы меня так уверенно ведете, не правда ли?

– Ну, чтобы прогнать нас с вами, мисс Прю, одной ругани недостаточно.

- Нет, если к ней не добавляются выстрелы.
 - Мистер Финч не будет в нас стрелять, – успокоила ее гувернантка.
 - Конечно нет! – быстро согласилась мисс Прю.
- Но уверенности в ее голосе не было.

Юджин Финч ждал их у ворот – коренастый мужчина с тяжелым подбородком и глубоко посаженными черными глазами. Тратить время на приветствия он счел лишним.

- Зачем вас черти принесли?
- И вам доброго дня, – пожелала мисс Прю.

Руки фермера были скрещены на груди, и это придало ей уверенности. Все-таки ружье у одного из собеседников всегда накладывает на другого некоторые ограничения.

– Здравствуйте, мистер Финч, – миссис Норидж выступила вперед. – Мы хотели бы поговорить.

- Вот еще! С какой стати мне чесать с вами языком?

Калитка за его спиной приоткрылась. В щель высунулась чумазая мордашка.

- Энни! – радостно воскликнула мисс Прю.

- А ну, живо домой, – приказал фермер.

Девочка не ответила ни отцу, ни Аманде. Большими темными глазами она смотрела на предмет, который протягивала ей миссис Норидж.

Никто не заметил, когда гувернантка успела достать его. Деревянный барашек на колесиках появился в ее руках как по волшебству.

Девочка разомкнула губы.

- Можно взять? – прошелестела она, не отрывая взгляда от игрушки.

- Вы окажете мне любезность, – учтиво сказала миссис Норидж.

Маленькая грязная ручка, вся в цыпках, потянулась к барашку. Миг – и девочка уже мчалась прочь, прижимая его к себе.

– Она стесняется благодарить, – пробурчал фермер, глядя ей вслед. Короткая улыбка, полная тоскливой нежности, промелькнула на его лице и пропала. – Ну, меня-то вы не задобрите игрушками. Выкладывайте, что вам надо, и проваливайте.

Не сводя глаз с его лица, миссис Норидж сказала:

- У Молли Питипэт пропали ее собаки...

- Туда им и дорога! – перебил фермер. – Да и самой Питипэт.

- Мистер Финч! – возмутилась Аманда.

– Я человек простой, говорю то, что думаю. А думаю я, что Питипэт это заслужила.

Миссис Норидж заглянула в приоткрытую калитку.

– Не желаете ли полюбоваться свежей грязью, мэм? – издевательски предложил Финч, глядя, как она поводит туда-сюда длинным носом.

Он был уверен, что костлявая дылда презрительно откажется. Все гувернантки спесивы, как индюшки.

Но миссис Норидж кивнула:

– С удовольствием.

Не дожидаясь, пока он остановит ее, она прошла во двор. Аманда неуверенно последовала за ней, и Финчу ничего не оставалось, как тащиться следом.

«До чего глупо вышло, – думал он. – Какого черта они оказались здесь, когда я собирался сразу отшить их? А вместо этого зачем-то сам предложил зайти».

Юджин ссутулился у забора. Миссис Норидж обошла двор, то и дело останавливаясь, будто рассматривала экспонаты в музее. Старая конура особенно заинтересовала ее: она присела и даже стащила перчатку с руки, чтобы потрогать давным-давно сгнившие доски пола.

– Я заметила, мистер Финч, что у вас нет собак. – Она выпрямилась и натянула перчатку. – Странно для фермера.

– Ничего странного, – отрезал Юджин. – Был Волчок, да помер от тоски, когда жена скончалась. А новых заводить – только Энни пугать. Никаких псов здесь больше не будет. У меня самого чутье не хуже собачьего. Когда этот прыщавый паршивец вздумал ухлестывать за Лорой, я гнал его пинками добрую милю. Сразу почувствовал, что он за тип.

Финч бросил свирепый взгляд на мисс Прю.

– Вы совершенно напрасно обвинили бедного юношу... – начала та.

– Напрасно? Еще чуть-чуть, и Лора принесла бы в подоле.

– Вы преувели...

– В глазах белеет, как подумаю, что нога этого гаденыша оскверняла мое вересковое поле!

– Боже мой, мистер Финч, это всего лишь земля. Как можно осквернить камень и вереск?

– А вот тут вы ошибаетесь... – начал фермер, но осекся на полуслове.

Сухой голос гувернантки отвлек его от Аманды.

– Миссис Питипэт уверена, что это вы убили ее собак.

– А мне плевать!

– Она права?

Финч отлепился от забора и сделал шаг к гувернантке.

– Слушайте, вы, дамочка с длинным носом! С чего это вы взяли, что я

стану разговаривать с вами?

– Но ведь вы уже разговариваете, – заметила она, рассматривая его с доброжелательным интересом.

– Вот и хватит с вас! Всего хорошего.

– Вы не ответили на мой вопрос.

– И не собираюсь.

К его удивлению, миссис Норидж удовлетворенно кивнула.

– Что ж, это тоже ответ. Благодарю вас, мистер Финч.

Она проследовала к калитке, держа спину так ровно, что он и сам непроизвольно выпрямился. Проходя мимо поленницы, сказала, не поворачивая головы:

– Приятно было познакомиться, мисс Энни.

Ответом ей было мышинное шуршание.

Когда они отошли от фермы, миссис Норидж вдруг спохватилась:

– Я кое-что забыла спросить у этого человека. Мисс Прю, не подождете ли меня здесь?

Пожилая женщина, которой очень не хотелось возвращаться обратно, заверила, что она будет только рада подождать.

Финч возился с засовом ворот, когда его окликнули. Он обернулся, и лицо его вытянулось.

– Что, опять вы?!

– Мне нужно было кое-что сообщить вам без Аманды, – напрямик сказала она.

– Да какого черта...

– Час назад мы с ней спускались с холмов, и она очень устала.

– А мне-то что до этого? – рявкнул фермер.

– Ей пришлось отдыхать через каждые десять минут неспешной прогулки, – продолжала гувернантка. – А ведь мисс Прю всего шестьдесят два года.

Юджин уставился на нее. Миссис Норидж посмотрела на маленькую фигурку вдалеке, и голос ее был совсем невыразительным, когда она сказала:

– Ее быстрая утомляемость в сочетании с участившимися визитами доктора может говорить только об одном. Поэтому я хочу, чтобы вы кое-что усвоили.

Она перевела взгляд на фермера:

– Вы больше никогда не станете обижать Аманду Прю.

Наступила тишина. В этой тишине было слышно, как перекачиваются,

шелестя, сухие волны вереска и звонко стучит по поленнице деревянный барашек.

Несколько очень долгих секунд Юджин Финч молча смотрел в серые глаза миссис Норидж.

– Я не знал... – выдавил он наконец.

Миссис Норидж тщательно расправила завернувшийся край перчатки.

– Мисс Прю любит общаться с вашей дочерью. Я надеюсь, вы снова разрешите ей приходить к вам.

– Не могу. Она не остановила Питипэт, когда та...

– Аманда пыталась, – прервала его гувернантка. – Не ее вина, что к ней не прислушались. Не лишайте их обеих этой радости. Тем более что для одной из них она будет недолгой.

Финч смотрел перед собой застывшим взглядом. Перед его глазами встало лицо жены. *«Она все время устает, доктор. Даже посуду помыть уже не может. – Боюсь, Финч, мы здесь бессильны. Мне очень жаль».*

– Мне очень жаль, – медленно проговорил он.

– Так вы разрешите ей?

Он кивнул.

– Благодарю вас за понимание, мистер Финч, – церемонно сказала миссис Норидж.

– О чем вы говорили с ним, дорогая? – любопытствовала мисс Прю.

Миссис Норидж не любила врать.

– Попросила его сделать мне небольшое одолжение.

– Не сомневаюсь, что он отказал. Таких людей, как этот Финч, ничем не пронять.

Голубые гортензии второй раз поклонились им. И вслед за ними поклонился худощавый, плохо одетый юноша с некрасивым простоватым лицом. На щеках у него были ямки от оспин.

– О, мисс Прю!

– Дэвид! Как удачно, что мы вас застали. Миссис Норидж хотела взглянуть на ваши работы. Вы не против?

– Что вы, я буду только рад.

В пристройке остро пахло масляной краской. Вдоль стен стояли холсты, небрежно прислоненные друг к другу.

– Работы далеки от совершенства, – художник смущенно улыбнулся. – Я только учусь.

Гувернантка кивнула, соглашаясь с его оценкой. Аманда Прю

рассмеялась:

– Боюсь, от миссис Норидж вы не дождетесь комплиментов.

– Вы же знаете, критикой меня не обидеть.

– Ну, от меня-то вы ее точно не услышите. Мне по душе ваши пейзажи.

Миссис Норидж двинулась вдоль стены, пристально рассматривая каждую картину. Она словно что-то выискивала. «Но что можно найти в этих однообразных видах, – подумала Аманда. – Везде одно и то же – вересковые пустоши да седые валуны, выписанные крупными мазками».

– Когда я пытался подарить миссис Питипэт одну из этих работ, она сказала, что с таким же успехом может размазать по стене горсть натертой свеклы.

– Ох, Дэвид, она ничего не понимает в живописи!

– И в свекле, – заметила миссис Норидж. – У свеклы совершенно другой оттенок.

Художник с мисс Прю переглянулись и приснули.

– А что здесь?

Гувернантка кивнула на краешек картины, закрытой карандашным эскизом.

– А, это... Баловался с автопортретом.

Дэвид небрежно вытащил холст и водрузил на подрамник.

Миссис Норидж наклонила голову. Аманда Прю безуспешно постаралась сдержать улыбку.

Дэвид изобразил себя в образе Робин Гуда. Полный благородства взор устремлен вдаль, рука сжимает колчан со стрелами. В отличие от самого художника, изображенный на картине юноша не имел ни оспин, ни оттопыренных ушей. Широкие плечи и куда более волевой, чем у оригинала, подбородок завершали образ.

При всем том сходство было неоспоримым. Так мог бы выглядеть брат-близнец Дэвида.

– Портреты удаются вам лучше, чем пейзажи, – констатировала гувернантка.

Не говоря ни слова, художник поставил перед ней вторую картину и отошел в сторону.

– Намного лучше... – повторила явно удивленная миссис Норидж.

Портрет был убийственно точен. Молли Питипэт смотрела с него как живая – нелепая, слегка неряшливая. В линии губ читалось упрямство, в глазах горел огонь самопожертвования во славу ближнего

Внизу были нарисованы садовые инструменты: лопаты, лейка, грабли

и пара ножниц.

– Миссис Питипэт повесит его в гостиной, когда я подберу подходящую раму, – гордо сказал Дэвид.

Они вышли в сад.

– Что вы думаете об этой ужасной истории с собаками Молли? – спросила Аманда.

Дэвид развел руками:

– Не знаю, что сказать вам, мисс Прю. У меня нет никаких предположений.

– И вы ничего не видели в этот день?

– Я ушел с утра и вернулся даже позже миссис Питипэт. Она-то уверена, что это Финч.

– А вы?

Дэвид помялся.

– С одной стороны, так и подмывает сказать, что это он. Не слишком большое удовольствие удирать от этого дикаря, рискуя сломать ноги или мольберт. Но с другой стороны, я мало что знаю о нем, кроме того, что он быстро бегаёт и громко кричит. Боюсь, только в одном я уверен – бедных дворняг мы больше не увидим.

Юноша вернулся в мастерскую, а две дамы вышли за ограду. Аманда Прю опустилась на скамейку.

– Безнадёжное дело, – устало сказала она. – Простите, что втянула вас в него. Я думаю, что все-таки это Финч. Вы видели конуру у него во дворе? Там он и держал кого-то из несчастных собак.

Миссис Норидж стояла, сложив пальцы в замок, и следила взглядом за пятнами тени от облаков, бегущими по склону холма. Они были похожи на собачью стаю, радостно скачущую через овраги. Казалось, она полностью погрузилась в себя.

Но когда мисс Прю уже решила, что ответа не получит, гувернантка вышла из задумчивости.

– В этой конуре уже два года не появлялся ни один пес.

– Что? А зачем же она там стоит?

– Для маленькой Энни, разумеется. Девочка любит укрытия. На дне конуры валяются ленточки – она часто играет там.

И, помолчав, добавила:

– Вы были правы в одном – это действительно гадкое дело.

Что-то в ее тоне заставило Аманду медленно подняться.

– Сядьте, мисс Прю, – мягко попросила гувернантка.

Ей пришлось повторить, прежде чем та послушалась.

– Финч мог и не держать собак в конуре, – после долгого молчания сказала мисс Прю.

– Мог, – согласилась миссис Норидж.

– Если подумать, ему вовсе незачем было это делать.

– Если подумать, то незачем, – согласилась миссис Норидж.

– Разумнее было бы убить их на задворках, а трупы спрятать до поры до времени.

– Гораздо разумнее, – согласилась миссис Норидж.

– Он так и поступил, чтобы отомстить Молли.

– Нет, – сказала миссис Норидж.

Мисс Прю вскочила. Ветер тут же сорвал с нее шляпку и перебросил через изгородь.

– Миссис Норидж!

Гувернантка сняла шляпку с кустов и отряхнула от листьев.

– Держите ее крепче, мисс Прю.

Аманда отмахнулась:

– К черту шляпу! Вы что-то узнали?

– Я узнала то же, что и вы. Что убитую собаку звали Белкой, что она была сообразительна и любила охотиться на птиц, что мистер Рэйли выращивает отличную клубнику и что Джонатан Белл не чужд благодарности.

Она немного подумала:

– Ах, да! Самое главное – что собака не лаяла.

Тут Аманда Прю нарушила первое правило благовоспитанности, которому ее учили с пяти лет. Она открыла рот от изумления и долго не закрывала его.

– Господи, вы же не серьезно... – выдавила она наконец. – Ну какое значение имеет кличка собаки?!

– Очень большое, – незамедлительно возразила гувернантка. – Я тоже не сразу это поняла. Жужу и Лотта смутили меня. Я искала закономерность там, где ее нет. Мне следовало учесть характер миссис Питипэт.

Аманда схватилась за виски.

– Ради бога! – взмолилась она. – При чем здесь ее характер?!

Миссис Норидж, казалось, была удивлена ее вопросом.

– При том, что она назвала своих собак как бог на душу положит. Не в честь героев греческих мифов или литературных персонажей. А просто первыми попавшимися именами, которые казались ей подходящими.

– И что же это значит?

– Это значит, – веско сказала миссис Норидж, – что Белка, несомненно, была рыжей.

Аманда Прю решила, что ей все-таки лучше сесть.

– И это все? Вы могли бы спросить меня! Да, Белка рыжая и пушистая, а две другие – пегие и короткошерстные. Ну и что?

Гувернантка пожала плечами в знак того, что остальное очевидно.

– Рыжая собака бежит среди зеленых грядок, – сказала она. – В зубах у нее курица, которую она ловко придушила в чужом сарае. Хитрая собака легко проникла в курятник, и она не лаяла, когда выбрала жертву. Что видит мистер Рейли, владелец курицы, выйдя из дома?

– Он видит рыжую собаку с курицей среди зеленых грядок, – послушно повторила Аманда.

Миссис Норидж потеряла терпение:

– Разумеется, нет! Он видит лисицу!

Лицо мисс Прю отразило несколько стадий – от изумления до понимания и обратно к изумлению.

– Бог ты мой... – Она посмотрела на гувернантку широко раскрытыми глазами. – Он ее застрелил!

– Ну конечно, он ее застрелил. А когда увидел, что наделал, перепугался до смерти. Его клубника растет на одном из участков миссис Питипэт. Что сделает вдова викария, узнав, кем убита ее любимая собака?

– Отберет у него землю! – догадалась Аманда. – Ведь она уже пыталась однажды так поступить с Финчем.

– Вот именно. Поэтому мистер Рейли, проклиная свою меткость, тащит труп дворняги к дороге – куда угодно, лишь бы подальше от своего участка.

– Он бросил собаку и удрал?

– Не слишком порядочно, – согласилась миссис Норидж. – Но его можно понять.

Аманда в волнении смяла поля своей шляпы.

– Питер... – ошеломленно пробормотала она. – Кто бы мог подумать!

– Джонатан Белл пытался помочь хозяину и взять вину на себя. Впрочем, довольно неуклюже. Он не видел собаку, это было ясно сразу.

Мисс Прю больше не в силах была сидеть. Она встала, сделала несколько шагов вдоль изгороди, терзая многострадальную шляпу.

И тут спохватилась:

– Пойдите, миссис Норидж! А две другие собаки?

Миссис Норидж помрачнела.

– К сожалению, с ними дело обстоит куда хуже.

– Хуже? – оторопела Аманда. – Хуже, чем быть пристреленными? Вы меня пугаете.

Гувернантка покачала головой:

– Я имела в виду не их, а человека, задумавшего это отвратительное дело.

– Питера Рейли?

– Питер Рейли совершил ошибку. Вполне простительную, учитывая все обстоятельства. Но тот, кто увел собак, хотел совершить настоящее преступление.

– И вы знаете, кто он? – Мисс Прю подалась к ней.

– Разумеется.

Аманда припомнила весь их сегодняшний день, шаг за шагом. Нет, ни одной подсказки.

Она сдалась:

– Откуда вы это знаете?

– Мне помогли картины. Я догадывалась и раньше, но когда увидела их своими глазами, все стало ясно.

Дэвид стоял у окна, засучив рукава, и отмывал палитру.

– А, миссис Норидж! – приветливо сказал он, повернувшись на стук. – Я думал, вы уже ушли.

– Мне пришлось вернуться, чтобы поблагодарить вас.

– За что? Только не говорите, что за картины! – Он рассмеялся. – Я же видел, что вы от них не в восторге.

– Именно за них. Благодаря вашей живописи я поняла, кто и зачем расправился с собаками миссис Питипэт.

Юноша отложил палитру в сторону.

– И кто же? – удивленно спросил он.

– Вы, Дэвид.

Он озадаченно смотрел на нее. Улыбка из добродушной стала недоверчивой.

– Я что-то не расслышал. Вы только что сказали, что я убил собак?

– Верно расслышали.

Он неловко рассмеялся:

– Вы же это не всерьез, а?

Миссис Норидж скрестила руки на груди. Она молча рассматривала его, и под взглядом холодных серых глаз художник вдруг занервничал.

– Слушайте, перестаньте! Думаете, я признаюсь?

Гувернантка не ответила.

– Я Белку пальцем не тронул!

– Белку – нет, – сухо сказала миссис Норидж. – Но вы отрезали веревки, едва только Молли ушла, и увели собак из дома. Одна из них сбежала по дороге. Вы косвенно виноваты в ее гибели.

– Ничего подобного!

– И напрямую – в страданиях миссис Питипэт.

– Какой-то бред, честное слово...

Молодой человек сердито одернул рукава и отошел от окна в дальний угол, куда не падали солнечные лучи.

– Можете не прятаться в тень, Дэвид. Мне не нужно видеть ваше лицо, чтобы понять, что преступник именно вы.

– Да вы сумасшедшая!

– Мы оба в здравом рассудке.

– Преступник, скажете тоже...

– А вы думали, что совершаете обычную шалость?

– Ничего я не думал, – возразил он. – Клянусь вам, миссис Норидж, вы меня с кем-то перепутали!

– Миссис Питипэт посоветовала бы вам не добавлять к своим грехам клятвопреступление. Я же просто скажу – перестаньте лгать.

– Да зачем бы мне это понадобилось? Уводить собак, убивать их... Я же не Финч!

Теперь его голос звучал растерянно.

– Вы – жертва Финча, – ответила миссис Норидж. – Это куда хуже.

– Что за чушь!

– Вы приставали к его дочери, Дэвид. Такие юноши, как вы, не пользуются успехом у девушек, но постоянно о них думают. Вы нарочно приходили на вересковую пустошь, чтобы дожидаться, пока Лора пройдет мимо.

– Слушайте, уходите, прошу вас! Оставьте меня в покое.

Миссис Норидж не двинулась с места.

– Она неопытная скромная девушка. Дело могло бы кончиться плохо – для нее, не для вас. Но тут вмешался ее отец. Таких, как Юджин Финч, вам не провести, Дэвид.

– Да замолчите же вы!

– Он гнал вас, точно кролика. Очень унижительно! После этого и надеяться нельзя было, как вы говорите, *подкатить*к девушке. Но дело, конечно, не в ней. Вас оскорбили, унизили, и об этом стало известно всем. А ведь вы очень самолюбивы, Дэвид. Достаточно посмотреть на ваш автопортрет, чтобы это понять.

Миссис Норидж обежала взглядом холсты и заключила:

– Тогда-то вы и решили отомстить.

Она подождала, не возразят ли ей. Но Дэвид забился в угол и молчал.

– Вы украли любимиц миссис Питипэт, – сказала миссис Норидж, – и спрятали где-то в холмах. Вам нужно было дождаться подходящего момента, чтобы зарыть их трупы на участке Финча. У самого Юджина собак нет, так что быть застигнутым вам не грозило. Потом вы изобрели бы какой-нибудь простой предлог для раскопок.

Приоткрытая створка окна вдруг громко хлопнула от сквозняка. Миссис Норидж даже не взглянула на нее.

– Финч мог оправдываться хоть до конца жизни. Молли отправилась бы в суд и отобрала у него землю.

Из угла донесся смешок:

– Подумаешь! Там все равно ничего не растет.

– Не прикидывайтесь простаком, Дэвид. Вы же умный юноша.

– Вот уж спасибо.

– От кого вы узнали, что Милисент Финч похоронена на вересковой пустоши? Лора проговорилась?

Дэвид прошипел что-то нечленораздельное. Миссис Норидж разобрала только «старая ищейка».

Она пожала плечами:

– Чтобы догадаться, хороший нюх не требуется. Достаточно сопоставить факты. Мистер Финч не стал расчищать участок, как сделал бы на его месте любой рачительный хозяин. В разговоре с мисс Прю он проговорился, что там есть еще кое-что, кроме камней, и сказал, что его жена осталась с ним. Не сомневаюсь, что на городском кладбище – пустая могила, а прах Милисент покоится среди валунов и вереска. Узнав об этом от доверчивой девушки, вы придумали хитрую месть – отобрать у Финча землю. Ведь захоронение незаконно, и Юджин Финч не смог бы никому рассказать о том, почему для него так важна вересковая пустошь.

Миссис Норидж смолкла.

А затем тишину нарушили неторопливые шаги.

Дэвид вышел из своего угла и прислонился к стене напротив нее. Губы по-прежнему были сложены в подобие улыбки. Но выражение глаз изменилось. Теперь он казался старше, а от притворного дружелюбия не осталось и следа.

– Что ж, – улыбка стала шире, – хоть кто-то оценил мой замысел. После суда я бы убедил Питипэт запретить ему даже близко подходить к пустоши. Неплохо придумано, а, миссис Норидж?

– Слишком жестоко.
– Финч другого не заслуживает. Свирепый дурень!
– Вы приставали к его дочери.
– А он обозвал меня прыщавым юнцом. – Лицо Дэвида исказила гримаса. – Думал, я не смогу ему врезать как следует. Ха!
– Вы и не сможете, он слишком силен.
– Это фигуральное выражение. Не думаете же вы, что я буду с ним драться!

Миссис Норидж отрицательно покачала головой:

– Нет, на драку вы не способны. В этом-то и беда таких, как вы.
– Таких, как я? – Он зло прищурился. – Некрасивых, да? Не имеющих лишнего фунта в кармане?

– Трусов, Дэвид.

Он сжал кулаки, словно собираясь ударить ее.

– Трусы всегда жестоки, – с сожалением сказала миссис Норидж. – Молли дала вам кров, и чем вы ей отплатили?

Дэвид огляделся вокруг и вдруг расхохотался:

– Как чем? Прекрасным портретом! Ха-ха! И попробуйте что-нибудь возразить на это!

Он так развеселился, что на глазах у него показались слезы.

– Нет, серьезно, миссис Норидж! Питипэт должна быть мне благодарна. Кстати, вы ведь говорили что-то о картинах?

– Лишь то, что спасибо за них должна сказать вам я, а не Молли.

– Это еще почему?

– Потому что они вас выдали.

Смех оборвался. Юноша бросил настороженный взгляд на холст, все еще стоявший на подрамнике. Затем снова заулыбался.

– Да ладно! Бросьте шутить.

– Я вовсе не шучу.

– И как же это произошло? Может, Молли с портрета что-то нашептала вам, а?

Дэвид издевательски приложил ладонь к уху и сделал вид, что прислушивается:

– Что вы там бормочете, Питипэт?

– Она говорит, что портрет плох.

Юноша пренебрежительно фыркнул:

– Да что вы понимаете! Он безупречен. Это лучшее, что я написал.

– И все-таки он плох, – бесстрастно повторила миссис Норидж.

Улыбка сползла с его лица.

– Это еще почему?

Гувернантка сделала несколько шагов вперед и остановилась перед картиной. Чем дальше она смотрела на нее, тем мрачнее становился художник.

– Когда я только увидела его, то подумала, что он убийственно точен, – медленно проговорила она.

– Так и есть!

– Но почти сразу поняла, что это не так. Ваш портрет всего лишь безжалостен. Вы изобразили только одну сторону миссис Питипэт.

– Я изобразил ее полностью, как есть! – резко возразил он.

– Нет. Вы показали ее нелепость, но не показали, что у нее доброе сердце. Вы не увидели, какой преданной и любящей она может быть. Как она страдает из-за своих ошибок. Как искренне хочет изменить мир к лучшему.

– Чушь!

– Вовсе нет. Вы знаете, при каких обстоятельствах они подружились с Амандой Прю?

– Какое это имеет значение?

– Аманда раздражила индюка, и он погнался за ней. А Молли отвлекла его, хотя сама ужасно боялась. Индюк догнал ее и ущипнул до крови. Питипэт всегда плохо бегала, и она знала, что ей достанется, когда бросилась к незнакомой визжащей девчонке. Но она все-таки сделала это.

– Какой героизм! – презрительно бросил Дэвид.

– Да, именно героизм. Вам никогда этого не понять, как бы вы ни старались. Вы изобразили себя героическим красавцем, а миссис Питипэт – уродливой глупой старухой. Однако правда состоит в том, что оба ваших портрета лживы.

Юноша посмотрел на картину, с которой улыбалась ему миссис Питипэт. Губы его зашевелились, но с них не сорвалось ни звука. И вдруг он подошел и одним ударом сбросил холст с подрамника.

Когда он повернулся к миссис Норидж, оспины ярко выделялись на побледневшем лице.

– Ладно, – хрипло проговорил он. – Ваша взяла. Ну и что? Увести собак – не такое уж большое преступление, что бы вы там ни твердили.

– Именно это вы скажете мистеру Финчу, – любезно предложила гувернантка.

– Что?!

– Я расскажу Юджину все, что знаю. А затем вы можете изложить ему свои взгляды. Если успеете, конечно.

Дэвид из бледного стал серым.

– Вы этого не сделаете!

– Сделаю, не сомневайтесь.

– Он меня убьет!

– Скорее дело ограничится тяжелыми увечьями, – успокоила миссис Норидж.

Юноша, шатаясь, подошел к стене и сел на грязный пол.

– У вас есть одна возможность избежать встречи с ним, – добавила гувернантка. – Если только вы сами себя ее не лишили.

...Заходящее солнце растеклось по вершушкам дальних холмов. Один из ручьев света пролился прямо в окно, и Молли Питипэт зажмурилась.

Последний час она бездумно ходила по комнатам, протирая пыль. В доме так чисто, что хоть ешь с пола, а она все никак не может остановиться.

Но что ей еще делать? Аманда исчезла, и даже Дэвид куда-то пропал, хотя он никогда не уходит по вечерам...

Скорее бы он вернулся. Невозможно выносить эту тишину.

Ветер донес издали собачий лай.

Миссис Питипэт замотала головой. Она то и дело слышала топот несуществующих собачьих лап у себя за спиной. А теперь еще и это!

Лай повторился.

Если так дело пойдет, ей придется пить эти новомодные таблетки, от которых становишься похожей на собственное чучело со стеклянными глазами. Зато у чучела не бывает галлюцинаций.

Лай стал громче. Теперь можно было отчетливо слышать, что гавкают на два голоса.

Молли узнала эти голоса.

Она выпустила из рук статуэтку, на которой давно не осталось ни единой пылинки. Статуэтка грохнулась об пол и разбилась. Но этих звуков мисс Питипэт уже не слышала. Она мчалась на улицу, а навстречу ей наперегонки неслись две пегие коротколапые дворняги, заливаясь счастливым лаем.

– Где он их прятал? – тихо спросила Аманда, глядя на обезумевших от радости собак и их хозяйку.

– В дальнем ущелье, куда ходил рисовать последнее время. Он успел отлично изучить все окрестности.

Миссис Норидж безуспешно пыталась стряхнуть с юбки клочья

собачьей шерсти.

– Я бы никогда не подумала на Дэвида, – призналась мисс Прю.

– А я сразу подумала именно на него. Из всех, кто имел дело с Молли Питипэт, он один вызвал у меня подозрения.

– Но почему, дорогая?!

Миссис Норидж наконец избавилась от последнего клочка и подняла глаза на Аманду.

– Он единственный из всех, кто видел от нее только добро. Ни за что другое люди не платят злом с такой охотой.

Четыре месяца спустя

– Ох, я не уверена, – простонала мисс Питипэт. – Аманда, нам точно нужно это делать?

– Мы должны хотя бы попробовать. – Мисс Прю укоризненно взглянула на подругу, хотя ее тоже терзали сомнения по поводу их затеи.

– Без Норидж я к нему и близко не подойду, – предупредила Молли.

Аманда оглянулась.

– Она уже здесь.

К дому они подошли втроем. Не обращая внимания на испуганные взгляды двух пожилых леди, миссис Норидж взялась за молоток и постучала.

Мисс Прю испытала горячее желание спрятаться за надежной спиной гувернантки. Судя по лицу Молли, ее одолевали похожие чувства. Но она лишь крепче прижала к себе корзинку.

– Добрый день... – начал Юджин Финч.

И тут заметил миссис Питипэт.

Фермер окаменел.

– Мистер Финч, – собравшись с духом, начала Молли. – Я бы хотела... Надеюсь, вы не поймете превратно... С лучшими намерениями...

Она сбилась и замолчала.

Напряжение, сковавшее их, достигло пика. Но вдруг край одеяла, закрывавшего корзинку, приподнялся. Черный нос высунулся наружу, а за ним показалась морда с лохматыми бровями.

Одеяло свалилось на землю. Щенок сел, лениво почесал за ухом и твякнул.

На этот звук из старой конуры вылетело что-то маленькое, со спутанными волосами и грязными коленками. Едва не уронив миссис

Питипэт, оно закружилось вокруг, отчаянно выплясывая босыми ногами.

– Энни!

Но девочка уже держала щенка на руках.

Прижимая его к себе, она пронеслась по двору и снова нырнула в конуру. Спустя секунду оттуда донеслись возня, приглушенное тьяканье и тихий смех.

Первый раз в жизни Аманда Прю увидела на лице Юджина Финча беспомощное выражение. Он огляделся, словно не понимая, что ему делать, и задержал взгляд на миссис Норидж.

С этого момента мисс Прю полностью успокоилась. Она знала, что Эмма всегда найдет правильные слова.

И так оно и произошло.

– Его зовут Даски, – сообщила гувернантка. – Рада, что теперь он в надежных руках, мистер Финч.

На обратном пути Молли болтала не переставая.

– ...дети! Милые малютки! Как я раньше об этом не подумала! Я могла бы открыть у себя небольшой приют. Если освободить дальнюю комнату, там поместится пять кроваток, а если убрать шкаф, то даже шесть...

Гувернантка немного отстала. Аманда тоже задержала шаг, и некоторое время они слушали, как голос Молли Питипэт стихает в отдалении.

– О чем вы думаете, дорогая? – спросила мисс Прю, глядя вслед подруге.

– О том, что кое-что на портрете Дэвида было очень верно.

– И что же это?

– Грабли, разумеется, – сказала миссис Норидж.

Кто убийца, миссис Норидж?

– Чуть не забыла! – сказала за ужином Нора Эванс. – Я пригласила кое-кого на этот уикенд.

Ее отец и муж обменялись быстрыми взглядами. Болонка, свернувшаяся в корзинке у ног миссис Эванс, подняла взъерошенную морду.

– Кто на сей раз, дорогая? – осторожно спросил Патрик.

– Во-первых, Алекс Клифорд.

– Писатель? Он же невыносимо самодоволен!

– Зато у него только что вышла новая книга. Бетси, малышка, иди к мамочке! – Нора вынула собачку из корзинки и поцеловала в блестящий нос.

Патрик страдальчески поморщился, но ничего не сказал.

– А кто второй, милая? – поинтересовался старый Фредерик.

– Второй?

– Ну, ты сказала о Клифорде «во-первых», из чего я делаю вывод, что есть и «во-вторых».

Нора слегка покраснела.

– Вторая – Линда Макнормик.

Патрик ахнул. Болонка тявкнула. Фредерик Бойл был более сдержан в проявлении чувств, но и он, забыв о пудинге, откинулся на спинку стула и недоверчиво воззрился на дочь.

– Они приедут одновременно?

Нора пожалала плечами с самым небрежным видом.

– Да, а что?

– С таким же успехом можно было привезти сюда тигра с медведем и стравить их в гостиной! – возмутился Патрик. – Два писателя, которые на дух не переносят друг друга! Нора, о чем ты думала?

– Ах, не драматизируй, пожалуйста. Они же писатели, а не пещерные люди.

– Я предпочел бы дикарей, – отрезал ее муж.

– Пожалуй, я тоже, – согласился отец. – Они хотя бы не читают вслух отрывки из собственных сочинений.

– Зато имеют мерзкую привычку обглаживать кости врагов!

– Как будто у писателей дела обстоят иначе... – пробормотал себе под нос старик.

Патрик схватился за голову:

– Честное слово, дорогая, твое пристрастие к творческим людям заходит слишком далеко! Карл Боннэ гостит у нас уже неделю. Чем он тебя не устраивает?

Нора не успела ответить: дверь распахнулась, и две кудрявые девочки-двойняшки вбежали в столовую. За ними следовала гувернантка чрезвычайно строгого вида, а за ней плелся пожилой черный лабрадор.

– Вот и миссис Норидж! – с облегчением воскликнула Нора, надеясь, что на этом неприятный разговор закончен. – Дик, фу! Не лезь к Бетси!

Пес покорно улегся у ног Фредерика. Тот потрепал его по голове, поднялся и, тяжело ступая, подошел к окну.

В стекле отразился лысый старик с роскошными седыми усами, которые своей пышностью словно пытались компенсировать отсутствие растительности на голове. В прищуренных глазах, окруженных лучами морщин, пряталась усмешка, с которой он поглядывал на дочь и зятя.

Нора и Патрик Эванс были похожи так, словно выбирали друг друга исходя из принципа подобия: оба кругленькие, маленькие и подвижные, точно мячики для пинг-понга. Патрик черпал умиротворение в своем хобби, трудолюбиво собирая миниатюрные модели паровозов. Что касается Норы, ее кипучая энергия находила несколько менее безобидный выход.

Миссис Эванс коллекционировала людей.

Объектом ее страсти мог стать далеко не каждый. Творческие личности – вот за кем охотилась Нора. Перед ними она благоговела и трепетала, признавая их безоговорочное превосходство над всеми, кто обделен талантом.

Заполучив к себе композитора или художника, Нора поначалу ходила вокруг него, разглядывая с тем же почтением, с каким дети в зоопарке глазят на тигра. Если же добыча принималась рычать, бить себя хвостом и бросаться на прутья, восторгу ее не было предела.

Она записывала свои впечатления и мечтала в конце жизни издать мемуары под названием «Великие люди глазами Норы Эванс».

Старый Фредерик прокашлялся и обернулся к гувернантке:

– Миссис Норидж, скоро к нам прибудут новые гости.

– Рада это слышать, сэр.

– Боюсь, ваша радость преждевременна, – усмехнулся старик. – Нас ждут суровые испытания. Я бы посоветовал всем запирать двери на ночь и не выходить, если до вашего слуха донесутся дикие вопли.

Нора бросила на отца сердитый взгляд.

– Скульптор Боннэ сброшен с пьедестала, – скорбно продолжал

старый Фредерик, словно ничего не замечая. – А ведь поначалу мы возлагали на него большие надежды. Шизофрения, раздвоение личности... Судя по его работам, можно было рассчитывать даже на манию величия! И что же? Оказался нормален, как булочник. Мы все считаем, это просто возмутительно с его стороны.

Нора не выдержала:

– Отец, твои шутки невыносимы.

– Но я вовсе не шучу, милая, – смиренно заметил Фредерик. – Полагаю, ты пригласила этих двоих в надежде, что они поубивают друг друга?

Девочки переглянулись и с жадным любопытством уставились на него.

– Кто кого убьет, дедушка? – пропищала Лора.

– А можно мы закопаем того, кого убьют? – подхватила Адель.

– В саду, под розами!

– И напишем эпидемию!

– Эпитафию, Адель, – поправила миссис Норидж.

– Эпитафию!

Болонка радостно затыкала, старый Дик отозвался басовитым рычанием.

– С вами невозможно серьезно разговаривать! – возмутилась Нора. – Бетси, крошка, только ты меня понимаешь.

Она прижала к себе собачонку и вышла, сохраняя на лице выражение оскорбленного достоинства.

Патрик вздохнул, глядя вслед жене. Но старый Фредерик только усмехнулся:

– Клифорд и Макнормик в одном доме? Помяните мое слово, нас ждет кровопролитие. И я очень удивлюсь, если оно случится не в ближайший уикенд.

Утро субботы выдалось ясным и солнечным. Но всем присутствующим в столовой Эвансов казалось, что под потолком бродят тучи, сверкают молнии и закручиваются невидимые вихри.

Назревала буря.

В эпицентре начинающегося урагана сидела высокая некрасивая женщина с черными волосами, разделенными на прямой пробор. Она словно вся состояла из острых углов: длинный нос, узкие глаза, заостренные пальцы. Тонкие губы кривились в сардонической усмешке.

Линда Макнормик была одной из самых успешных писательниц последнего десятилетия. Ее романы о похождениях беглого каторжанина

Жака (молодого, прекрасного и, конечно же, безвинно осужденного) были не слишком обласканы критиками, зато горячо любимы читателями. У самой Норы на полке стояли все книги, начиная с «Голубоглазого мстителя» и заканчивая «Искушением Жака».

На другом конце стола восседал бледный мужчина с бесцветными глазами и презрительно оттопыренной нижней губой. Алексу Клифорду было всего тридцать два, но глубокие залысины на лбу и обвисшие щеки добавляли ему возраста.

Книги его продавались не слишком успешно, зато каждая вызывала дрожь экстаза у критиков, утверждавших, что Клифورد – литературный гений. Если бы всякий раз за подобный комплимент Алекс получал по фунту, он был бы уже миллионером. Но увы – его хвалили безвозмездно, а денежки читателей текли в карман Линды Макнормик.

– ...Терпеть не могу, когда утверждают, будто написание книги сродни рождению ребенка, – громко говорила Линда. – Так заявляют лишь идиоты, не делавшие ни того, ни другого. У меня самой двое детей и девять книг, поэтому я могу сравнивать со знанием дела. Если вы написали роман, единственное, что у вас отвисло – это задница. С деторождением, увы, дела обстоят куда хуже.

– Линда! – всплеснула руками миссис Эванс, шокированная выражениями гостьи.

Писательница потрепала болонку, сидевшую на коленях у Норы.

– Обожаю собак! Жаль, они не умеют читать.

Молодой человек, сидевший рядом с Алексом Клифордом, усмехнулся. Крепкий, коротко стриженный юноша с квадратным подбородком больше походил на спортсмена, чем на скульптора. Завистники утверждали, что его ключ к успеху – не талант, а тщательно рассчитанная доля провокации. Последняя работа Боннэ – «Андромеда, избивающая Персея амфорой» – выставлялась в Салоне и имела большой успех.

Патрик Эванс почувствовал, что разговор принимает неприятный оборот. Он попробовал направить его в другое русло:

– Скажите, мистер Боннэ, ваши родители тоже были людьми искусства?

Карл усмехнулся:

– Моя мать даже кисти в руках не держала, а отец и вовсе был слеп.

– В самом деле? – смутился несчастный Патрик. – Простите, я не знал.

– Ничего. Даже ослепнув, он продолжал трудиться. У него развилось великолепное обоняние, оно помогало ему работать.

– Чем же он занимался?

– О, ничего интересного, – уклонился юноша от ответа. – Простите, мистер Клифорд, вы хотели что-то спросить?

– Лишь уточнить, не помните ли вы автора одного афоризма, – протянул писатель.

– И какого?

– *Пишущая женщина грешит вдвойне: увеличивает количество книг и уменьшает количество женщин*, – с нескрываемым удовольствием процитировал Клифорд и отправил в рот кусочек лоснящегося бекона. – Забыл, кому принадлежит это меткое высказывание.

Нора Эванс вжалась в стул, трепеща и ожидая скандала.

– Это сказал очередной неудачник, которому не давали покоя успехи дам, – любезно сообщила Линда Макнормик. – Мелкий завистник, утешающий себя тем, что его творения слишком хороши для глупой публики.

Она промокнула губы салфеткой и мило улыбнулась Клифорду.

– Публика и впрямь глупа, если проглатывает вашу писанину и не морщится, – процедил Алекс.

– Писанину? – фыркнула Линда. – Возможно. Но у меня, по крайней мере, есть принципы. Один из них – не выворачиваться наизнанку, если это не окупается.

Удар был не в бровь, а в глаз. Последнее творение Клифорда так и называлось: «Душа, вывернутая наизнанку».

Алекс побагровел. На лицах Норы и Патрика отразился ужас. Казалось, еще миг – и, отшвырнув стулья, писатели вцепятся друг в друга в глотку и покатаются по полу, яростно рыча.

– Принципы! – воскликнула Нора, ухватившись за брошенное слово. – О, как интересно! У нашей миссис Норидж тоже есть принципы. Не расскажете нам, миссис Норидж?

Гувернантка, сидевшая рядом с девочками, удивленно вскинула брови. Но взгляд Норы Эванс взывал о помощи, и она смилостивилась.

– Как вы знаете, мэм, у меня их всего восемь. Съедать натошак яблоко, выпивать на ночь стакан теплого молока, читать каждый день главу из книги, никуда не ходить на голодный желудок, уделять поровну внимания коровам, детям и собакам, в затруднительной ситуации ложиться спать и помнить, что ленивый работает вдвое больше...

Клифорд и скульптор рассмеялись.

– Принципы – это заборы, которыми мы ограничиваем собственную свободу, – снисходительно заметил писатель. – Людям большого масштаба

они не нужны.

– Надеюсь, вы сейчас не о себе? – осведомилась Линда.

Нора Эванс прижала к себе болонку, словно желая защитить ее. Клиффорд наливался злобой, и отсроченная было схватка с рычанием и катанием по полу вновь стала неотвратимой.

Положение неожиданно спас старый Фредерик.

– Кто это там в саду, милая? – спросил он, прищурившись.

Все обернулись к окну.

– О, это Джошуа. Снова контролирует садовника.

Человек в саду не догадывался, что его пристально рассматривают. Это был долговязый старик в клетчатом плаще и болотных сапогах. Когда он обернулся, все увидели, что его правый глаз закрыт черной повязкой.

– До чего колоритный тип, – восхитилась Линда. – Кто это?

– Джошуа Гибс, наш привратник, – ответил старый Фредерик. – В семнадцать лет сбежал из дома, нанялся на корабль и отправился в Новый Свет.

– Он из тех людей, которые притягивают приключения на свою голову, – вставил Патрик, обрадованный, что удалось наконец-то отвлечь писателей от опасных тем.

– Чистая правда, – согласился старик. – Джошуа перепробовал десятки профессий, был даже шерифом в небольшом городке на Диком Западе, пока не подался в золотоискатели.

У Клифорда загорелись глаза.

– Он нашел золото?

– Да, но почти все спустил. На старости лет Гибс решил вернуться на родину. Я предложил ему место привратника, и он согласился. Человек он непростой, но весьма и весьма занятный.

– Конечно, большая часть его историй – выдумка? – предположил скульптор.

– Не думаю, мистер Боннэ. Вы можете поговорить с ним и решить, врун он или настоящий авантюрист.

Линда Макнормик оживилась:

– Я очень хотела бы послушать его!

– Да, и я тоже, – поддержал Клиффорд.

Писатели метнули друг на друга злобные взгляды.

– Я распоряджусь, чтобы позвали Джошуа! – заторопилась Нора.

– Как бы они его не разорвали, – пробормотал себе под нос старик.

Но его никто не расслышал. А тень улыбки, промелькнувшая на строгом лице гувернантки, безусловно, объяснялась шалостью одной из ее

воспитанниц.

Джошуа Гибс вошел в гостиную и поклонился. Он держался со странной смесью важности и подобострастия, словно правитель крохотной африканской страны на встрече с могущественными белыми людьми.

– Подойдите, Джошуа, – с улыбкой попросила Нора.

Старик приблизился, шаркая по паркету.

– Да, мэм?

– Мы рассказали нашим гостям о вашей богатой биографии, и они захотели поговорить с вами.

– Хо-хо! – хрипло засмеялся Гибс, обнажив прокуренные желтые зубы. – Да уж, я столько повидал, что грех было бы не рассказать.

– Кажется, вы даже были шерифом? – насмешливо поинтересовался Клифорд.

Джошуа перестал смеяться и уставился на него. Выдержать его тяжелый взгляд оказалось писателю не под силу – он отвел глаза.

– Сомневаетесь, сэр? Напрасно вы это. Каждый знает, что Джошуа Гибс никогда не лжет. В Неваде про меня до сих пор ходят легенды! Скажем, однажды, в бытностью мою шерифом, завелась в наших краях банда. Грабили почтовые дилижансы, нападали на банки. Главарь их был точно волк, распробовавший человечьей крови – как начал убивать, уже не мог остановиться.

– И что же, вы застрелили мерзавца? – воскликнула Линда.

Джошуа обернулся к ней.

– О, мэм, по вашему выговору я слышу, что вы из тех мест!

Писательница от восхищения даже хлопнула в ладоши:

– В точку, мистер Гибс! Вы первый, кто расслышал мой акцент. Да, до восемнадцати лет я росла в Вирджинии, а потом мать перевезла меня в Англию. Ну и слух у вас!

– Да уж, не жалею, – старик выглядел польщенным. – Нет, мэм, я не застрелил его. К чему братья за ружье, если в твоём распоряжении есть деньги? С ними можно прикончить человека куда вернее, чем выпустив в него пулю.

– Но что вы сделали? – спросил скульптор. – Объявили награду за его поимку?

Джошуа важно кивнул.

– «Три тысячи долларов будут немедленно выданы тому, – провозгласил он, словно читая объявление, – кто сообщит о местонахождении Уильяма Бродерика, известного как Гадюка Билл». Я

знал, что после этого Гадюке недолго ходить на свободе. Главаря сдал один из его же людей. Прискакал к нам ночью и сообщил, где тот прячется. Мы взяли бандита тепленьким.

– А три тысячи вы отдали предателю?

– Само собой, сэр! – заверил Джошуа, хитро ухмыляясь. – Но этот человек был членом шайки Билла, хоть и не успел никого убить. Вот я и бросил его в тюрьму.

– Как?! – ахнули все.

Привратник пожал плечами:

– В объявлении ничего не говорилось о том, что выдавший Гадюку останется на свободе. Нет, такого я не обещал, хе-хе! Так что я засадил голубчика за решетку, а мешок с деньгами швырнул ему в камеру.

– Но ведь заключенным не полагаются деньги, – неуверенно сказал Патрик.

Джошуа щелкнул пальцами:

– Ваша правда, сэр! Вот потому-то я забрал их себе. Как иначе прикажете зарабатывать на жизнь бедному шерифу...

Он облизнул губы и ухмыльнулся, очень довольный собой.

– Раньше вы не рассказывали эту историю, Гибс, – сказал старый Фредерик, помрачнев.

– Как-то не приходилось к слову, сэр.

Алекс Клифорд был в восторге. Он придвинулся к привратнику и рассматривал его, точно энтомолог – редкую бабочку.

Скульптор тоже встал и подошел поближе. Его глаза цепко обежали высокую сутулую фигуру, задержавшись на черной засаленной повязке.

– Глаз вы потеряли тогда же? – спросил он.

– О, нет! Это случилось во время кораблекрушения.

– Так вы и в кораблекрушении побывали?

– И еще в каком! Шторм был страшный. Волны швыряли нашу «Элеонору Рэй», точно дохлую рыбину. Мачта треснула и разломилась с таким хрустом, будто это была высохшая булка. Три спасательных шлюпки перевернулись на наших глазах, люди кричали, но за воем бури мы не слышали их воплей.

Джошуа вытер вспотевший лоб и посмотрел на Патрика.

– Не найдется ли выпить, сэр? – жалобно спросил он. – В горле пересыхает, как вспомню, какого ужаса натерпелся в ту ночь.

Осушив стаканчик джина, привратник повеселел.

– Благодарю вас, – с легкой развязностью сказал он. – Так на чем я

остановился?

– Что люди в шлюпках утонули, – поспешно подсказал писатель.

– Пошли ко дну, как размокший хлеб! А мы остались в лодчонке втроем – кок, юнга и я, чудом удержавшись на волнах. Утро мы встретили посреди морской глади, ровной, как простыня. Наступил полный штиль.

– У вас были запасы еды? – спросил Боннэ.

– Очень немного. Мы растягивали галеты, как могли, но было ясно, что троим на них долго не продержаться. Юнга был совсем мальчишка, он то плакал, то молился. А кок молчал и только поглядывал на него как-то странно. К утру я забылся на несколько часов, а когда очнулся, парнишка был мертв.

– О боже! – вскрикнула Нора.

Джошуа скорбно кивнул головой.

– Кок прикончил его, пока я спал. У него был нож, и он перерезал бедняге...

– Избавьте нас от этих подробностей, Гибс! – потребовал Патрик.

– Как прикажете, сэр. В общем, мы остались вдвоем, и один из нас – убийца. Но закон есть закон, а я – его верный слуга, пусть даже болтающийся посреди океана. Пришлось мне вершить правосудие своими руками.

– Каким образом?

– Я убил кока, – просто сказал Гибс.

Со всех сторон послышались изумленные восклицания.

– Не может быть!

– Как вы это сделали?

Джошуа пожал плечами:

– Стукнул его веслом, пока он спал. Правда, кок оказался из крепких, а я сильно ослаб, так что расправиться с ним в один присест у меня не вышло. Он очнулся, бросился на меня, завязалась драка. Он выколол мне ножом глаз и пытался полоснуть по горлу!

Все посмотрели на горло Гибса. На коже виднелись многочисленные следы от порезов, доказывавшие, что рука у привратника по утрам не слишком тверда.

– Но в конце концов я изловчился, выхватил у него нож и... В общем, он отправился на корм акулам, а я смог хорошо порыбачить.

Когда смысл последних слов дошел до слушателей, Нора Эванс вскочила, зажала рот рукой и выбежала из столовой. Супруг бросился за ней.

– Извините, если сболтнул лишнего, – потупился Джошуа.

Но виноватым он вовсе не выглядел, напротив – лицо его лучилось удовольствием.

– Много еще чего я могу порассказать... – многозначительно протянул он.

И Алекс Клиффорд на лету проглотил наживку. Он поднялся и торжественно объявил:

– Мистер Гибс, возьметесь ли вы поведать мне историю своей жизни? Я опишу ее в книге. Я писатель, знаете ли, и довольно известный.

– Бросьте! – насмешливо воскликнула Линда. – Мистер Клиффорд, вам не справиться с таким материалом. Гибс, я сама напишу о ваших приключениях так, что вы войдете в историю!

– В историю дамского чтива! – фыркнул Клиффорд.

– Лучше так, чем в занудную графоманию!

Они замерли друг напротив друга. Клиффорд сложил руки на груди и задрал подбородок, Макнормик оперлась ладонями о стол и воинственно выпятила челюсть. Взгляды их скрестились, точно шпаги.

– Он мой! – рявкнул Клиффорд.

– С какой стати?

– Мое предложение было первым!

– А мое более весомым!

– Весомым? Да легче ваших книг только пустая бутылка!

– Про пустые бутылки вы знаете куда больше моего, – язвительно парировала Линда. – Гибс, расскажите мне историю вашей жизни – и неплохо заработаете.

– Вы покупаете человека! – взвился Клиффорд. – Это возмутительно!

Линда вызывающе расхохоталась:

– Так говорят лишь те, кому нечем платить!

Несколько секунд всем казалось, что Алекс швырнет в нее молочник. В их спор вмешался старый Фредерик.

– Послушайте, – примирительно начал он, – почему бы вам обоим не выслушать рассказ мистера Гибса? Каждый из вас потом сможет написать о нем.

– Вот именно, каждый, – процедил Алекс. – И ни один не будет уникален со своей книгой.

– Или все, или ничего, – подтвердила Макнормик.

Фредерик развел руками, признавая свое поражение.

И тут Джошуа Гибс, все это время озадаченно переводивший взгляд с одного писателя на другого, откашлялся и хрипло выговорил, обращаясь к старику:

– Если вы позволите, сэр, я бы вернулся к своим обязанностям.
– А мое предложение? – озадачилась Линда.
– Мне нужно поразмыслить, – пробормотал привратник. – Не обессудьте, мэм, я сейчас не готов дать ответ. Так я могу идти, мистер Бойл?

– Идите, Гибс, – махнул рукой старик.
Привратник поклонился и быстро вышел.

В поспешности, с которой он оборвал разговор, миссис Норидж почудилось нечто странное. Отчего Гибс не согласился сразу на заманчивое предложение Линды Макнормик? Чем больше гувернантка размышляла над этим, тем отчетливее понимала, что у хитреца что-то есть на уме.

Джошуа Гибс ковылял прочь, ухмыляясь про себя. Ловко же он подцепил этих бумагомарак! Не давай богатеям то, что они хотят – и тогда они заплатят вдвое больше за то, что могли получить даром.

Привратник захихикал. Он готов был прозакладывать единственный глаз, что скоро в его дверь постучится кто-то из этой парочки, а за ним придет и второй. Сам-то Гибс им особо не нужен, но, похоже, между ними пробежала кошка. Ни один из них не упустит возможности утереть нос другому.

А Джошуа, не будь дурак, воспользуется этим шансом.

Линда Макнормик, сидя на софе рядом с хозяйкой, снисходительно выговаривала ей:

– Дорогая Нора, зачем было приглашать этого напыщенного идиота!
– Мистер Клифорд – известный писатель, – робко возразила та, опасаясь вывести гостью из себя.

Вопреки ее ожиданиям, Линда не рассердилась.

– Мистер Клифорд – пузырь, надутый самомнением. Представляю его лицо, когда он поймет, что Гибс достался не ему.

В комнату заглянула одна из девочек.

– Мама, можно нам взять принцессу?

– Конечно, дорогая. Но где она?

Адель прошествовала к вазе на подоконнике и вытащила из нее потрепанную куклу.

– Это укрытие Сесиль, – с важностью пояснила она. – Его придумала миссис Норидж.

Девочка присела в книксене и убежала.

– Ваша гувернантка – настоящая чудачка, – заметила Линда

Макнормик. – Но мне это по душе. Терпеть не могу людей без странностей.

Несколько секунд бедная Нора мучительно пыталась найти у себя хоть одно качество, которое можно было бы выдать за странность. Но не преуспела.

– Так вы договорились с Джошуа? – пробормотала она.

– Разумеется. Ваш привратник хорошо разбирается в людях. Он сразу понял, с кем стоит иметь дело.

И Линда Макнормик победно усмехнулась.

– Не понимаю, зачем Эвансы позвали эту Макнормик, – в то же самое время говорил Алекс Карлу Боннэ. – Она бездарна, как сурок, и столь же плодовита.

Юноша оторвался от блокнота, в котором делал наброски для будущей скульптуры.

– Может быть, для контраста? – предположил он.

Внимательный слушатель уловил бы в его голосе скрытую иронию. Но Алекс Клифорд в любом разговоре прислушивался только к себе. Даже собственное молчание казалось ему значительнее чужих слов.

– Это возможно, – подумав, признал он. – Незавидная роль!

– Не поднимайте голову, мистер Клифорд.

– Приятно думать, что эта выскочка проиграла.

Карл Боннэ от удивления даже отложил блокнот.

– Неужели?

– Старикан просто не хотел обижать Макнормик при всех своим отказом.

– Какое благородство!

Как ни глух был Алекс к чужим эмоциям, на этот раз он почувствовал сарказм.

– Гибс сам мне об этом сказал. Вы зря не верите ему. Он, конечно, проныра, но в знании людей ему не откажешь.

Когда на поместье опустилась ночь, а часы в пристройке привратника пробили десять, Джошуа Гибс поднялся из-за стола, доковылял до шкафа и достал бутылку рома, которую хранил для особых случаев.

Старый добрый ром! Не чета нынешним напиткам.

– За олухов! – провозгласил Гибс с презрительной ухмылкой и в несколько глотков осушил стакан.

Два богатых дурачка одновременно! Ей-ей, не каждый день так везет.

На столе тускло сияли стопки монет, и Джошуа взглянул на них с

нежностью. Неплохо ему удалось нынче подзаработать, хе-хе! Вот только язык устал молотить без конца.

Он взболтал ром и налил еще немного. Сегодня можно! Он выпьет еще чуть-чуть, а потом снова пересчитывает свои денежки.

Корявые пальцы сомкнулись вокруг стакана, но донести выпивку до губ Джошуа не успел – в дверь постучали.

– Кого еще несет на ночь глядя... – проворчал он, неохотно отставляя ром.

Глянув в окно, Гибс заметил, что фонарь, который он зажег пару часов назад, отчего-то не горит.

Что за шутки?

Он распахнул дверь, и тут же приторная улыбка расплылась по его лицу:

– Ах, это вы! Чем могу быть полезен?

– Мне хотелось кое-что спросить у вас.

Человек, стоявший за дверью, сделал шаг навстречу привратнику, и тому пришлось отступить назад.

– Конечно, конечно, – пробормотал Джошуа, ругая про себя некстати пришедшего гостя. – Прошу вас, проходите...

– Здесь темно. Покажите дорогу.

Гибс повернулся к гостю спиной. Тотчас шелковый шнур обвил его шею. Человек, набросивший удавку, затянул ее со всех сил. Гибс замахал руками, вцепился ногтями в веревку, душившую его, попытался лягнуть того, кто стоял сзади... Но убийца лишь крепче стягивал петлю.

Когда тело привратника осело на пол, человек выпрямился и некоторое время стоял, прислушиваясь. Но снаружи не доносилось ни звука, кроме шелеста листьев.

Убийца прошел в комнату, где горел свет, и усмехнулся, увидев на столе бутылку с недопитым ромом и кучку фунтов. Монеты он сгреб в ладонь, вернулся к трупу и разжал пальцы.

Деньги с тихим звоном рассыпались по телу Джошуа Гибса.

Инспектор Барни, рыжеволосый коренастый крепыш, сдвинул котелок на затылок и присел возле тела. Снаружи помощники разгоняли зевак, собравшихся со всех окрестностей, едва только распространились слухи об убийстве. Зеваки не желали расходиться: каждому хотелось поглазеть на Гибса, который наконец-то отдал концы.

Джон Барни вздохнул и снял котелок. Дельце вырисовывалось не из легких. Гибс и при жизни не вызывал у Джона симпатии, а теперь своей

смертью ухитрился причинить максимум неприятностей.

Когда в деле замешаны благородные господа, ничего хорошего ждать не стоит. А пока что по всему выходило так, что всех слуг накануне отпустили в город на праздник – ни одного не осталось, кроме немолодой гувернантки, но та неотлучно находилась при детях.

Следовательно, Гибса прикончил кто-то из джентльменов, находившихся в доме.

Плохо. Так плохо, что хуже некуда.

Барни метко швырнул котелок на вешалку.

– Нашли, чем его придушили, Эдди?

Пожилой полицейский снял фуражку и вытер пот со лба.

– Пока нет, инспектор. Но хозяйка обнаружила, что из ее гостиной пропал шнур, которым перехватывают шторы. Уверен, убийца использовал его. Следы на шее жертвы как раз такие, какие оставляет витой шнурок.

– Значит, из гостиной... – задумчиво протянул Барни. – А как считаешь, под силу женщине было расправиться с одноглазым?

Эдди кивнул.

– Тут ведь большой силы не требуется, инспектор.

Джон поморщился:

– Черт возьми, тогда все еще хуже, чем я предполагал.

Из опроса свидетелей по делу об убийстве Джошуа Гибса

Патрик Эванс, хозяин дома, чрезвычайно возбужденный толстяк, все время порывающийся убежать куда-то вместе со стулом:

– Не представляю, кто мог желать ему смерти! Гибс часто проверял работу других слуг, но они толь-

ко посмеивались над этим. Его считали безобидным чудаком! После восьми? Я? Клеил модель паровоза в своем кабинете. Нет, никто не может подтвердить. Надеюсь, вы не намекаете на то, что это я его убил?

Фредерик Бойл, старик с пышными седыми усами, держится очень спокойно:

– Это была шутка. Когда я сказал, что нас ждет убийство, то имел в виду двух писателей, которых пригласила моя дочь. В ссоре ли они? О, нет. Я бы сказал, у них есть темы, вызывающие разногласия. Кхм-кхм! Постойте-ка, дайте вспомнить... В библиотеке. Читал допоздна, потом отправился спать. Подтвердить это может разве что болонка моей дочери –

я встретил ее по дороге в спальню.

Нора Эванс, дочь Фредерика Бойла – полная леди, безостановочно теребящая нитку жемчуга на шее:

– Господи, это ужасно, просто ужасно! Не могу поверить! Вы уверены, что он не мог случайно задушить сам себя? На вашем месте я бы не стала этого исключать! Что? Ох, умоляю вас! С его стороны это была всего лишь неудачная шутка! Мой отец постоянно шутит. Я попрощалась перед сном с Лорой и Адель и отправилась спать. Нет, никого не видела. Почему вы спрашиваете?

Алекс Клиффорд, писатель – курит трубку, барабанит пальцами по столу, явно нервничает:

– Я был у него в три, мы проговорили до пяти. Вот блокнот, убедитесь! Я записывал за ним. Запла-

тил шестьдесят фунтов, как мы и договаривались. Если бы я знал, что он меня одурачил, не дал бы и ломаного пенни. Когда догадался? М-м-м... Не могу сказать. Может быть, утром. Нет, к Гибсу я не возвращался. Зачем бы мне возвращаться? Я ушел к себе и допоздна писал у себя в комнате. У меня был острый приступ вдохновения. Нет, ни одна живая душа. А почему вы так смотрите на меня?

Линда Макнормик, писательница – курит сигареты одну за другой, говорит отрывисто, но взволнованной не выглядит:

– Покойный был мерзавец. Обещал рассказать все как на исповеди и только мне, потребовал сто фунтов, а сам выложил то же самое Клиффорду. Интересно, сколько он содрал с него? За лишние пять фунтов Клиффорд удавил бы его... О, нет, я вовсе не это имела в виду. Мы беседовали с шести до восьми, затем я ушла и на обратном пути встретила мистера Боннэ. Он-то мне и рассказал, что Клиффорд уже побывал у нашего одноглазого мошенника. После? Я провела несколько часов в оранжерее. Вы что, хотите, чтобы моя муза дала вам показания? Она и ко мне-то является не каждый день, а вами, не сочтите за оскорбление, и подавно вряд ли соблазнится.

Карл Боннэ, скульптор – юноша из тех, что себе на уме, во время разговора почти все время криво улыбается, крайне самоуверен:

– В половине девятого вечера я дождался в саду Линду Макнормик – она как раз возвращалась от Гибса – и рассказал ей, что до нее старикан

уже пообщался с Клиффордом. А затем отправился к Алексу... Разумеется, я точно помню время. Это было в девять: я зашел к нему, поведал о том, как Гибс провел их обоих и ушел. Зачем я это сделал? Считайте, что мне хотелось поразвлечься. Уверен, что привратника прикончил кто-то из этих двоих. Какое еще алиби? Мне оно ни к чему. Сперва назовите хоть одну причину, по которой я мог желать его смерти.

Эмма Норидж, гувернантка – говорит мало и по делу, прекрасно владеет собой:

– Шторы в гостиной? Они голубые, сэр. Да, и шнур тоже голубой, с кисточками на концах. Точнее, шнуров два, и они совершенно одинаковые... Нет, сэр, я никого не видела после девяти. В восемь я уложила своих подопечных, затем зашла на кухню и выпила стакан молока, вернулась в свою комнату и читала до одиннадцати. Девочки спали тревожно, мне приходилось то и дело подходить к ним. Простите? Ах, книга... Она называется «Рассказы несчастных, потерпевших кораблекрушение, но спасшихся благодаря божьей милости». О да, очень поучительное чтение.

– Возмутительно! – кипятилась Нора, глядя в окно. Ее сад был заполнен чужими людьми, и миссис Эванс переживала за судьбу своих клумб. – Когда они уйдут?!

– Дорогая, они ищут следы, – объяснил Патрик.

– Но почему именно здесь?

– Ворота были заперты – значит, убийца пришел из дома.

Нору бросило в дрожь.

– Не произноси это ужасное слово!

– Как же прикажешь называть того, кто прикончил несчастного Гибса? – поинтересовался старый Фредерик.

– Еще ничего не известно. Возможно, это вовсе не убийство!

– Конечно, – согласился старик, – очень может быть, что ближе к ночи наш привратник почувствовал угрызения совести. Ведь вы, миссис Макнормик, – он поклонился Линде, сидевшей за столом, – и вы, мистер Клиффорд, – кивок в сторону Алекса, с мрачным видом развалившегося в кресле, – стали жертвами его обмана. Гибс пришел в эту комнату, отвязал шнур, вернулся и придушил сам себя.

– Отец!

– Безусловно, с его стороны было просто бесчестно воспользоваться нашим шнуром, – продолжал старый Фредерик, игнорируя возмущение

дочери. – Но чего ждать от человека, выманившего сто фунтов у мистера Клифорда.

– Шестьдесят! – подал голос писатель.

С его губ едва не сорвалось «чертов мерзавец!», но Алекс вовремя спохватился, что негоже так говорить о покойнике.

– Они подозревают нас, – глухо проговорила Линда. – Клифорд, вы хоть понимаете, во что мы влипли?

– Я здесь ни при чем! – фыркнул тот. – Кто угодно мог придушить его!

– Но только у нас был повод!

– У меня не было! Я понятия не имел, что старик надул меня.

Карл Боннэ, куривший в углу, негромко рассмеялся. Алекс подозрительно уставился на него.

– Что такое?

– Вы думаете, мистер Клифорд, я страдаю амнезией? – почти весело осведомился тот.

– Замолчите, Боннэ!

– Нет уж, пусть говорит! – потребовала Линда.

Скульптор потушил сигарету.

– Вчера вечером я открыл глаза мистеру Клифорду на поведение Гибса.

– Ах, вот оно что! Да вы лжец, Клифорд!

– А вы убийца! – взвизгнул тот.

Раздался хор возмущенных голосов, которые перекрыл бас старого Фредерика.

– Держите себя в руках, мистер Клифорд!

– Я знаю, что невиновен, – твердил тот. – А кроме нас с ней, – он презрительно указал пальцем на Линду, – никто не стал бы мстить привратнику. Значит, остаетесь вы, миссис Макнормик!

Линда в бешенстве вскочила.

– Ах вы низкий грязный...

В этот миг в дверях показалась высокая худая фигура в черном платье, наглухо застегнутом под горло.

При виде гувернантки, невозмутимой, как скала, бедная Нора Эванс чуть не подпрыгнула от радости. Миссис Норидж обладала талантом приводить в порядок любую сломанную вещь, а Нора чувствовала, что в окружающем ее мире что-то определенно пришло в негодность.

– Миссис Норидж, – с облегчением воскликнула она. – Прошу вас, оставайтесь!

– В самом деле! – поддержал ее муж. – Поговорим о ваших принципах.

Это поможет нам отвлечься от всех этих ужасных событий.

Гувернантка покачала головой.

– Мне жаль вас разочаровывать, сэр. Но, боюсь, отвлечься вам не дадут.

– О чем вы говорите?

– Инспектор Барни направляется сюда с таким видом, будто у него есть новости.

Все смолкли. Хлопнула дверь, послышались голоса, и секунду спустя Джон Барни вошел в гостиную в сопровождении двух рослых констеблей, которые огляделись и застыли у двери.

Старый Фредерик двинулся ему навстречу.

– Что случилось, инспектор?

– У нас есть подозреваемый.

– И кто же это?

– Один из ваших гостей.

Отчего-то все дружно посмотрели на Алекса Клифорда.

– Вы что, спятили? – выкрикнул тот, озираясь в испуге. – Не смейте ко мне даже пальцем прикасаться!

Но инспектор покачал головой.

– Вы здесь ни при чем. Я должен арестовать миссис Макнормик.

Гнетущее молчание, повисшее после его слов, было нарушено злорадным хихиканьем.

– Так я был прав! – торжествовал Клифорд, потирая руки.

– Я никого не убивала! – твердо заявила Линда. – Это ошибка.

Инспектор Барни был сама любезность:

– Мы непременно разберемся, мэм. А пока проследуйте за нами.

– Но я хочу знать, на каком основании вы арестовываете меня.

– В вашей комнате найдено предполагаемое орудие убийства.

– Что за чушь! – вспылила писательница. – Это невозможно!

Барни прищурился.

– Неужели? – осведомился он, утратив часть своей любезности. – В таком случае, как вы объясните, что в вашем платяном шкафу обнаружили голубой шнур, которым, как мы думаем, был задушен Джошуа Гибс?

Миссис Макнормик покачнулась и вынуждена была сесть.

– Горничная наткнулась на него, когда делала уборку в вашей комнате. А поскольку мы предупредили всех о том, что ищем, эта сообразительная девушка немедленно принесла его нам. Вы можете объяснить, почему орудие убийства оказалось спрятанным под вашими вещами?

– Потому что она убийца! – прошипел Клифорд.

– Да замолчите же вы! – вскричала Линда. – Это какая-то нелепость, честное слово.

– Простите, инспектор, – внезапно обратилась к Барни гувернантка. – Не могли бы вы сказать, как выглядит найденный вами шнур?

– Он выглядит как обычный голубой шнур с кистями, – сухо сообщил тот. – Миссис Макнормик, пойдете.

Линда встала. Но вдруг глаза ее закатились, и она осела на пол.

– Боже мой!

– Она без сознания!

– Нюхательную соль! – скомандовал Фредерик. – Да скорее же!

В наступившей суматохе миссис Норидж незаметно исчезла.

Инспектор Барни терпеливо ждал, пока подозреваемая придет в себя. «Притворство, – думал он. – Таких дамочек не так-то просто довести до обморока. Прикидывается, это уж как пить дать. Но куда торопиться? Лишние пятнадцать минут ничего не изменят».

Однако он ошибался.

– Инспектор, – раздался сзади сдержанный голос. – У меня для вас кое-что есть.

Барни обернулся – и не смог удержать изумленного восклицания.

Вернувшаяся гувернантка держала в руках знакомый ему голубой шнур с кисточками. Но на этом экземпляре, в отличие от того, который принесла инспектору перепуганная горничная, виднелись засохшие бурые пятна.

Барни уставился на шнур, не веря своим глазам.

– Где вы это взяли? – рявкнул он.

– В вазе, сэр.

– В какой еще вазе?

– В индийской, если это имеет значение.

Любой человек, общавшийся с миссис Норидж, в определенный момент вдруг начинал подозревать, что над ним изощренно издеваются. Инспектор не стал исключением.

– Мне плевать, откуда она родом! Констебль, немедленно заберите улику!

Миссис Норидж вручила шнур полицейскому.

– Рассказывайте, где вы нашли его! – потребовал Барни.

Миссис Норидж села и расправила и без того безупречно гладкий подол платья.

– Видите ли, сэр, мне сразу было ясно, что найденный вами шнур не может быть орудием убийства, – спокойно сказала она.

– Отчего же?

– Вчера утром Джошуа Гибс продемонстрировал нам порезы на горле. При удушении они неизбежно начали бы кровоточить, следовательно, на шнуре должны остаться пятна крови. Но когда я задала вам вопрос, вы ни словом не обмолвились о пятнах. Из чего я сделала вывод, что у вас не тот шнур.

Барни смотрел на гувернантку, не мигая. Он только сейчас вспомнил, что на шее убитого действительно виднелась подсохшая кровь. Черт возьми, а ведь она права!

– Ну, хорошо, – сказал он, не замечая, что тон его стал куда более уважительным, – но откуда вы знали, где его искать?

– Если вы имеете дело с детьми, вам знакомы все укрытия в доме. Я предположила, что вернувшись, убийца почти сразу спрятал шнур, чтобы его не заметили с опасной уликой. Так и оказалось: он сунул веревку в вазу, стоящую на подоконнике в холле. От нее до двери всего несколько шагов.

– А тот шнур, что принесла горничная?

– Полагаю, его подкинули. Кто-то очень хотел, чтобы миссис Макнормик обвинили в убийстве.

После ухода инспектора, унесшего с собой два шнура, старый Фредерик налил Линде немного виски. Женщина залпом осушила стакан, не говоря ни слова. Нора нервно гладила болонку, Патрик кругами ходил по комнате.

Молчание становилось все более тягостным.

Наконец Клифорд поднялся из кресла.

– Я ухожу!

– А если инспектор Барни решит арестовать вас? – невинно поинтересовался Карл Боннэ.

Клифорд вытаращил глаза.

– С какой стати?

Карл выпустил несколько колец дыма. Казалось, его развлекает происходящее.

– Вы сами сказали – под подозрением двое. Вас не интересует, кто пытался подставить миссис Макнормик?

– Не удивлюсь, если это ваших рук дело! – огрызнулся Клифорд.

– Ха-ха! Мне-то это зачем?

– А почему вы сообщили, что я стал жертвой обмана, лишь после моего разговора с Гибсом? Хотели разозлить меня?

– Скорее, позабавиться.

– Смотрите, как бы это веселье дорого не обошлось вам!
Старый Фредерик решительно прервал брызжущего слюной Алекса:
– Мистер Клифорд, прошу вас! Нам всем нужно выпить и немного успокоиться.

Клифорд плюхнулся в кресло.

– Я-то спокоен, – пожал плечами Боннэ. – Смерть вашего привратника меня не касается.

– Неужели, сэр?

Юноша обернулся к гувернантке.

– О чем вы? – резче, чем требовалось, спросил он.

Миссис Норидж склонила голову набок.

– Вы ведь не полагаете всерьез, что Джошуа Гибса убили из-за того, что он нарушил обещание, данное каждому из писателей? Разумеется, это не так. Причина в другом.

Скульптор молча смотрел на нее, забыв о тлеющей сигарете в своей руке.

– Объяснитесь, миссис Норидж! – потребовал Патрик.

– Все дело в прошлом мистера Гибса, – спокойно ответила гувернантка. – Вчера он рассказал две истории. Я полагаю, его убили именно из-за них.

– Да это же были его фантазии! – воскликнул Боннэ. – Гибс врал!

Тлеющий огонек добрался до его пальцев, и Карл вскрикнул и затряс рукой.

– Теперь и я уверена в этом! – вдруг сказала Линда. – Все эти рассказы – чистой воды выдумки. В них нет ни слова правды, как и в моих историях о Жаке.

Миссис Норидж покачала головой:

– Джошуа Гибс был не слишком хорошим человеком. Но не лгуном. Он всего лишь умалчивал о некоторых вещах.

Патрик подошел ближе:

– О каких же, например? И откуда вам об этом известно?

– Один из моих принципов – читать на ночь. В вашей библиотеке, мистер Эванс, есть книга об известных кораблекрушениях. В ней я наткнулась на главу о судне, которое называлось «Элеонора Рэй».

– То самое, о котором говорил Гибс!

– Оно действительно потерпело крушение, и в живых остался лишь один человек. В этом Гибс не солгал. Но он не упомянул о поистине удивительном факте, из-за которого «Элеонора Рэй» вошла в историю, хотя само по себе судно было самым заурядным.

– И что же это за факт? – не выдержал Клиффорд.

Карл Боннэ перестал дуть на обожженные пальцы.

– Кок на «Элеоноре Рэй» был слепым, – сказала миссис Норидж.

Юноша поднялся. На его лице заиграли желваки.

– Вам не интересно, сэр? – спросила гувернантка. – Это ведь уникальный случай, единственный в своем роде. Моряки с других кораблей приходили посмотреть на слепого повара, который готовил не хуже, чем зрячие. Пишут, что он по запаху определял, не пересолено ли блюдо.

Нора широко раскрыла глаза.

– Пойдите, мистер Боннэ... Но ведь ваш отец... Он был слеп!

– Вы сами сказали об этом! – подхватил Патрик.

Алекс Клиффорд вскочил и закричал, тыча пальцем в скульптора:

– Так вот кто убийца! Гибс расправился с вашим отцом, и за это вы задушили его!

Карл Боннэ, не ответив, выбежал в коридор. Дверь за ним захлопнулась с таким стуком, что Бетси проснулась и залаяла.

– Угломоните собаку! – взмолилась Линда, хватаясь за виски.

– Он убийца! – надрывался писатель, перекрикивая болонку. – Хватайте его!

– Кто-нибудь, позовите же инспектора!

– Определенно, нужно выпить, – пробормотал старый Фредерик.

Но не прошло и минуты, как дверь вновь распахнулась, и красный, как мак, скульптор влетел в гостиную.

– Решили сдать? – приветствовал его Клиффорд.

Не отвечая, юноша бросил на стол старую фотографию.

– Черт побери, мой отец и в самом деле был слеп! Но он никогда не был коком и не служил на «Элеоноре Рэй»! Вот вам доказательство.

Он хлопнул ладонью, припечатывая снимок.

Все склонились над столом. Карл отошел в сторону.

На фотографии был запечатлен мужчина, сходство которого с Боннэ бросалось в глаза. Он стоял на фоне длинного кирпичного строения, возле которого горой были навалены шкуры.

– Мой отец был сборщиком падали, – с горечью сказал юноша. – Он перерабатывал ее в нашем сарае. Запах стоял такой, что наш дом обходили за две мили! Меня дразнили вонючкой, со мной не играл ни один ребенок. Когда отец ослеп, обоняние помогало ему находить трупы животных. Теперь вы понимаете, почему я не слишком люблю говорить об этом? Скульптор Боннэ – сын сборщика дохлятины! Да если об этом узнают, меня засмеют.

Он рухнул на стул и обхватил голову руками.

Старый Фредерик щедро плеснул в стакан виски и подвинул к нему.

– Мистер Боннэ, успокойтесь, – с жалостью сказала Нора. – Мы никому не расскажем об этом.

Но Алекс самодовольно осклабился.

– Вам, милый мой, следовало раньше задуматься о столь неприглядных фактах вашей биографии! – напыщенно заявил он. – А теперь скажу лишь одно – я не оставляю шутников вроде вас безнаказанными.

Нора растерянно взглянула на отца, однако старый Фредерик был занят тем, что старательно отмерял точную дозу выпивки для себя самого. Тогда миссис Эванс собралась с духом и бросилась на баррикады, невзирая на благоговение перед великим писателем.

– Мистер Клифорд, прошу вас... Это не наша тайна!

– Не вижу ни одной причины скрывать от общественности происхождение нашего благородного творца.

Последние слова Алекс произнес с невыразимым сарказмом.

– В таком случае, – вдруг объявил Патрик, насупившись, – я тоже не вижу ни одной причины скрывать, что именно вас я вчера видел у двери миссис Макнормик.

Линда впиалась глазами в Клифорда и подалась к нему, точно хищная птица.

– Это правда?

Писатель отпрянул и замотал головой.

– Ничего подобного не было!

Нора от удивления выпустила собачку.

– Дорогой, в самом деле?

– Да. Я не хотел говорить. До последнего надеялся, что все это как-то рассосется само собой...

Патрик виновато развел руками.

– Это вы подбросили мне шнур! – зашипела Линда и бросилась на Клифорда.

Алекс отпрыгнул с неожиданным проворством, словно ему не в первый раз приходилось спасаться бегством от разъяренной женщины. Он кружил вокруг стола, а миссис Макнормик преследовала его по пятам. Рядом металась Нора, призывая к миру и стараясь не наступить на болонку. Миссис Норидж заняла позицию возле шкафа со старинным сервизом и застыла, как изваяние, охраняющее фамильные ценности.

– Чушь! – выкрикивал Клифорд. – Я действительно был!.. Но вовсе не

затем! Ой! Не для того, чтобы насолить вам...

Линда остановилась напротив него, тяжело дыша.

– А для чего же? – прищурилась она.

– Я не обязан...

Бокал, пущенный ее рукой, разбился об стену возле уха Клифорда. Тот подскочил, словно заяц, и пронзительно взвизгнул.

– Агу его, миссис Макнормик! – одобрил Боннэ, но под взглядом Патрика осекся.

– Боже мой, Линда! Мистер Клифорд! Прекратите, умоляю! – бедняжка Нора запыхалась и упала в кресло.

– Отец! – воззвала она. – Останови их! Они поубивают друг друга!

Фредерик, только поднесший к губам стакан, вернул его на стол.

– Ты думаешь, милая, стоит вмешаться? – задумчиво спросил он, поглаживая бороду. – Я, признаться, не уверен. Одним убийством больше, одним меньше...

У Норы не осталось сил на возмущение.

– Миссис Норидж! – взмолилась она. – Сделайте же что-нибудь.

– Да! – воодушевился старик. – Например, скажите, кто убийца! Не сомневаюсь, вы знаете правду.

Линда перевела взгляд на гувернантку, на секунду забыв о Клифорде.

– В самом деле?

– Поверьте, ей все известно! – заверил старый Фредерик. – Так кто убийца, миссис Норидж?

– Я пока не могу ответить на этот вопрос, сэр, – серьезно сказала Эмма. – Но как только узнаю, сразу сообщу вам.

– Вот и чудно! – с этими словами старик, наконец, осушил вождеденный стаканчик виски.

Улыбка блаженства расплылась по его лицу.

Воспользовавшись паузой, Алекс Клифорд схватил со стола серебряный поднос и выставил его перед собой, точно щит.

– Я вам не Медуза Горгона! – вновь разъярилась Линда, хватая второй бокал. – Не надейтесь, что скроетесь от меня. Это вы убили привратника и подбросили мне шнур!

– Не убивал и не подбрасывал! Я приходил к вам лишь затем, чтобы предложить отказаться от Гибса!

Торопливо выкрикнув эту фразу, Клифорд прикрыл голову подносом.

Писательница опустила бокал.

– Отказаться? Что это значит?

– Я хотел сохранить лицо, – неохотно признался Алекс. – Думал

уговорить вас за пятьдесят фунтов забыть про Гибса.

Линда скривила губы.

– Дешево же вы цените и меня, и себя.

– Но вас не оказалось в комнате! Я подождал немного и вернулся в спальню.

Писательница вопросительно взглянула на Патрика.

– Это похоже на правду, – кивнул тот. – Я спускался по лестнице и видел, как мистер Клифорд топтался возле вашей двери. Но спустя пять минут его там уже не было.

Алекс осторожно выглянул из-за своего щита.

– Теперь-то вы мне поверили? Я не убийца, и мне незачем подставлять вас!

– Но если не вы, то кто же? – вслух подумала Линда.

Поняв, что буря миновала, Клифорд отложил поднос. Он пригладил редкие вихры, одернул пиджак, выпятил живот и оттопырил нижнюю губу. Вернув таким образом свой обычный вид, Алекс счел возможным ответить на вопрос.

– Убийца – Фредерик Бойл! – провозгласил он.

Нора и Патрик открыли рты и уставились на Клифорда.

– Я верю, что вы ни при чем, – великодушно успокоил их писатель. И торжественно прибавил, упиваясь звуком своего голоса: – Это не ваша вендетта!

– Вендетта?! – вспыхнул Патрик, приходя в себя. – Вы только что обвинили в убийстве отца моей жены!

– К этому меня привела стройная цепочка умозаключений. Вы не задавались вопросом, отчего ваш тесть нанял на работу пьяницу и негодяя Гибса? Ответ лишь один: привратник шантажировал его! Признайтесь, Фредерик: что такого узнал о вас Джошуа Гибс, что предало вас в его грязные руки?!

– О господи... – выдохнула Нора.

– Послушайте, мистер Клифорд, вы же не всерьез, – запротестовал Боннэ.

– А вы, юноша, молчите, – оборвал его Алекс. – Ваша роль во всем этом деле весьма незавидна. Может, мистер Бойл давно ждал подходящего момента, чтобы избавиться от шантажиста Гибса. И вот вчера этот день настал! Старый джентльмен понял, что можно свалить вину на нас, и не замедлил использовать эту возможность.

– Не замедлил, – поддакнул старик и подлил себе еще виски. – И сейчас не замедлю. Миссис Норидж, ваше здоровье! Миссис Норидж?

Только теперь все заметили, что гувернантка по-прежнему стоит возле шкафа с отрешенным видом.

– Миссис Норидж! – осторожно позвал Патрик. – Что с вами?

– Поражена до глубины души разоблачением, – объяснил Клифорд.

Линда приблизилась к гувернантке и дотронулась до ее плеча.

Миссис Норидж вздрогнула и вышла из забытья. Взгляд серых глаз остановился сначала на писательнице, а затем устремился куда-то за ее спину. Линда обернулась, чтобы увидеть, что именно привлекло внимание гувернантки.

Это оказалась всего лишь болонка Бетси, дремавшая под столом.

– Вы что, заметили у нее блоху? – насмешливо поинтересовалась Линда, поскольку миссис Норидж по-прежнему не сводила с собаки глаз.

– Мне нужно проверить, как там девочки, – вдруг заявила та, не ответив на ее вопрос.

И быстро вышла из комнаты.

– Помешалась, – удовлетворенно констатировал Клифорд. – Интересно, отчего?

Старый Фредерик предположил, что интеллектуальное превосходство писателя сразило гувернантку наповал. Или же она ошарашена тем, что целый год провела в семье убийцы, воспитывая его внучек.

После этих слов Патрик почувствовал, что ему тоже необходимо промочить горло.

– Мистер Бойл, так вы сознаетесь в преступлении? – вернулся к теме Алекс Клифорд.

В его воображении восхищенные зрители уже венчали его лаврами лучшего сыщика всех времен.

– Сознаюсь, – удрученно кивнул старик. – Но только не в совершенном деянии, а в умысле на убийство.

– О господи, – пробормотала Нора, поняв, к чему идет дело.

Но Алекс не видел грозящей ему опасности. Напротив, он полагал, что близок к триумфу.

– Возможно, суд примет в расчет ваш почтенный возраст, – заверил он Фредерика, не замечая, что тот собирается использовать стакан так же, как это сделала незадолго до него Линда Макнормик. Фредерик Бойл в юности отличался завидной меткостью, а теперь представился отличный случай проверить, так ли хорош его глазомер, как раньше. Кроме того, старик был убежден, что *полный* стакан разбивается значительно эффективнее, чем *пустой*. А он питал слабость к ярким эффектам.

От травмы головы Алекса Клифорда спасло возвращение гувернантки.

Миссис Норидж постучалась и вошла как ни в чем не бывало.

– Девочки пообедали, – отчиталась она. – Они спрашивают, можно ли им поиграть перед уроками.

– Думаю, им лучше сначала...

Договорить Норе не удалось, потому что случилось нечто неожиданное.

В приоткрытую дверь вкатился шарик для пинг-понга, а за ним с разбегу влетел черный лабрадор. Дик и в старости не утратил любви ко всему, что катилось и подпрыгивало. В погоне за вожаком шариком он мог перевернуть весь дом, и девочкам было строго-настрого запрещено дразнить его.

Кто-то нарушил запрет, и теперь Дик черной фурией промчался по комнате, скаля зубы и рыча.

– Стоять! – раздался грубый окрик. – Ни с места!

Миссис Эванс решила, что сходит с ума. Потому что следом за лабрадором вбежал, топая тяжелыми сапогами, инспектор Барни, и бросился на пса.

На их появление все отреагировали по-разному. Алекс Клифорд взвизгнул и запрыгнул на диван. Патрик и Боннэ в своих креслах, не сговариваясь, поджали ноги. Фредерик ограничился тем, что удивленно вскинул брови. А миссис Макнормик бросилась к стене, прижалась к ней спиной и растопыренными ладонями, словно собиралась оттолкнуться, и застыла, точно приклеенная, не сводя глаз с собаки.

Догнав мячик, Дик схватил его и убежал. Где-то в дальнем закутке он лег и принялся сладострастно грызть его, виляя хвостом и вспоминая лучшие годы.

– Что все это значит, инспектор? – придя в себя, поинтересовалась ошеломленная Нора.

Вместо ответа Барни вопросительно взглянул на гувернантку.

Миссис Норидж кивнула.

Этот обмен взглядами заметили все.

– Что здесь происходит? – громко спросил Патрик, выразив всеобщее недоумение.

Гувернантка помолчала немного и, наконец, сказала:

– Думаю, теперь я могу ответить.

– Надеюсь на это!

– Простите, сэр, не вам. Я имела в виду мистера Бойла. – Она слегка поклонилась Фредерику. – Вы спрашивали, кто убийца... Мы только что это выяснили.

Старый Фредерик поднялся, опираясь о стол. Никто не проронил ни звука, но во всех глазах читался один вопрос.

– Джошуа Гибс не был лгуном, – сказала миссис Норидж. – Он лишь кое о чем недоговаривал. О том, что могло выставить его в совсем уж отвратительном свете. В истории с лодкой он «забыл» упомянуть о том, что ему пришлось сражаться со слепцом. А в истории с Гадюкой Биллом – о том, что преступника выдал не просто один из его сообщников. Его выдала женщина.

Гувернантка перевела взгляд на писательницу, по-прежнему прижимавшуюся к стене.

– Сколько лет вы провели на каторге, миссис Макнормик? – сочувственно спросила она. – Три года? Четыре? Есть вещи, которые ни при каких обстоятельствах невозможно выбить из человека. Я читала, что на Барбадосе охранники всегда ходили в сопровождении собак – особой породы, выведенной специально для охоты на людей. Это были крупные черные псы, внешне отдаленно напоминавшие лабрадоров. Они были натасканы на бегущую цель, и, заслышав команду охраны, все заключенные замирали и прижимали ладони к стене. Таким образом они показывали конвойным, что в руках у них ничего нет.

Линда Макнормик молчала, без выражения глядя на гувернантку. Только угол глаза у нее едва заметно дергался.

– Вы сказали, что не боитесь собак, – продолжала миссис Норидж. – Но речь шла о Бетси, а Дика вы не видели. Мне жаль, что пришлось напугать вас, но когда я поняла, что вы лжете, у меня не осталось выбора. Инспектор подыграл мне.

Линда разомкнула пересохшие губы.

– Поняли, что я лгу? О чем вы?

– Вы утверждали, что истории Гибса – такая же выдумка, как ваши собственные, про каторжника Жана, – пояснила миссис Норидж. – Но я читала все ваши романы, миссис Макнормик. В них столько точных деталей, что они просто не могут быть одним лишь плодом фантазии. Я бы осмелилась сказать, ваши книги дышат правдой. Особенно первая, о побеге с каторги.

Клиффорд хотел что-то сказать, но инспектор бросил на него такой взгляд, что он проглотил слова.

– Тогда я задумалась, отчего вы солгали. Писатель всегда может сказать, что правдивые детали ему подсказал участник событий. Но вы не использовали даже эту лазейку, стремясь поставить себя как можно дальше от подозрений. И это вас выдало. Я вдруг осознала, что вы с Джошуа

Гибсом рассказывали одну историю, но от лица разных персонажей. Гибс упоминал члена шайки, не совершившего ни одного убийства, а вы писали о безвинно осужденном Жане. Гибс радовался добытым деньгам, а ваш Жан проклинал подлого шерифа, отправившего его на верную смерть. Последней каплей стал ваш акцент. Гибс услышал его и сказал вам об этом. Конечно, он вас не узнал, ведь прошло много лет и вы, без сомнения, сильно изменились. Но он мог вас узнать. Хотя, конечно, вы убили его не из-за возможности разоблачения.

Линда Макнормик сделала шаг от стены.

– Рада, что вы понимаете, – сказала она, сохраняя спокойствие. – Действительно, я убила его не из-за этого.

– Линда! – ахнула миссис Эванс.

– Нора, Гибс сломал мою жизнь. Я была шестнадцатилетней девчонкой, падчерицей убийцы, питавшего ко мне болезненную нежность, поскольку я напоминала ему мою мать. Я боялась отчима и ненавидела за звериную жестокость. Я бы выдала его и без обещанной награды, но, на мое несчастье, денег оказалось слишком много, чтобы Гибс мог пройти мимо них. Он бросил меня за решетку, а судья, не разбираясь, присудил мне пятнадцать лет каторги.

– Но вы смогли бежать, – заметила миссис Норидж. – Начали жизнь с чистого листа.

– О, да! Но даже этот чистый лист оказался испачкан мерзавцем, готовым рассказывать первому встречному о том, как ловко он заполучил три тысячи долларов. Это была цена моей жизни, миссис Норидж. Не так уж плохо за невзрачную девчонку, не правда ли?

Она горько рассмеялась.

– Но шнур... – непонимающе проговорил Патрик. – Кто подбросил его вам?

– Разумеется, никто!

– Это был способ отвести подозрения, – объяснила гувернантка. – Миссис Макнормик положила чистый шнур в шкаф, где его быстро нашла горничная, и стала ждать, когда ее обвинят в убийстве.

– Но зачем?!

– Потому что человека, с которого один раз сняли обвинение, второй раз заподозрят очень нескоро. Миссис Макнормик выигрывала время. Второй шнур она спрятала в вазе, зная, что и его рано или поздно обнаружат. Вы видели, как девочки доставали оттуда куклу, верно?

Линда молча кивнула.

– Все получилось так, как вы хотели. Правда, настоящее оружие

убийства нашла я, а не дети, но это ничего не меняло. Все решили, что кто-то пытался подставить вас, и вы на время оказались исключены из списка подозреваемых. Уверена, что даже инспектор попался на эту удочку.

– Я подозревал мистера Клифорда, – флегматично сказал Барни. – Не в убийстве, конечно, ведь убийца подкинул бы настоящий шнур, если бы желал отвести подозрения. Я думал, мистер Клифорд решил воспользоваться удобным случаем и избавиться от более успешного конкурента.

– Я? – возмутился Алекс. – Мне сразу было понятно, что только эта наглая, бездарная, жадная женщина могла...

– Заткнитесь!

Слово прозвучало точно выстрел. Побледневшая от негодования Нора выступила вперед.

– Не смейте так выражаться в моем доме! – яростно бросила она в лицо Клифорду.

– Бог мой, Нора! – изумился Патрик.

Она не слышала его. Один ее идол рухнул с пьедестала, второго она только что столкнула оттуда собственными руками.

– И вот что, мистер Клифорд... – прибавила Нора. – Уходите!

– Что?!

– Вы наговорили достаточно гадостей о всех нас! Я больше не желаю вас терпеть! Вы оскорбляли мистера Боннэ, оскорбляли Линду и даже моего отца.

– Зато я не убивал вашего привратника! – завопил Клифорд, возмущенный до глубины души. Он никак не ожидал, что эта глупая восхищенная курица решится выгнать его.

– Вы слышали меня. Уходите!

– Привратник-то из Гибса получился так себе, – вполголоса заметил старый Фредерик. – Ворота вечно скрипели.

Но писатель уже вышел, хлопнул дверью.

– М-да, не годится он на роль убийцы, – признал инспектор. – Кишка тонка.

– Кого же вы подозревали? – поинтересовался Боннэ.

– Миссис Норидж.

Гувернантка подняла брови.

– Думал, что только у вас хватило бы хладнокровия укокошить мерзавца Гибса и запутать все дело, – пояснил Барни. – Но я ошибся. Линда Макнормик, вы арестованы по обвинению в убийстве Джошуа Гибса.

Линда шагнула к нему навстречу и вытянула руки.

– Я ни о чем не жалею, – жестко сказала она. – Он заслуживал наказания, и он получил его.

– Но вы, вы не заслуживали, – возразила миссис Норидж, глядя ей в глаза. – И ваши дети не заслужили такого. Как страшно вы наказали их и себя, миссис Макнормик...

Несколько секунд Линда смотрела на гувернантку, а затем отвела взгляд.

– Пойдемте, инспектор, – звенящим голосом приказала она.

Когда полицейские ушли, Нора закрыла лицо руками. Патрик устремился к жене, но старый Фредерик успел первым.

– Ну-ну-ну... – тихо сказал он, обняв дочь. – Все уже позади, милая. Не плачь, голубка моя.

– Восьмой принцип, – вдруг произнес Боннэ, не сводивший с гувернантки восхищенного взгляда.

– Что? – обернулся старик.

– Восьмой принцип! – повторил юноша громче. – Миссис Норидж, вы сказали, у вас восемь принципов.

– Совершенно верно.

– Но перечислили только семь! – Скульптор вскочил. – Какой восьмой принцип, миссис Норидж? Я готов высечь предыдущие семь на камне и поставить под каждым свою подпись. Вы убедили меня, что это лучшее, что придумало человечество. Но восьмой – о, я чувствую, это должна быть вершина мудрости. Скажите же о нем!

– А ведь и в самом деле! – присоединился к нему Патрик. – Вы не раскрыли последний принцип!

– Что ж, это действительно в своем роде верх мудрости, – согласилась гувернантка. – Восьмой принцип такой: никогда не пытайтесь убить комара молотком.

Повисло ошеломленное молчание.

– Комара – молотком? – изумленно переспросил Патрик.

– Какая оригинальная мысль... – неуверенно проговорила Нора.

– В этом есть суровая правда жизни, – признал Боннэ.

– За это надо выпить, – пробормотал Фредерик Бойл. – Молотком, вы только подумайте!

Миссис Норидж дождалась, пока наступит тишина, и сказала:

– Я пошутила. Даю вам слово, я никогда не пыталась убивать комара молотком. А теперь прошу прощения, мне нужно идти к девочкам.

– Она умеет шутить, – благоговейно произнес Фредерик, глядя вслед гувернантке. – Дорогая, ты слышала? Запомни этот день. Миссис Норидж пошутила!

Несколько дней спустя

– Миссис Норидж, постойте!

Гувернантка остановилась и вопросительно взглянула на Патрика Эванса. Девочки, поцеловав отца с утра, уже убежали завтракать, и она собиралась последовать за ними.

– Я кое-что хотел спросить у вас... – начал Патрик, потирая переносицу.

– Про комара?

– О, нет! – он рассмеялся. – Дело в другом. Я заметил, что вы весьма проникательны, миссис Норидж. Весьма! Врачи и священники обычно неплохо разбираются в людях, но вы ни то и ни другое. Так скажите мне, где вы этому научились?

Миссис Норидж задумалась, но ненадолго.

– Видите ли, сэр, по долгу своей профессии я хорошо разбираюсь в детях. А взрослые ничем не отличаются от них. Если вы знаете детей, то знаете и взрослых.

– Неужели? Совершенно ничем не отличаются?

– Абсолютно, – заверила миссис Норидж.

– Вот уж ерунда так ерунда, – пробормотал Патрик, едва дверь за гувернанткой закрылась. – Дети! Ха! Ничего подобного. Может, кое-кто в этом доме и впал в детство... – он выразительно посмотрел на портрет тестя, – но только не я. Дети есть дети, а взрослые есть взрослые. Верно я говорю, Дик?

Лабрадор утвердительно гавкнул.

Патрик Эванс откинулся на спинку кресла с удовлетворенной улыбкой.

Затем выдвинул ящик, достал новую модель паровоза, которую закончил клеить как раз утром, и поставил на столе перед собой так, чтобы солнце сверкало в стенках начищенных, как новенькие ботинки, веселых зеленых вагончиков.